

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УО «Минский государственный лингвистический университет»

**ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ.
ЯЗЫКОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ**

Сборник научных статей

Выпуск 7

Минск МГЛУ
2018

УДК 81'1
ББК 81.0
Т34

Рекомендован Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 1 (46) от 19 января 2017 г.

Рецензенты: доктор социологических наук, кандидат филологических наук, профессор *В. А. Симхович* (БГЭУ); кандидат филологических наук *О. М. Николаева* (Ин-т языкознания им. Я. Коласа Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси)

Редакционная коллегия: А. М. Горлатов (*ответственный редактор*), З. А. Харитончик, Л. М. Лещёва, Е. Г. Лукашанец, Л. А. Тарасевич

Т34 **Теория** коммуникации. Языковые значения : сб. науч. ст. / редкол. : А. М. Горлатов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2018. – Вып. 7. – 192 с.
ISBN 978-985-460-850-1.

В сборнике освещаются проблемы концептуализации и категоризации мира, социальные и когнитивные аспекты дискурса, результаты контрастивного анализа языковых систем и их функционирования в различных типах коммуникации.

Для специалистов в области когнитивной и коммуникативной лингвистики, аспирантов гуманитарных специальностей.

УДК 81'1
ББК 81.0

ISBN 978-985-460-850-1

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск сборника научных статей кафедры общего языкознания включает труды как преподавателей, так и студентов, выполнивших свои исследования под их руководством, а также бывших аспирантов и докторантов кафедры, успешно защитивших свои диссертационные работы и продолжающих научную деятельность в Беларуси и за рубежом. Публикуются также статьи наших коллег из других университетов Республики Беларусь и России.

Все исследования, осуществленные на богатом и разнообразном материале белорусского, русского, английского, немецкого, французского, итальянского, китайского языков, данных Национальных корпусов и интернет-ресурсов, объединены двумя ключевыми проблемами. В разделе «Теория коммуникации» анализируются вопросы семантики и прагматики разных типов дискурса – политического и его разновидностей: парламентского, обращений президента США к нации и др., научной дискуссии, интернет-коммуникации и т.д. В разделе «Языковые значения» исследованию подвергаются разные аспекты языковых значений: поднимаются важнейшие вопросы, связанные с изучением доминирующих в современном мировом языкознании направлений – генеративной лингвистики и конструктивизма, освещаются результаты анализа происхождения, семантико-синтаксических свойств, детерминологизации, системных связей лексических единиц, семантического объема лексических значений, факторов, влияющих на продуктивность номинативных процессов в литературном языке и социолектах.

В подготовке сборника статей к печати активное участие приняли Елена Витальевна Глинка, Тамара Николаевна Короткая, Елена Наумовна Сандомирская, Зинаида Андреевна Харитончик.

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ. СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ДИСКУРСА

А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова

МУЛЬТИМЕДИЙНОЕ ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ¹

Парламентская коммуникация отличается институциональностью и рядом категорий, которые рассматриваются в статье с точки зрения интеракционального подхода как к форме, так и к содержанию составляющих парламентскую коммуникацию дискурсов и текстов. В статье предлагается метод категориальных оппозиций как средство концептуализации парламентской коммуникации в контексте политической лингвистики.

Будучи частью политической коммуникации, парламентский дискурс достаточно «герметичен» в своей институциональности. Наличие юридической и экономической терминологии, интертекстовые ссылки-референции на артикул той или иной статьи закона или поправки к закону, ссылки на соответствующие положения Конституции, на постановления правительства отталкивают «простого налогоплательщика» своей интертекстовой и терминологической сложностью, вызывая в нем недоверие к самим парламентариям и их деятельности вообще. Так, 29 августа 2012 г. по инициативе общественных организаций, занимающихся мониторингом парламентской деятельности, была принята международная «Декларация о парламентской открытости» [1], охватывающая такие вопросы, как продвижение культуры открытости, обеспечение «прозрачности парламентской информации», «легкого доступа к этой информации» и обеспечение «электронного распространения парламентской информации». По сути дела, сама жизнь потребовала концептуализации парламентской коммуникации, и этот вызов был принят прежде всего созданием и модернизацией официальных сайтов национальных законодательных собраний.

При вступлении в должность спикера французской Национальной ассамблеи г-на Клода Барталоне в 2012 г. было объявлено создание парламентского мультимедийного ресурса (*réserve parlementaire*) как небывалая в истории Пятой республики акция по демократизации парламентской коммуникации и установлению информационного паритета между политическим большинством и оппозиционными партиями [2].

¹ Статья выполнена при поддержке РГНФ (проект №14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция. Европарламент)).

Официальные сайты французского парламента представляют парламентскую коммуникацию что называется в «3D». Один и тот же ее фрагмент (например, заседание парламента или парламентской комиссии) представлен и в текстовых протоколах, и в видеозаписи, которая доступна и «активна» на главном сайте в течение текущего года. Протокол заседания перемещается в архив, также доступный любому пользователю Интернета. Все имена политиков снабжены гиперссылками, соотносящимися с их официальным представлением с указанием партийной принадлежности, сроков парламентского мандата и даже места в амфитеатре зала заседаний. Кроме того, гиперссылки соотносятся и со всеми внутрипарламентскими выступлениями каждого депутата, составляющими его парламентский «резерв», а также с его политическими выступлениями в СМИ, любыми публичными акциями и заявлениями. Сайт предоставляет возможность составить дискурсивный портрет любого парламентария и парламентской партии в мультимедийном формате. Однако, как известно по концептуальной метафористике Дж. Лакоффа, «политика – это война». Поэтому за фасадом французского «социалистического» парламента притаились мультимедийные оппозиционеры, ведущие свои блоги, выступающие в Твиттере, дающие свое представление о французском парламентаризме.

Вопросы понимания парламентского дискурса как одного из центральных дискурсов политической коммуникации имеют не только узкопрофессиональное значение, но и ставятся самим обществом, в котором повышается гражданская заинтересованность в законодательном процессе, все четче проявляется потребность видеть реализацию своих гражданских прав, исполнения гражданских и социальных запросов в выборных институтах власти. Соответственно, возникает потребность научиться и научить понимать парламентскую коммуникацию. Для этого необходимо прежде всего обратиться к имманентным чертам явления *парламентский дискурс*, проникнуть в его природу, наметить пути лингвокультурологического исследования.

По мнению некоторых ученых, «парламентская коммуникация в мировой практике является объектом пристального внимания теоретиков политической коммуникации, однако в России, в связи со спецификой ее парламентаризма, а также определенным тяготением парламентской коммуникации к аппаратным формам (значительная закрытость части материалов, редактирование их перед публикацией), она оказывается изученной недостаточно и, более того, привлекающей куда меньший интерес по сравнению с публичной коммуникацией» [3].

Помимо официальных сайтов Национальной ассамблеи (Assemblée Nationale) и Сената (Sénat), существуют другие интерактивные сайты, например, «Граждане и Парламентарии» [4]. Этот сайт в 2013 г. по инициативе одного из представителей самой крупной оппозиционной партии «Союз за народное движение» – Брюно Лё Мэра – развернул интерактивное исследование под названием «Восстановить доверие между гражданами и парламентариями», которое высветило основные проблемы, стоящие на повестке дня:

- существует кризис доверия к парламентариям со стороны французских граждан;
- представительство в парламенте не отражает социальную структуру французского общества;
- парламентарии не заботятся об информационной связи со своими избирателями;
- законы принимаются не в интересах всего общества, а в частных (корпоративных) интересах и т.д.

В Твиттере существует страничка «Ассистент парламентария» [5], которая содержит достаточно острые критические замечания тех, кого волнует происходящее во французском парламенте и вокруг него.

Природа парламентского дискурса заключается прежде всего в диалогизме, полифонии, интеракциональности [6]. В природе парламентской коммуникации заложена институциональная необходимость сосуществования различных дискурсов: идеологических, партийных, культурных, этнических, наконец, идиополитических [3], т.е. присущих тем или иным ярким политическим фигурам. Парламентский дискурс суть производное от окружающей его общеполитической полемической коммуникации, характеризующейся прежде всего агональностью, идеологической конфронтацией, непримиримостью позиций, вседозволенностью речевых и часто далеко не парламентских средств аргументации, что, конечно же, имеет место и внутри парламентской интеракции. Тем не менее парламентский дискурс отличается по своей интенциональности, определяемой необходимостью принятия решений, которые имеют больший политический вес, требуют значительно большей меры ответственности, не только политической, но и взвешенной гражданской и государственной позиции. Встает вопрос о механизмах превращения полемической по своей сути политической коммуникации в институциональную законотворческую текстовую деятельность. Здесь можно ставить вопрос об институциональности дискурса как о мере ответственности субъектов, его порождающих.

Мозаика интеракционности парламентского дискурса усиливается многоликостью не только жанров (протоколы, выступления, декларации, законопроекты и т.д.), но и способов ее передачи («канала» – по Р. Якобсону), «модусов» существования этих полижанровых текстов, превращающихся в единый гипертекст, представленный на сайтах национальных парламентов.

Таким образом, парламентский дискурс, рассматриваемый в своей институциональной целостности, интеракционно динамичен и конвенционально статичен.

Интеракционная природа парламентского дискурса диктует и интеракционный подход к его исследованиям [7]. Теоретической базой такого подхода становятся традиции русской школы диалогизма, развивающей идеи М. М. Бахтина, функционального структурализма Р. Якобсона, методологии отечественных и зарубежных исследователей «критического анализа» дискурса, речевого (конверсационного) анализа (*conversational analysis*) и корпусной лингвистики, а также бурно развивающейся сегодня политической лингвистики [8].

Вместе с тем институциональная целостность, которая обеспечивается целенаправленностью и конвенциональностью парламентской деятельности, необходимо предполагает взаимодополняющий характер всех парламентских дискурсов как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте. Здесь важно определить тот механизм понимания целостности парламентской коммуникации, который задействован в процессе интерпретации парламентских дискурсов, когда общий смысл вытекает из совокупности смыслов отдельных элементов, а каждый отдельный дискурс понимается только в интертекстовых связях с другими дискурсами и в рамках целого.

Интертекстовая природа электронного «гипертекста», возможность «перемещения» из одного дискурсивного пространства в другое, поликодность такого дискурса, аудиовизуальный канал передачи сообщения – все это дает мощный инструментарий в постижении инноватики и интерактивности парламентской коммуникации. Однако обеспечение доступности информации еще не является гарантией её эффективности. Релевантность, как известно, прямо пропорциональна прозрачности текста и обратно пропорциональна интерпретационному усилию [9]. Политический дискурс отличается амбивалентностью. Партии и политики, придерживающиеся разных взглядов и идеологий, преследующие иногда противоположные цели, пользуются практически одной и той же риторикой, апеллируют к одним и тем же человеческим, христианским и демократическим ценностям. Что плохого, казалось бы, в словах «Слава Украине!» или «Героям слава!», если бы не их сегодняшний зловещий подтекст и кровавый контекст.

Анализ политического (в том числе и парламентского) дискурса требует герменевтического, интерпретационного подхода, опирающегося на разного рода пресуппозиции, необходимые для понимания не только «семантики», но и прагматики дискурса. Эти пресуппозиции и их интерпретации можно представить в виде взаимодействия таких метаконцептов, как «Люди ↔ Тексты», «Парламентский ↔ Политический», «Диалогичный ↔ Монологичный», «Конвенциональный ↔ Обыденный» (дискурсы) и др.

Метод концептуальных оппозиций, интеракциональный по своей сути, может стать основой анализа парламентской коммуникации. Такие оппозиции существуют не только на метауровне, но составляют глубинную структуру дискурсивной организации парламентской коммуникации. Они существуют не в смысле непреодолимых противоречий, а в смысле противопоставляемых, но взаимодействующих друг с другом, перетекающих друг в друга антиномий. Говоря о дихотомичности такого подхода, мы имеем в виду градуальность проявления той или иной оппозиции в ее конкретной реализации.

Рассмотрим какую-либо интеракциональную оппозицию, например, взаимодействие категорий в «**Люди ↔ Тексты**».

Люди, участвующие в парламентской коммуникации, существуют не только в качестве реальных политиков – субъектов парламентской коммуникации. Они входят в текст, и не просто в качестве онимов с исключительно референтной функцией, но и в качестве своего рода концептов, приобретая сигнификативное и коннотативное значения [10]. Имена В. В. Путина, А. Меркель, Б. Обамы обладают понятийным содержанием, вмещающим всю их политическую историю, которая сопровождается эмоционально-оценочными коннотациями. Как это ни печально для французов, имя президента Ф. Олланда вызывает скорее разочарование и грустный скепсис, выплескивающийся в политический и, в частности, парламентский дискурс в виде карикатурных «ников»: седьмого президента Пятой французской республики окрестили *Monsieur Royal* (когда он был спутником Сеголен Руаяль, а так, т.е. по имени супруга, называют только женщин), *Monsieur ni oui ni non* (*Г-н ни да ни нет*), а с легкой руки супруги Николя Саркози – Карлы Бруни – он получил прозвище *Pingouin*.

Так или иначе, прагматическая пресуппозиция и коннотации сопровождают многих политиков и многие партии. К вопросу о ярлыках. Сегодня значительную роль в политической жизни Франции играет партия «Национальный фронт», традиционно «крайне правая», которая в политическом узусе часто трактуется как «националистическая», однако на самом деле достаточно гибкая и часто конструктивная в парламентской деятельности,

победившая на последних муниципальных выборах во многих городах и регионах Франции, имеющая большие возможности в Европейском парламенте и занявшая сегодня объективную, не ангажированную позицию в вопросе об Украине. Ее концептуальные идеологические положения претерпели значительные изменения со времен ее основания Жан-Мари Лё Пенем – изменилась и риторика, и аргументация лидеров партии, что легко проследить на материале персональных дискурсов трех поколений одной семьи: самого основателя партии Ж.-М. Лё Пена, его дочери, сегодняшнего лидера партии, Марин Лё Пен и его внучки – Марион Марешаль-Лё Пен, авторитетного несмотря на свою молодость парламентария.

Так, на одном из заседаний комиссии Национальной ассамблеи по международным отношениям 26 февраля 2014 г. Марион Марешаль-Лё Пен в вопросе министру иностранных дел Лорану Фабиусу отметила, что, нарушая принцип невмешательства, Европарламент в своей позиции по Украине игнорирует тот факт, что часть протестующих майдана относится к неонацистам и крайне правым. Тут же последовала бурная реакция удивленно-ироничного протеста со стороны парламентариев, понять которую можно, только соотнесясь с бытующими политическими стереотипами о «Национальном фронте» как о крайне правой, националистической партии. В ответ на эти «коммуникативные происки» Марион Лё Пен заметила, что «слишком просто сводить все к примитивным оценочным клише, как это делают французские СМИ» [11]. Вот как это передано в тексте протокола:

«Mme Marion Maréchal-Le Pen. Je regrette que l'Union européenne ait, une fois de plus, fait fi du principe de non-ingérence, en soutenant des manifestations, qui dénonçaient certes la corruption, mais auxquelles ont participé des milices néonazies et des partis d'extrême-droite qui risquent d'entrer demain au nouveau gouvernement ukrainien. (Exclamations de plusieurs commissaires.) Chers collègues, votre analyse du Front national est aussi simpliste que celle des médias français!» [12].

Вот здесь еще раз проявляется оппозиция «политическая коммуникация vs парламентский дискурс». Последний должен по определению быть более конструктивным, абстрагироваться от сиюминутных и часто «заказных» течений политического «мейнстрима».

Общеполитический дискурс можно рассматривать как основание для интерпретации парламентского дискурса и характеристики его субъектов. Так, Марин Лё Пен в интервью телепрограмме «Франция-24» (France 24) высказалась о том, что внешняя политика Франции потеряла свою независимость, которая была ей присуща даже в самые «холодные» годы сосуществования Востока и Запада, и превратилась сегодня в продолжение политики

Государственного департамента США [13]. Будучи европарламентарием, в интервью телеканалу France-3 Марин Лё Пен заявила, что экономическая модель Евросоюза является «слишком капиталистической» (!) и препятствует развитию национальных экономик [14]. Такие высказывания, на наш взгляд, как-то далеки от традиционного представления о правом радикализме.

Таким образом, анализ идиополитического парламентского дискурса невозможно понять без пресуппозиций из общеполитической прецедентной коммуникации.

Продолжить интеракционную схему анализа парламентского дискурса можно дихотомией «**Конвенциональность ↔ Неконвенциональность**». Дискурсы в их реализации могут иметь строго институциональный характер (проект закона, отчеты комиссий, протокольные формулы ведения заседания и проч.), с одной стороны, и носить более или менее свободный характер выражения как в плане стиля, так и в плане жанровой реализации дискурса (дебаты, вопросы правительству и т.д.) – с другой. В последнем случае в протоколы заседаний (*compte-rendu intégral*) попадают неинституциональные дискурсивные элементы (реплики, восклицания, аплодисменты и проч.). Важную роль в понимании и интерпретации такой коммуникации на метауровне приобретает видеоряд, мультимедийная составляющая парламентского дискурса, представленная в Интернете. Видеотрансляция позволяет однозначно идентифицировать и интерпретировать аргументативную и интерперсональную направленность таких синкретичных речевых действий, как смех, междометия и т.п., обозначенных обычно в протоколах скупой, стереотипной пометой «шум в зале» (*Exclamations sur les bancs...*). Можно констатировать, что институционализированный полемический парламентский дискурс представляет собой компромисс между институциональными принципами и менее нормированным речевым взаимодействием [15].

Дихотомия «**Интеракциональность ↔ Конклюзивность**» пронизывает дискурсивное пространство парламентской коммуникации.

По сути это трансформация аргументативно-агональных (за/против) дискурсов в законодательные. Парламентский дискурс представляется вершиной политической коммуникации, так как в институциональной (конвенциональной) форме подводит итог всем коллизиям политической борьбы при обсуждении различных законодательных инициатив. Целью исследования в этом случае становится анализ тематики законопроектов, характеризующих общественные либо корпоративные интересы выдвигающих их партий, их фактуальная и аргументативная база, определение целевой аудитории, «бенефициантов» того или иного законодательного текста (общество в целом/ социальная группа – принцип *Cui prodest?* и т.п.). Здесь часто на первый план выступает операциональный аппарат юрислингвистики.

В интеракциональной лингвистике достаточно подробно разработана номенклатура стратегий, маркеров и операторов речевого взаимодействия. Большое значение в определении их роли и функций, в проверке валидности их интерпретации и эффективности воздействия приобретают количественные методы, например, модифицированный контент-анализ, дополняемый когнитивно-концептуальным анализом, например, выявлением концептуальных метафор партийного или идиополитического дискурса. Помимо дискурсивной структуры и содержательного анализа пропозиции, интеракциональное исследование направлено на иллокутивный, интерперсональный и аргументативный аспекты парламентской интеракции [16].

Список метаконцептуальных антиномий парламентского дискурса остается открытым. Политическая лингвистика, оперируя методологическим аппаратом риторики, теории дискурса, теории аргументации, прагмалингвистики, все еще находится на стадии формирования собственного понятийного аппарата. Разрабатываемый интеракциональный подход к смыслообразованию и интерпретации парламентского дискурса должен, на наш взгляд, занять свое место в теории и прикладных реализациях отечественной политической лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Opening parliament [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://blog.openingparliament.org/>. – Дата доступа : 30.01.2015.
2. Assemblée Nationale. Site officiel [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.presidentie.assemblee-nationale.fr/>. – Дата доступа : 30.01.2015.
3. *Белошапкина, Н. Н.* Политические процессы в сфере теории речевого воздействия / Н. Н. Белошапкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://konf-csu.narod.ru/ze/lib/beloshapkina.html>. – Дата доступа : 20.02.2014.
4. *Parlement-et-citoyens.fr.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.parlement-et-citoyens.fr/enquete/>. – Дата доступа : 1.05.2014.
5. *Assistant Parlementaire* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://assistantparlementaire.tumblr.com/>. – Дата доступа : 1.05.2014.
6. *Бахтин, М. М.* М. Бахтин (Под маской) / М. М. Бахтин. – М. : Лабиринт, 2000. – 640с.
7. *Алферов, А. В.* О дискурсивном статусе и категориях парламентской коммуникации: подходы к исследованию / А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова // Политическая лингвистика. – 2014. – №3 (49). – С. 22–30.

8. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – М. : Флинта: Наука, 2012. – 256с.
9. Sperber, D. La pertinence. Communication et cognition / D. Sperber, D. Wilson. – Paris: Minuit, 1989. – 267p.
10. Siblot, P. De la dénomination à la nomination. Les dynamiques de la signifiante nominale et le propre du nom / P. Siblot // Cahiers de praxématique. – 2001. – № 36. – P. 189–214.
11. Vidéos-ASSEMBLÉE NATIONALE Commissions / Mercredi 26 février 2014. Situation en Ukraine [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://videos.assemblee-nationale.fr/video.5255.commission-des-affaires-etrangeres-situation-en-ukraine-26-fevrier-2014#>.
12. en-ukraine-26-fevrier-2014#. – Дата доступа : 22.04.2014.
13. Commission des affaires étrangères. Mercredi 26 février 2014. Séance de 8 heures 30. Compte rendu n° 47 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.assemblee-nationale.fr/14/cr-cafe/13-14/c1314047.asp#P5_47. – Дата доступа : 22.04.2014.
14. Interview de Marine Le Pen sur France 24 (Partie2) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.youtube.com/watch?v=qzhDo7MfI8Q> – Дата доступа : 22.04.2014.
15. Marine Le Pen au 12-13 Dimanche de France3 le 23-02-2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.youtube.com/watch?v=PnRSBH6wnqo>. – Дата доступа : 22.04.2014.
16. Алферов, А. В. Репликативный дискурс парламентских дебатов: на материале скриптов заседаний французского парламента / А. В. Алферов, Л. Г. Шамугия // Вестн. ПГЛУ. – 2013. – № 3, – С. 109–112.
17. Алферов, А.В. Интеракционный дейксис / А. В. Алферов. – Пятигорск, 2001. – 296с.

The present paper focuses on parliament communication as a less charted area of discourse analysis. Basic functional aspects of parliament discourse are distinguished. Each of them is used as a demarcation feature of complex intertextual substance of parliament communication.

Т. В. Бобко

СПЕЦИФИКА ОЦЕНОЧНЫХ МЕТАКОММУНИКАТИВНЫХ КОММЕНТАРИЕВ В РУССКО- И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются типы и закономерности реализации оценочных значений в русско- и белорусскоязычных метакоммуникативных комментариях. Исследование проводится на материале популярных неспециализированных интернет-форумов

Беларуси, что позволяет наблюдать непосредственную метакоммуникативную рефлексию говорящих. Установлено, что тип оценки обусловлен типом метасообщения и положительным или отрицательным характером оценки, а отличия вызваны неодинаковыми представлениями говорящих о том, какие аспекты общения на русском и белорусском языках значимы и актуальны, что связано с разницей в функциях этих языков в условиях языковой ситуации Беларуси.

Исследования в области вербальной метакоммуникации интересны тем, что позволяют оценить, какие факты коммуникации замечают носители языка: очевидно, что далеко не все явления, имеющиеся в коммуникативном процессе, попадают в поле зрения говорящих и, в свою очередь, не все они оцениваются как заслуживающие специального комментария. Особенно продуктивны подобные исследования в сопоставительном плане: известно, что он «позволяет лучше определить особенности каждого из сопоставляемых языков, которые могут ускользать от внимания исследователя при одном лишь внутреннем изучении языка» [1, с. 9]. Применительно к исследованию метакоммуникации это означает установление общего и специфичного в том, на какие именно особенности общения обращают внимание носители разных языков и как они выражают свое отношение к этим особенностям. При этом наиболее ярко, по нашему мнению, отношение говорящих к тем или иным аспектам коммуникации проявляется в оценочных метакоммуникативных высказываниях.

Следует отметить, что термин *метакоммуникация* используется нами в широком смысле: для обозначения любой рефлексии говорящего/пишущего над процессом вербального общения (см., например, подобное определение метакоммуникации у М. Л. Макарова: «Метакоммуникация в самых общих чертах составляет ту часть общения, которая направлена на самое себя, на общение в целом и его различные аспекты: языковую ткань дискурса, его стратегическую динамику, структуру обменов и трансакций – фаз интеракции, меню коммуникативных ролей, представление тем, взаимодействие с контекстом, регуляцию межличностных и социальных аспектов взаимодействия, нормы общения, процессы обмена информацией и ее интерпретации, эффективность канала коммуникации» [2, с. 125]). Чтобы обозначить рефлексию над коммуникативным поведением адресанта/адресата, мы используем термин *собственно метакоммуникация*. Соответственно, в рамки вербальной метакоммуникации включаются метаязыковые, метатекстовые и собственно метакоммуникативные сообщения.

Таким образом, цель статьи состоит в определении общих и различных черт русско- и белорусскоязычных оценочных метакоммуникативных

высказываний в рамках неформального интернет-общения, что позволяет выявить те особенности восприятия общения на русском и белорусском языках, которые обусловлены спецификой языковой ситуации Беларуси и отражают спонтанную метакоммуникативную рефлексивность носителей обоих языков.

В рамках нашего исследования были рассмотрены метакомментарии, направленные на собственную (рефлексивные) или чужую (нерефлексивные) речь и содержащие определенную оценку. Очевидно, что не все типы оценок будут релевантными для метакоммуникации: так, из типов частнооценочных значений, предложенных Н. Д. Арутюновой [3, с. 198–200], в метакоммуникативных сообщениях реализуются в основном нормативные и психологические, реже – эстетические и утилитарные оценки; при этом их языковое оформление и частотность в русско- и белорусскоязычной метакоммуникации будет различаться.

Русскоязычные метаязыковые комментарии чаще всего содержат рациональную нормативную оценку и касаются правильности написания слова, толкования их значений или, реже, уместности употребления¹:

– В моем понимании слово "должен" – это то, что нужно делать, но не очень то и хочется... например ходить на работу, помыть посуду иной раз, встать пораньше;

– Как можно в одном посте написать порковка и парковка?

Нерефлексивные комментарии совмещают нормативную оценку с эмоциональной:

*– Перестаньте уже писать иняз с твердым знаком, **режет** глаз.*

Существенной особенностью комментариев, направленных на эмоциональную или нормативную оценку языковых единиц, выступает выраженный отрицательный характер, что проявляется в использовании интенсификаторов и / или экспрессивной лексики:

– Я поняла, что меня очень бесит слово "надо". Даже так: очень-очень бесит;

– Скрепя сердце, это фразеологизм. Скрипящие сердца меня уже достали.

Эстетическая метаязыковая оценка заключается в том, что слово или выражение воспринимается как «некрасивое» (при этом важно, что «красивые» слова не становятся объектом внимания говорящих):

– Заставить человека можно уважать. Заставить это не красивое слово, надо сделать так чтобы он стал уважать, вот.

¹ В примерах сохраняется орфография и пунктуация авторов.

Белорусскоязычные метаязыковые высказывания нормативного характера чаще всего касаются чистоты белорусского языка, при этом они отличаются от русскоязычных в двух отношениях:

1) рефлексивные высказывания всегда сопровождаются просьбой об исправлении ошибок, т.е. содержат имплицитную отрицательную оценку:

– *Прабачайце за памылкі у мове...*;

2) нерефлексивные высказывания не имеют эмоциональной окраски и ограничиваются констатацией факта без дополнительных комментариев (в этом случае можно говорить об имплицитной оценке) или сопровождаются извинением:

– *Цитата:*

на заканамерны вынік або на следства.

вынік ці наступства(-ы).

– *Выбачайце, але тут лепш сказаць «незвычайна», бо «невывразна» двухсэнсоўнасьць у змест уводзіць.*

Комментарии, направленные на эмоциональную или эстетическую оценку языковых единиц, также имеют два отличия от русскоязычных:

1) они могут носить не только отрицательный, но и положительный характер:

– *Так-так, гэта флудыльня. Ой, можа флудыльня і есьць балбаталка? Балбаталка мне больш да спадабы;*

2) отрицательнооценочные комментарии встречаются в единичных случаях и не содержат экспрессивной лексики (там, где русскоязычные собеседники употребляют слова *бесит, достали, тошнит* и т.п., белорусскоязычные ограничиваются нейтральным *не падабаецца*):

– *Чамусьці мне асабіста Пятроўшчына неяк па гучанні не падабаецца, не мілагучна.*

Эти отличия связаны, по нашему мнению, с важностью символического употребления белорусского языка [4, с. 104–116; 5; 6; 7]: необходимость объединения по языковому признаку диктует сдержанность в эмоциях и подчеркнутую кооперативность диалога.

Метатекстовые русскоязычные оценочные высказывания имеют в основном нормативный характер: в первую очередь отрицательной оценке подвергается излишний объем сообщения или неясность (такие оценки также можно отнести к нормативным, так как они отталкиваются от представлений о том, как должен выглядеть «правильный» текст):

– *Простите за много букафф – больной вопрос;*

– *Столько красивых и непонятных слов написали здесь, что хочется всех обозвать...*

Интеллектуальные оценки связаны с определением сообщения как глупого, неинтересного, поверхностного, банального и т.п.:

– *Возможно, я глупость скажу, но все же...*;

– *Как же я люблю эти наборы универсальных общих фраз.*

Нерефлексивные комментарии, как и метаязыковые, имеют, как правило, выраженный отрицательный характер:

– *Ваши высказывания, что подросток должен работать и на себя зарабатывать – бред!*

Белорусскоязычные метатекстовые комментарии отличаются от русскоязычных прежде всего нечастотностью: они встречаются в единичных случаях, что, на наш взгляд, связано с повышенным вниманием к соблюдению норм языка, при этом остальные качества речи, по-видимому, кажутся не столь существенными. Такие комментарии имеют тот же характер, что и русскоязычные:

– *Ой, нешта многабукаф...*;

– *Гэта прыгожыя словы, за якімі мала што стаіць...*

В отличие от русскоязычных, белорусскоязычные собеседники избегают экспрессивных выражений по отношению к чужому тексту, но могут выразить эмоциональное отношение к написанному:

– *Прабачце, а гэта вы сур'ёзна, ці так не падумаўшы напісалі?... калі так, то падпраўце... бо, напрыклад, мяне, вясковую, гэта абражае.*

И русско-, и белорусскоязычные метатекстовые комментарии с положительной оценкой выражают не только нормативную или психологическую, но и эстетическую оценку:

– *Красиво написано;*

– *Вы так прыгожа, з такой любоўю распавядаеце... Дзякуй Вам.*

Русско- и белорусскоязычные метатекстовые высказывания, как видим, отличаются от метаязыковых характером оценок, которые не входят в разряд нормативных: если метаязыковая рефлексия оперирует такими категориями, как «нравится – не нравится», «приятно – неприятно», то для метатекстовых представлений на первый план выходят причины оценочного отношения; кроме того, эстетическое отношение к языку связано в основном с восприятием «некрасивого», а к тексту – наоборот, с вниманием к «красивому». Различие русско- и белорусскоязычных метатекстовых сообщений заключается в разном внимании к неязыковым аспектам коммуникации и в отношении к потенциально конфликтным ситуациям: русскоязычный пользователь чувствует себя свободным в характеристиках чужих сообщений, белорусскоязычный избегает конфликтогенных высказываний. Эти различия, как уже говорилось, обусловлены спецификой белорусскоязычного интернет-общения, совмещающего коммуникативную и символическую функции.

Русско- и белорусскоязычные собственно метакоммуникативные высказывания имеют в основном нормативный характер: отрицательно оцениваются отступление от темы диалога и те коммуникативные действия, которые считаются предосудительными (например, перебивать, задавать бестактные вопросы, ныть, поучать, придирается к словам и т.п.).

- *Простите што встреваю...;*
- *Нет необходимости цепляться к терминам;*
- *Прабачце, што абмяркоўваю на сутнасці людзей;*
- *Яшчэ б Вы пракаментавалі, да чаго гэта - цаны б Вам не было.*

Положительные комментарии, направленные на чужую речь, интересны тем, что выражают, кроме этической оценки тех или иных коммуникативных действий, еще и утилитарную оценку:

- *Очень ценный совет!;*
- *Добрая парада, насамрэч.*

Отрицательные комментарии имеют те же закономерности, что и предыдущие (метаязыковые и метатекстовые): белорусскоязычные сообщения малочастотны и избегают экспрессивных выражений по отношению к вербальному поведению собеседников, но могут выражать эмоциональное отношение говорящего:

- *Не надо так стараться преподавать уроки. Это выглядит все так же пафосно и напыщенно, как и раньше;*
- *З-за таго, што вешаеце на ўсіх і ўсё ярлыкі, з вамі размаўляць непрыемна і на сутнасці ужо ня хочацца.*

Таким образом, типы метакоммуникативных оценок связаны с тремя факторами: с типом метасообщения, с выражением положительно- или отрицательнооценочного суждения и с особенностями восприятия того языка, на котором происходит общение. Первые два фактора демонстрируют сходство русско- и белорусскоязычной метакоммуникации: тип оценки обусловлен тем, какие факты коммуникации (языковое оформление сообщений, текстовая форма сообщения, коммуникативное поведение) оценивается и каким образом – положительно или отрицательно – говорящий воспринимает эти факты. Третий фактор влияет на степень экспрессивности оценочных суждений и связан с различием в функциях русского и белорусского языков: факт объединения белорусскоязычных коммуникантов по языку становится основой для соблюдения правил кооперативного и вежливого общения и, соответственно, толерантности по отношению к коммуникативным недостаткам собеседника. Символическая функция белорусского языка обуславливает также нечастотность метатекстовых и собственно метакоммуникативных комментариев: повышенное внимание белорусскоязычных коммуникантов к правильности речи компенсируется меньшим вниманием к другим сторонам коммуникативного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак, В. Г. О контрастивной лингвистике / В. Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике : Контрастивная лингвистика. – М. : Прогресс, 1989. – Вып. XXV. – С. 5–17.
2. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
4. Акудовіч, В. В. Код адсутнасці (асновы беларускай ментальнасці) / В. В. Акудовіч. – Мінск: Логвінаў, 2007. – 216 с.
5. Лянкевіч, А. У. Стаўленне да беларускай мовы ў інтэрнэт-камунікацыі : На матэрыяле дыскурс-аналізу каментарыяў на інтэрнэт-форумах / А. У. Лянкевіч // Acta Albaruthenica. – Warszawa, 2013. – Т. 13. – S. 145–159.
6. Мечковская, Н. Б. Почему в постсоветской Беларуси все меньше говорят на белорусском языке? / Н. Б. Мечковская // Неприкосновенный запас [Электронный ресурс]. – 2011. – № 6 (80). – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/m16.html/>. – Дата доступа : 05.12.2014.
7. Чернявская, Ю. В. Белорусы: от тутэйшых – к нации / Ю. В. Чернявская [Электронный ресурс]. – Минск: ФУАинформ, 2010. – Режим доступа : <http://www.belaruspartisan.org/life/158526/>. – Дата доступа : 05.12.2014.

The article examines types and patterns of assessments in Russian and Belarusian metacommunicative comments. The study is carried out on the material of popular non-specialized online forums of Belarus, which allows to observe directly the metacommunicative reflection of speakers. It was found that the type of assessment is due to the type of metamessage and the positive or negative assessment and the differences caused by the different perceptions of speakers about the meaningful and relevant aspects of communication in Russian and Belarusian languages, which is due to the difference in the functions of these languages in the language situation in Belarus.

Н. И. Мельникова, Л. А. Тарасевич

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЙ КОРПОРАТИВНЫХ САЙТОВ БЕЛОРУССКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

В статье анализируются частеречные характеристики англоязычных сайтов ведущих белорусских предприятий-производителей с целью выявления жанровых особенностей их текстов и правомерности их отнесения к виду деловой документации. Установлено, что в целом частеречные характеристики их языка совпадают с частеречными характеристиками

деловой документации, которая отличается преобладанием номинативных частей речи, что имеет ряд отрицательных коммуникативных следствий. Преимущественное использование именных форм позволяет повысить информационную нагрузку текста, однако сопряженная с этим чрезмерная «сухость» подачи материала может произвести негативное впечатление на потенциального клиента, который знакомится с компанией и ее продуктами.

Изучение текстов англоязычных корпоративных интернет-сайтов белорусских предприятий дает важные сведения об особенностях функционирования языка в электронной среде, о характере различий между устной, письменной и электронной речью. Подобные исследования имеют также прикладное значение. Они позволяют оценить потенциальную эффективность информации о предприятии, представленной в сети, поскольку текст корпоративного сайта является главным источником сведений о продукции и рекламного воздействия на клиента. Создание сайтов на английском языке способствует ознакомлению зарубежной аудитории с товарами и услугами белорусского производителя, продвижению торговой марки компании, повышает ее имидж за рубежом.

В англоязычном интернет-пространстве представлены бренды машиностроительных гигантов (ОАО «БелАЗ»), крупных производителей техники (ОАО «МТЗ»), химических предприятий (ОАО «Нафтан»), инновационных IT-компаний с мировым именем (ПВТ), предприятий легкой и пищевой промышленности (ОАО «Світанак», ООО «Марко», ООО «Санта Бремор») и др.

Наше исследование посвящено выявлению жанровой специфики текстов корпоративных сайтов, в частности, установлению того, насколько правомерно их отнесение в видам деловой документации. Такая постановка проблемы обусловлена очевидным несовпадением коммуникативных целей, например, деловых писем, которые должны максимально эффективно донести определенную информацию адресанта адресату, и текстов корпоративных сайтов, имеющих основной целью привлечение внимания и информирование клиентов.

Особенности деловой документации (по сравнению с другими жанрами) проявляются, прежде всего, в соотношении употребляемых номинативных частей речи, которое существенно отличается от других жанров. В нашей работе проводится качественно-количественный анализ классов слов с учетом их информационной нагрузки и коммуникативного воздействия в текстах англоязычных интернет-сайтов. Материалом исследования послужили интернет-сайты на английском языке таких предприятий, как ЗАО «Милавица», СОАО «Коммунарка», ОАО «Світанак», ОАО «БелАЗ», ОАО «Бабушкина крынка», ООО «Санта Бремор» и др. (всего 15 англоязычных интернет-сайтов).

В исследованиях языка интернет-сайтов решается вопрос о том, какие классы слов необходимо использовать для привлечения и удержания внимания посетителей [1]. Рассмотрим информационную нагрузку, которую несут на себе основные классы слов (существительные, глаголы и прилагательные) и их коммуникативные функции.

Имя существительное занимает важное место в составе морфологических ресурсов любого языка. Это обусловлено его семантическими свойствами, количественным преобладанием над другими частями речи и потенциальными изобразительно-выразительными возможностями. Существительные заключают в себе предметные значения, без которых невозможно выражение мысли, поэтому их использование является обязательным условием всякой речевой деятельности. Однако их употребительность в сравнении с другими частями речи колеблется в зависимости от содержания текста, его стилевой принадлежности, функционально-смыслового типа речи и т.д. [2]. Соотношение глаголов и существительных по функциональным стилям существенно отличается: именной характер речи в наибольшей степени свойственен официально-деловому стилю; в меньшей – научному, а в публицистическом стиле существительные могут конкурировать с глаголами [3].

Разные категории имен в соответствии с их принадлежностью к той или иной группе, выделяемой по семантическим, деривационным или другим критериям, отличаются своими информационно-коммуникативными свойствами, поэтому при качественно-количественном анализе существительных необходимо выявить соотношение разных категорий имен. В современной лингвистике существует множество классификаций имен, которые основываются на самых разных параметрах [4, с. 81]. Мы основываемся на их традиционном подразделении на собственные и нарицательные. В свою очередь, нарицательные имена существительные делятся на конкретные и абстрактные; исчисляемые и неисчисляемые; одушевленные и неодушевленные [5].

Коммуникативная функция имен собственных заключается в выделении именуемого объекта из ряда подобных, его индивидуализации и идентификации. Эта функция детерминирована особенностями значения имени собственного, в котором выделяются четыре компонента: бытийный компонент, как существование и предметность обозначаемого, является общим для всех предметно-словесных знаков; классифицирующий компонент, как принадлежность предмета к определенному классу – денотату имени; индивидуализирующий компонент, как специальная предназначенность данного имени для наречения одного из предметов в рамках денотата; характеризующий компонент, как набор признаков денотата, достаточных для того, чтобы

собеседник понимал, о чем или о ком идет речь [6]. Среди нарицательных имен конкретным существительным отводится большая роль в создании контекста, зримой картины описания. Абстрактные имена существительные усиливают действенность речи, могут приносить в нее экспрессивные оттенки [7]. С точки зрения коммуникативных эффектов, обусловленных деривацией, среди имен существительных выделяются девербативы. Отмечается их активное использование в официально-деловом стиле: они дают возможность уместить необходимую информацию в рамки более простой синтаксической структуры и тем самым уплотнить информацию [8].

Глаголу в разных стилях также отводится неодинаковая роль: в официально-деловом стиле, который отличается наиболее ярко выраженным именованным характером речи, употребление глагольных форм минимизируется. Е. Л. Малюга приводит следующие количественные данные: средняя частота употребления глаголов в официально-деловом стиле на каждую тысячу слов равна 60, в то время как в научном стиле она составляет 90, а в художественной речи – 151. Предписывающий характер официально-делового стиля, преобладание в нем констатирующего, описательного типов речи над повествованием, рассуждением определяют его статичность, вытеснение глагольных форм девербативами [3]. По значению английские глаголы делятся на смысловые и служебные. Смысловые (самостоятельные) глаголы обладают собственным лексическим значением, обозначая определенное действие или состояние: *I work at the zoo*. Служебные глаголы не имеют самостоятельного значения и используются только для построения сложных форм глагола или составных сказуемых. Основными формами английского глагола являются инфинитив (*to sing, to travel*), прошедшее неопределенное время (*sang, travelled*), причастие прошедшего времени (*sung, travelled*), которые служат для построения всех остальных глагольных форм, простых и сложных [9]. На страницах интернет-сайтов часто встречаются безличные конструкции с инфинитивом и относительным местоимением (*how to apply*), создающие эффект присутствия представителя компании, который дает рекомендации посетителю сайта [10].

Прилагательные в официально-деловой речи рассматриваются как источник речевой экспрессии, этот класс слов служит для детального описания предмета. Стилистические возможности качественных и относительных прилагательных не одинаковы, что обусловлено природой этих семантических разрядов слов. Качественные прилагательные обладают самыми яркими экспрессивными свойствами, поскольку в их семантике заключены разнообразные оценочные значения (*warm, dark, long* и др.). Относительные

прилагательные описывают объективные качества предмета через его отношение к материалам (*wooden, leathern*), месту (*Eastern, Swedish*), времени (*daily, monthly*) или связи (*heavenly, motherly*).

Выделив основные коммуникативные свойства имен существительных, глаголов и прилагательных, перейдем к анализу представленности этих классов слов на англоязычных сайтах белорусских предприятий. Данные об употребительности, полученные методом сплошной выборки из главных англоязычных страниц предприятий, представлены на рис. 1¹.

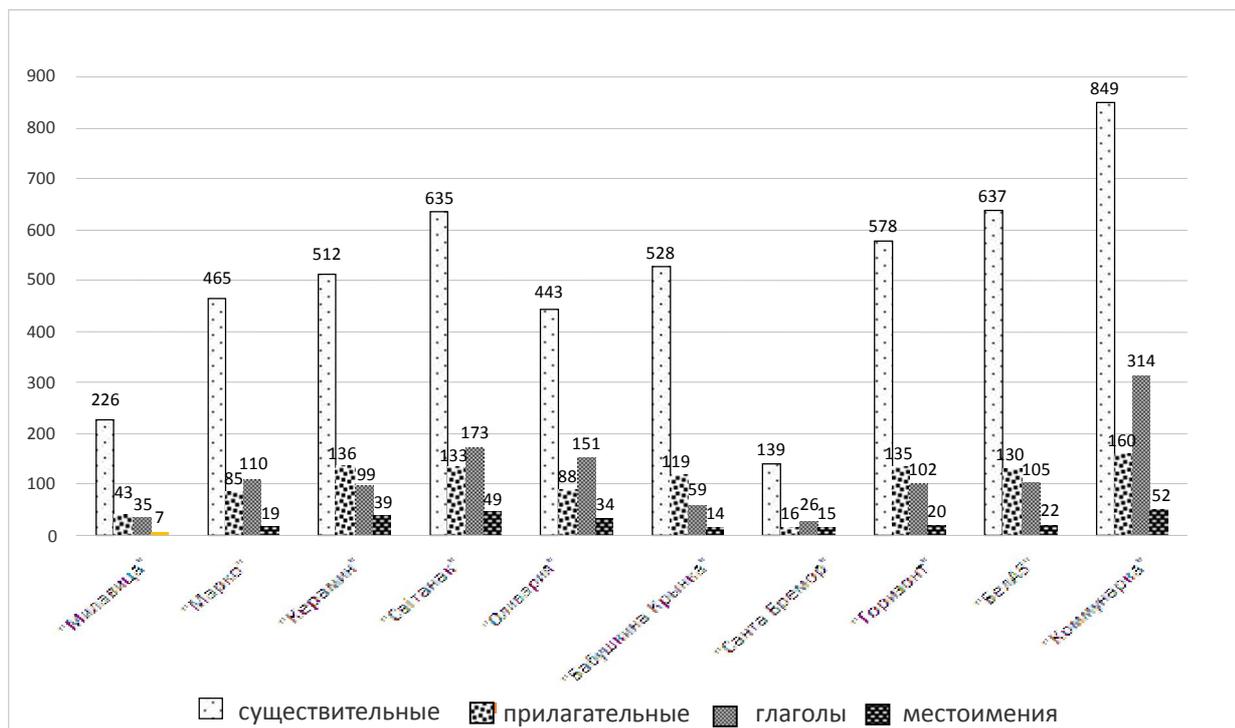

Рис. 1. Количественное соотношение частей речи на сайтах белорусских предприятий

Как показано на рис. 1, в текстах главных страниц всех предприятий в количественном отношении преобладают имена существительные, составляя 67 % от общего количества отобранных для анализа единиц. Наименее употребительными являются местоимения. Что касается глаголов и прилагательных, то их соотношение на разных сайтах отличается. Например, количество глаголов значительно превышает количество прилагательных на сайтах таких предприятий, как ОАО «Коммунарка» и ОАО «Світанак». В анализируемых текстах прилагательные употребляются, в основном, для

¹ На рис. 1 представлены количественные данные по употреблению местоимений, однако в нашей работе в силу ограниченности ее объема местоимения дальнейшему анализу не подвергаются.

описания продукции, процессов ее создания и изготовления. Однако такие описания представлены не на всех сайтах, что сказывается на употребительности прилагательных.

Анализ отобранных классов слов по семантическим разрядам дал следующие результаты. Среди имен существительных на сайтах преобладают конкретные имена, составляя 70 % от общего количества имен существительных (рис. 2). Это обусловлено преимущественным описанием в текстах конкретных фактов, предметов и явлений действительности. Среди конкретных имен особое место занимают имена собственные (15 % от общего числа имен): наименования компаний – «*Horizont Group*», «*Alivaria Brewery*», «*Milavitsa*», «*Belarusian Autoworks (BELAZ)*», «*Svitanak*», «*Keramin*», «*Marko*», «*Santa Bremor*», «*Babushkina Krynka*», «*Kommunarka*»; наименования продукции – «*BELAZ-7545 Series*», «*The Hidalgo*», «*All-Liked Alyonka*», «*Happy Grandchildren*», «*Moryachok*», «*Marko Prestige*», «*Bergamo sanitaryware*», «*Fishka*»; географические названия – *Poland, Belarus, Germany, Finland, Czech Republic, Baltic countries*; имена и фамилии представителей компании – *Kirill Y. Gromov, Dmitry S. Belikov, Natallia V. Babkov*; национальности – *Belarussian, Russian, Dutch, Swiss, Pole*. Их частое употребление способствует запоминанию компании или продукта, повышает впечатление публичности, открытости, контактности, усиливает эффект персональности.

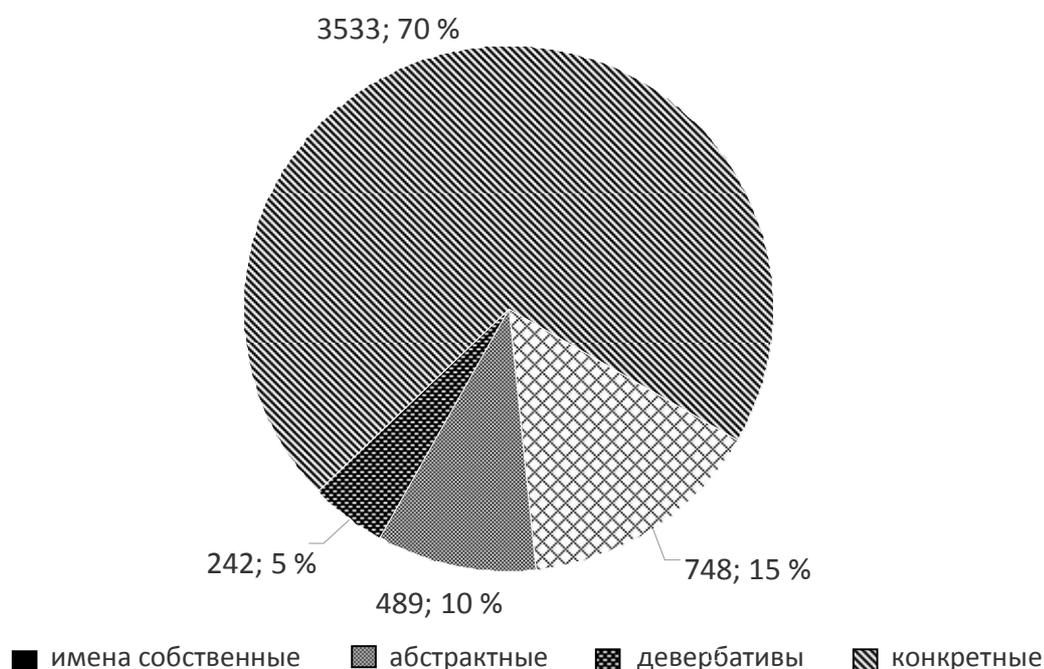

Рис. 2. Количественное соотношение конкретных имен существительных, абстрактных имен существительных, девербативов и имен собственных

Абстрактные имена встречаются реже, чем имена собственные (10 % от общего числа имен существительных) и употребляются для обозначения свойств, качеств, действий, состояний и т.п.: *pleasure* ‘удовольствие’, *happiness* ‘счастье’, *beauty* ‘красота’, *honesty* ‘честность’, *idea* ‘мысль’. В группе абстрактных имен треть приходится на девербативы (5 % от общего употребления всех абстрактных существительных). Большое количество девербативов свидетельствует об активном использовании на данных сайтах их коммуникативных свойств, в частности, способности изменять коммуникативный фокус за счет элиминации из синтаксических структур глагольных актантов.

Приведенные цифры отражают общие тенденции в употреблении имен на сайтах предприятий и колеблются от сайта к сайту. Например, несколько большее количество имен собственных встречается на сайтах таких предприятий, как ОАО «Коммунарка» и «Милавица» (рис. 3 и 4). Это связано с акцентированием внимания адресата на разнообразии ассортиментного ряда представляемой продукции.

Рис. 3. Количественное соотношение конкретных имен существительных, абстрактных имен существительных, девербативов и имен собственных на сайте ОАО «Коммунарка»

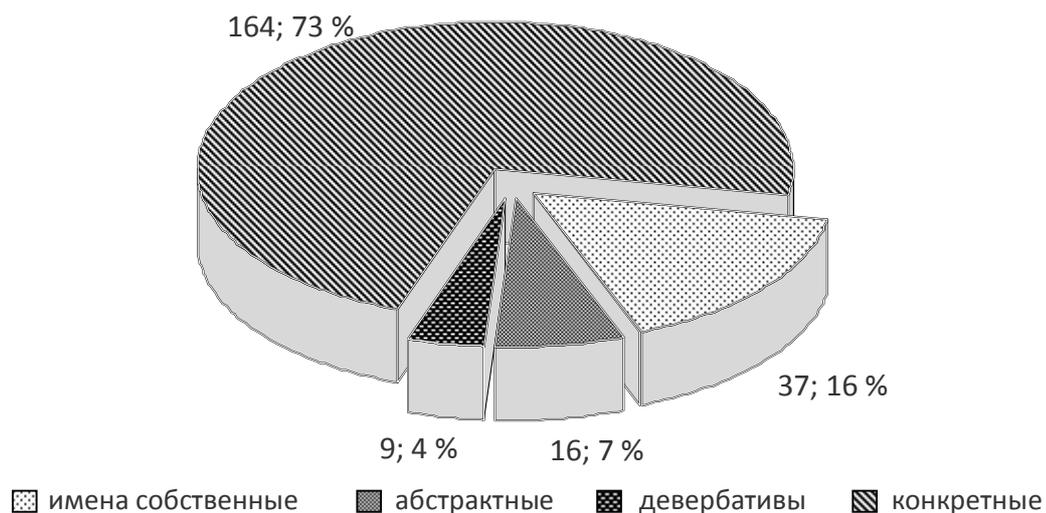

Рис. 4. Количественное соотношение конкретных имен существительных, абстрактных имен существительных, девербативов и имен собственных на сайте ЗАО «Милавица»

Глаголы, употребляемые на страницах анализируемых англоязычных интернет-сайтов белорусских предприятий, были проанализированы по двум параметрам: по способу образования и по значению и выполняемой в предложении роли. По способу образования глаголы делятся на простые, производные и сложные, по значению и выполняемой в предложении роли – на смысловые, вспомогательные, глаголы-связки и модальные [11]. Количественное соотношение по способу образования представлено на рис. 5, по значению и синтаксической роли – на рис. 6.

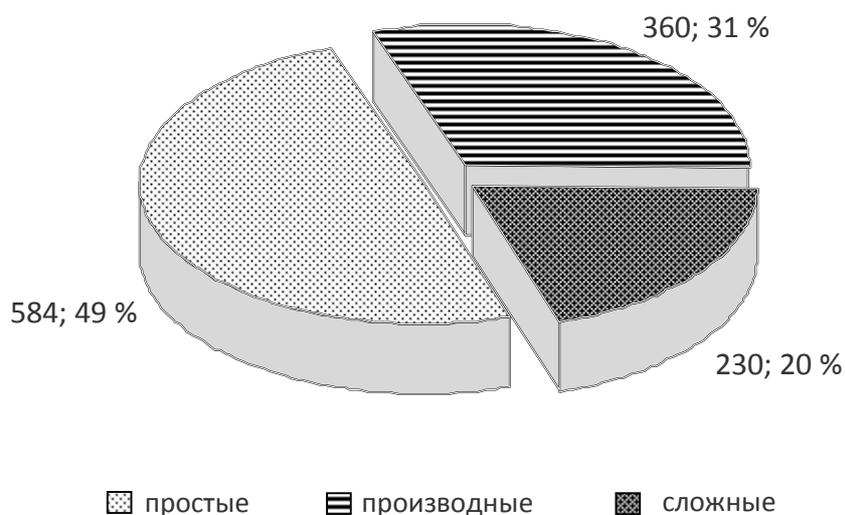

Рис. 5. Количественное соотношение глаголов по способу образования

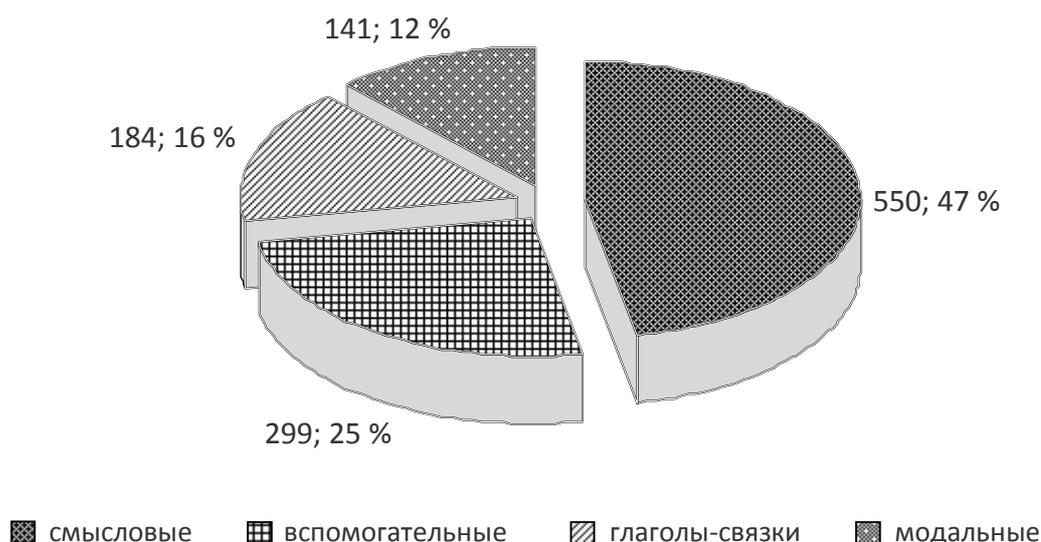

Рис. 6. Количественное соотношение глаголов по значению и роли в предложении

Как следует из рис. 5, на страницах анализируемых интернет-порталов используется большое количество простых глаголов (49 %, например, *to play* ‘играть’, *to add* ‘добавлять’, *to make* ‘делать’), что позволяет упростить структуру предложения, сделать текст простым и понятным для чтения. Реже употребляются производные глаголы, например, *to mistake* ‘ошибаться’, *to simplify* ‘упрощать’ (31 %). Сложные глаголы, например, *to look out* ‘выходить’, *to make up*¹ ‘составлять’ являются наименее употребительными (20 %), так как они затрудняют процесс чтения информации с экранов мониторов.

Среди категорий глаголов, выделяемых по значению и выполняемой в предложении роли, в наибольшем количестве представлены смысловые глаголы (47 %), выражающие действие, процесс или состояние (*to help* ‘помогать’, *to combine* ‘сочетать’, *to develop* ‘создавать’ и др.). Вспомогательные глаголы и глаголы-связки (25 и 16 % соответственно, например, *to be*, *to become*, *to get*, *to grow*, *to turn*) не имеют самостоятельного значения и служат для образования сложных глагольных форм или составного именного сказуемого и употребляются реже, чем смысловые глаголы. Модальные глаголы представлены в наименьшем количестве (12 %). Они выражают отношение говорящего к действию, а также показывают возможность, вероятность, необходимость или желательность совершения

¹ По поводу квалификации глаголов типа *to mistake* ‘ошибаться’ как производных и *to look out* ‘выходить’ как сложных в лингвистике не существует единого мнения. В нашем исследовании мы опираемся на классификацию глаголов в английском языке, приведенную в [12].

действия, выраженного инфинитивом: *You can see the true value of the «Marko» assortment by visiting any of our brand «Marko» shop* ‘Вы сможете увидеть все разнообразие нашего ассортимента при посещении наших фирменных магазинов «Марко»’.

Таким образом, количественное соотношение глаголов разных смысловых групп укладывается в тенденции, выявленные для жанра деловой документации: преимущественное употребление простых смысловых глаголов и незначительная доля модальных.

И м е н а м п р и л а г а т е л ь н ы м отводится вспомогательная роль в именной группе, функция носителя дополнительной информации о предмете. Подразумевается, что эта информация необязательная и служит средством выразительности, описания и воздействия [13]. Имена прилагательные на интернет-сайтах используются с целью дать описательную характеристику того или иного предмета, товара или услуги. Результаты количественного анализа прилагательных по способу словообразования (простые, производные, сложные) представлены на рис. 7 где видно, что 55 % зафиксированных на сайтах имен прилагательных приходится на долю производных имен (*competitive* ‘конкурентный’, *international* ‘международный’, *yearly* ‘ежегодный’ и др.), 37 % – на долю простых (*large* ‘большой’, *good* ‘хороший’, *high* ‘высокий’ и т.д.), и всего лишь 8 % составляют сложные имена прилагательные (*hard-to-please* ‘требовательный’, *up-to-date* ‘современный’). Данный факт мы связываем с тем, что употребление сложных имен прилагательных может сделать текст перегруженным и трудным для восприятия.

Данные по количественному соотношению простых, производных и сложных прилагательных на сайтах разных предприятий могут существенно отличаться от среднего показателя. Например, на сайте компании «Санта Бремор» сложные имена прилагательные полностью отсутствуют (простые имена представлены в количестве 25 %, а производные – 75 %). На сайте компании «Марко» сложные прилагательные составляют 21 % от всех употребленных, в то время как производные и простые – 44 и 35 % соответственно. Различия в соотношении разрядов прилагательных по способу образования связаны, по нашему мнению, с особенностью описания сложных процессов создания продукции. Преимущественное количество производных имен прилагательных свидетельствует об их ведущей роли для языка корпоративных сайтов.

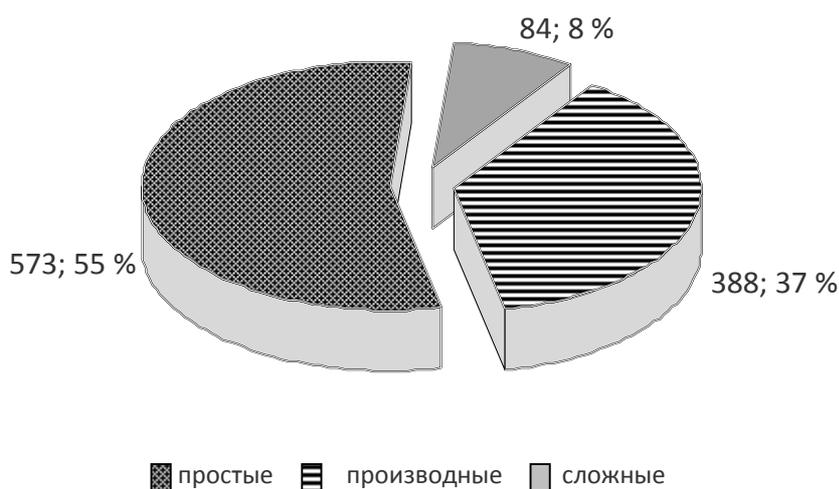

Рис.7 – Количественное соотношение имен прилагательных по способу словообразования.

Анализ имен прилагательных по характеру лексического значения – качественных и относительных – показал, что наиболее активно на страницах интернет-сайтов используются качественные имена прилагательные (91 %). Их употребление связано с необходимостью обозначить качество предмета при описании продукции компании (*large* ‘большой’, *modern* ‘современный’). Качественные имена прилагательные обозначают непосредственный признак предмета, явления, который может присутствовать в большей или меньшей степени, и имеют степени сравнения. Прилагательные в превосходной степени весьма широко представлены на анализируемых интернет-страницах. Употребляя прилагательные в превосходной степени, создатели сайта обращают внимание на максимальное наличие качества непосредственно в их продукте (*the highest* ‘наивысший’, *the best* ‘наилучший’ о качестве) или в характеристиках, которые косвенно свидетельствуют в пользу продукта (*the biggest* ‘наибольший’ о продажах). Однако зачастую такие утверждения не получают объективного обоснования. С нашей точки зрения, эффективнее было бы употреблять с целью более выгодного позиционирования компании или ее продукта относительные прилагательные, обозначающие признак предмета через отношение к другому предмету, например, материалу (*wooden* ‘деревянный’, *leathern* ‘кожаный’, *golden* ‘золотой’), месту (*Belarusian* ‘белорусский’), времени (*daily* ‘ежедневный’, *monthly* ‘ежемесячный’). Вопреки ожиданиям относительные имена прилагательные составляют небольшую группу: всего 9 %.

К сожалению, их более редкое употребление связано с тем, что не на всех анализируемых интернет-сайтах представлено полноценное описание товаров и услуг, производимых компанией.

Таким образом, проведенный анализ англоязычных корпоративных сайтов ведущих белорусских предприятий-производителей показал, что в целом частеречные характеристики их языка совпадают с частеречными характеристиками деловой документации, что имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Преимущественное использование именных форм позволяет повысить информационную нагрузку текста, однако сопряженная с этим чрезмерная «сухость» подачи материала может произвести негативное впечатление на потенциального клиента, который только знакомится с компанией и ее продуктами. По нашему мнению, повысить интерес читателя к товарам и услугам можно путем более активного использования языковых средств, позволяющих объективировать информацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Потеряхина, И. Н.* Английский язык в виртуальной коммуникации / И. Н. Потеряхина // Флинта [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://www.pandia.ru/text/77/150/7667-4.php>. – Дата доступа : 18.04.2014.
2. *Беляева, М. А.* Грамматика английского языка / М. А. Беляева. – М. : Высш. шк., 1977. – 194–195 с.
3. *Малюга, Е. Л.* Некоторые особенности речевого поведения в официально-деловом стиле / Е. Л. Малюга // НОП/ДиПО [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : <http://www.nop-dipo.ru/ru/node/322>. – Дата доступа : 12.04.2014.
4. *Тарасевич, Л. А.* Пространство и язык: о подходах к исследованию / Л. А. Тарасевич // Теоретические и методологические аспекты коммуникации: сб. науч. тр. ; ред. Л. С. Кожуховская. – Минск : РИВШ, 2005. – С. 81–83.
5. Существительное в английском языке [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://www.homeenglish.ru/Grammarnoun.htm>. – Дата доступа : 21.04.2014.
6. *Книжникова, З. О.* О семантике имени собственного / З. О. Книжникова // Вестн. МПГУ. – 2009. – № 3. – С. 237–242.
7. *Кутузов, Л. Ф.* Практическая грамматика английского языка / Л. Ф. Кутузов. – М. : Вече, 1998. – 247 с.

8. *Миронов, Д.* Глагольность в сфере имен: к проблеме семантического описания девербативов: на материале русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. 06.20.00 / Д. Миронов ; Таллин. ун-т. – Таллин, 2008. – 39 с.
9. Английские глаголы. Классификация глаголов английского языка [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://www.native-english.ru/grammar/english-verbs>. – Дата доступа : 16.04.2014.
10. *Атабекова, А. А.* Сопоставительный анализ функционирования языка на англо- и русскоязычных Web-страницах: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. А. Атабекова ; РУДН. – М., 2004. – 36 с.
11. Смысловые и вспомогательные глаголы в английском языке [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://www.activeenglish.ru/category/grammar/verb/main-auxiliary-verbs/>. – Дата доступа : 16.05.2014.
12. Глаголы в английском языке [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.correctenglish.ru/theory/grammar/verb/>. – Дата доступа: 11.04.2014.
13. *Вольф, Е. М.* Грамматика и семантика прилагательного / Е. М. Вольф. – М. : Высш. шк., 1987. – 69 с.

The article concentrates on the analysis of part-of-speech properties of the English-language sites of leading Belarusian enterprises. Basically these properties are characteristic of business correspondence style which might have a number of negative consequences.

О. В. Леон

ВСТРЕЧНАЯ МЕТАКРИТИКА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

(на материале англо-, немецко- и русскоязычных интернет-обсуждений)

В статье рассматривается особый вид метакоммуникации – контркоррекция, понимаемая автором как критический ответ на коррекцию коммуникативного поведения собеседника. На материале персонального политического интернет-дискурса проанализированы структурно-содержательные особенности англо-, русско- и немецкоязычных контркорректирующих высказываний, предпринята попытка классификации контркорректирующих высказываний по референциальной отнесенности используемых адресантом аргументов, выявлены основные языковые средства, используемые при порождении контркорректирующих высказываний в речи.

Контркорректирующие высказывания (ККВ) представляют собой корректирующие метасообщения, возникающие как метакритическая реакция на другие корректирующие метасообщения (метакоммуникативные стимулы) с целью их опровержения, отклонения или погашения. Коммуникативный ход либо тактику, реализуемую посредством данных высказываний, мы предлагаем называть *контркоррекцией* (КК) или *встречной метакритикой*. В отличие от прямого отказа вносить изменения в коммуникативное поведение согласно корректирующему высказыванию, КК использует в качестве аргумента реальные или кажущиеся ошибки и нарушения коммуникативных норм, содержащиеся непосредственно в корректирующем метасообщении (сигнификативная (термин Е.И. Шейгал [1], прочие наименования типов наши), речеповеденческая, экспрессивная, орфографическая КК, КК по принципу релевантности), в интерпретации корректируемого высказывания (градуальная [1] КК, КК интерпретации речевых действий, содержания и оценочной квалификации высказывания) и в коммуникативном поведении адресанта корректирующего метасообщения.

Материалом для нашего исследования послужили диалогические единства модели «высказывание = коммуникативная коррекция нарушения → высказывание = коммуникативная КК (встречная метакритика)», отобранные методом сплошной выборки из обсуждений актуальных политических вопросов 2013–2014 г. русско-англо- и немецкоязычными пользователями Интернета на форумах, в блогах, а также в комментариях к тематическим видеозаписям на сайте Youtube.com¹.

Речеповеденческая КК основывается на том, что форма ее выражения, по мнению адресата, представляет собой этически неприемлемый речевой акт, часть социально неодобряемой коммуникативной тактики либо стратегии, недопустимую полемическую уловку либо неудачно оформленный риторический прием. В данном случае от адресанта корректирующего сообщения могут потребовать прекращения коммуникативного действия – прямо через отрицательную императивную форму глагольного коррелята-названия речевого акта (*hör auf, herumzuröbeln; а вы нас не пугайте*) либо косвенно через положительный императив в устойчивом выражении (*ты теще своей советы давай*) или посредством риторического вопроса, выражающего запрет (*Ты что девушек оскорбляешь?*). При этом в большинстве случаев название речевого акта перемещается в конец высказывания при помощи инвертированного порядка слов.

¹ Орфография и пунктуация в примерах, цитируемых в данной статье, была оставлена без изменений.

Кроме того, адресанта корректирующего высказывания могут только уведомить о предполагаемом наличии в его высказывании речеповеденческого нарушения, не требуя от него конкретных действий, но давая понять, что его сообщение было воспринято негативно либо несерьезно. Высказывания подобного типа маркируются именными коррелятами речевых актов (*a childish assertion; verstehe den Vorwurf der Fehlinterpretation nicht*), коммуникативных ходов, тактик (*descending to insult means your arguments are weakening*) либо их расширенными описаниями (*you're changing the subject to suit yourself and trying to attack me personally*).

Сигнификативная КК мотивирует (иногда в юмористической/ иронической форме) правомерность выбора номинации, оспариваемой в исходном корректирующем высказывании (*Scotty, you're smaller than me. I have the right to refer to you as wee*), либо показывает неадекватность предлагаемой номинации обозначаемому положению дел (*A racist rant where none was called for, interesting. – Not sure I'd describe thirteen words a "rant", can't see a word of racism there and it wasn't very "interesting"*).

В приведенных примерах используется пояснение речевого выбора (ложная аргументация), лексические повторы, обоснование несоответствия речевого выбора обозначаемому явлению (соотнесение определяющего признака означаемого явления со значением слова) и отрицание присутствия обозначаемого явления, усиленное с помощью конструкции-интенсификатора *can't see a word of racism* 'не вижу ни слова расизма'.

Посредством экспрессивной КК адресат корректирующего высказывания может или обосновать адекватность и незаменимость употребления языковых средств выражения своих эмоций и чувств, если адресант корректирующего высказывания требует их заменить, или, напротив, оспорить приемлемость средств выразительности речи, входящих в состав корректирующего высказывания.

При идентификации высказываний данного типа, содержащих косвенное обоснование или опровержение адекватности экспрессивных средств языка, могут возникнуть некоторые затруднения. Например, в высказывании-реакции на исправление орфографической ошибки в нижеследующем диалогическом единстве на первый взгляд трудно распознать экспрессивную КК: *И Украина пишется с Большой буквы.... – А что писать мне с Большой буквы, что с маленькой решать буду сам*. В данном ККВ адресант встречной метакритики противопоставляет собственный вариант написания варианту, предлагаемому в качестве правильного, и на первый взгляд требует предоставить ему самостоятельный выбор варианта написания названия страны, никак не мотивируя данное требование. Необходимо вспомнить

свойственное обиходной письменной речи ненормативное написание имен собственных с маленькой буквы, подчеркивающее пренебрежительное отношение к соответствующему объекту или лицу, чтобы понять, для чего данному интернет-пользователю нужна свобода выбора между строчным и заглавным написанием первой буквы названия страны, и почему выбор сделан в пользу строчного написания. То, что расценивалось собеседником как ошибка (ненормативная графическая форма слова), в данном случае становится для пишущего дополнительным средством выражения личного отношения к предмету речи.

Другой пример экспрессивной КК показывает, как адресат корректирующего высказывания, уличаемый в использовании полемических уловок (софизмов), критикует данное высказывание за неуместную экспрессивную лексику (на которую указывает лексический повтор) вместо того, чтобы подвергнуть критике непосредственно предъявляемое ему обвинение: *Go for independence Scotland! you might be free from **idiot like Scotty M** who is using **bunch of sophism** to prove his statement! – That's hilarious, **an economic illiterate calling me an idiot, hilarious.***

КК по принципу релевантности базируется на том, что вносимые коррективы настолько несущественны для текущего обсуждения и для самого адресата корректирующего высказывания, что на них не следует заострять внимание. Для высказываний данного типа характерно использование лексики, выражающей безразличие говорящего (*let them think what they wish about me*), или синтаксических конструкций возмездительного противопоставления, уравнивающего достоинства и недочеты высказывания (*Das ist doch egal, wie er Sewastopol ausspricht. Das was er sagt ist die Wahrheit!*).

Особенностью письменной коммуникации является возможность орфографической КК – встречной метакритики корректирующего высказывания на основании содержащихся в нем орфографических ошибок. Нижеследующий пример взаимной орфографической КК содержит различные способы ее осуществления: Torsten Daerr: *Der Clown kann **nichtmal** Sewastopol richtig aussprechen und will ein Kenner des Konflikts sein.* – Michael Berger: *Der Clown **weis nicht mal** das man „**nichtmal**“ nicht zusammen schreibt.* – Torsten Daerr: *Michael, du Rechtschreib-Hai, **lern erstmal den Unterschied zwischen „dass“ und „das“ und „weis“ und „weiß“.***

Адресант первого ККВ заимствует грамматическую форму исходного высказывания с лексическим повтором (анафора) для создания иронического (пародийного) эффекта, а также намеренно сближает неправильный и правильный варианты написания слова, одно из которых используется как

имитация ошибки, другое – как пример. Тем не менее им самим допускаются две орфографические ошибки, на которые указывает его оппонент, противопоставляя неправильные и правильные варианты написания посредством сочинительных конструкций. Корректирующему лицу прямо (через императивную форму *lern* ‘выучи’) предписывается усвоить различия между приведенными вариантами, не зная которых, он, с точки зрения оппонента, не вправе корректировать речь других (*lern erstmal* ‘выучи сначала’ = ‘выучи, прежде чем делать замечания другим’).

Встречная метакритика интерпретации корректируемого высказывания адресантом коррекции возможна в том случае, если адресат коррекции считает интерпретационные неточности причиной возникновения видимости коммуникативного нарушения. КК интерпретации речевых действий представляет собой указания корректирующему лицу на ошибки в интерпретации корректируемых действий либо коммуникативных намерений оппонента. Адресантом ККВ озвучивается собственная интерпретация своих речевых действий в противовес интерпретации адресанта корректирующего высказывания. Высказывания данного типа, как правило, вербализуются по схеме «Я не X, я/а (просто/только) Y», где X, Y – глагольные корреляты речевых действий, интерпретируемых партнерами по диалогу (в речи допускается эллипсис первой либо второй части конструкции), например: *Мне вот, например, тоже не нравится, что американцы мою страну Рашей называют. Но это их язык и я в их произношение не лезу. — Так и я не лезу в Тулу со своим самоваром, пишу как мне удобно, у себя дома за своей клавиатурой.*

Адресат корректирующего высказывания может отрицать приписываемые ему действия, не называя их (*sorry i didnt actually do any of the things you said*). Отрицание предлагаемой интерпретации может быть выражено и посредством риторического вопроса (*Bitte, wo habe ich sie denn Beleidigt???*).

По указанной схеме с небольшими изменениями (с включением вербальных средств выражения намерений) в контркорректирующих высказываниях вербализуются поправки интерпретации коммуникативных намерений адресата коррекции – «Я не хотел/собирался X, я (просто/только) хотел/хочу/собирался/собираюсь Y», например: *I don't intend to win ignorance over, I intend to belittle ignorance*. Лексико-грамматическая структура высказываний данного типа параллельна исходным высказываниям либо входящим в их состав синтагмам. Лексические повторы связывают корректирующее высказывание и ККВ между собой и служат индикатором направленности внимания адресанта встречной метакритики.

Аналогичным образом вербализуется КК интерпретации содержания высказывания, к которой адресат коррекции может прибегнуть в целях защиты своих высказываний от смысловых искажений. Основными языковыми маркерами данных ККВ являются структуры вида «Я не говорил, что X, я сказал/имел в виду, что Y», где X – вербализованная интерпретация содержания высказывания партнером по диалогу (по мнению говорящего, неправильная), а Y – ожидаемая говорящим интерпретация данного высказывания.

Одной из характерных особенностей структуры данных высказываний является отрицательный параллелизм между отдельными частями высказывания: *UKIP are not racist, keep using political correctness, gets you no where. – I didn't say UKIP were racist. I said their followers were.*

Пояснительная часть конструкции может опускаться (*вы меня с кем-то перепутали, я не говорил что учебной литературы на украинском просто нет*), в то время как отрицательная часть может быть выражена риторическим вопросом (*Wer redet denn von „automatisch rechts“?*).

КК интерпретации содержания высказывания, по нашим наблюдениям, довольно частотна в интернет-дискуссиях, поскольку их участники часто пользуются приемом ложной интерпретации высказывания оппонента перед тем, как подвергнуть высказывание критике. В подобных случаях один из участников дискуссии нередко эксплицирует свою интерпретацию содержания высказывания другого, а вслед за этим переходит к критике, в действительности критикуя не само высказывание, а собственную его интерпретацию, которая может не соответствовать содержанию высказывания. Интерпретация высказывания оппонента обычно вводится в порождаемый текст конструкциями типа «То есть, ты хочешь сказать, что...», «Другими словами, ты утверждаешь, что...», но данные конструкции могут и опускаться. Авторы подобных высказываний широко используют ложный внутриязыковой перевод и псевдоцитирование, что наглядно продемонстрировано в следующем примере: *Yeah, in other words, what you are more or less saying to me is the following: Translation = “I have no answer to what you have just provided me with, so I'm going to resort to typical leftist response which is **ad hominem attacks**, because I'm an economic degenerate who is so thick, I don't even understand the definition of the word independent”.*

Данный прием имеет значительное сходство с полемической уловкой «соломенное чучело» [2] – намеренным искажением аргумента оппонента в сторону ослабления в целях создания фиктивной точки зрения, которая затем легко опровергается.

КК оценочной квалификации высказывания базируется на противопоставлении оценки говорящим собственного высказывания (по его мнению, правильной) той оценке, которая представлена в корректирующем высказывании (предположительно неправильной): *And don't tell me I'm wrong, I know I'm right*. Риторические вопросы, выражающие сомнение в адекватности оценочной квалификации корректируемого высказывания, также вполне допустимы в данной функции: *бред то зачем писать... – Чего бред? Все прям как ваш прЫзидент сказал*. Вместо противопоставления оценочной лексики в высказывании-стимуле и высказывании-реакции, показанного на предыдущем примере, в данном случае используется лексический повтор и аргументация (ироническая апелляция к авторитету).

Другим вариантом КК оценочной квалификации высказывания является встречная критическая оценка адекватности корректирующего высказывания:

Trying to sit there and proclaim that what I argue is irrelevant is erroneous, as the main argument for going against Westminster was created by the collectivism these people support, so don't bother giving me that crap about what I'm stating is irrelevant, because it's not.

В данном случае аргумент, подтверждающий оценку самого корректирующего высказывания и опровергающий оценку, которая содержится в этом высказывании, заключен в рамочную конструкцию, состоящую из практически параллельных друг другу ККВ. «Рамка» привлекает внимание к противопоставлению оценок и усиливает категоричность отрицания адекватности одной из них – той, которая повторяется (*irrelevant* ‘не имеет значения’) и помещается в различные по форме отрицательные контексты (*erroneous* ‘ошибочный’, *crap* ‘чепуха, чушь собачья’, *it's not* ‘это не так’).

Градуальная КК представляет собой реакцию на необоснованные (по мнению адресата) гиперболы и гиперонимические обобщения, содержащиеся в корректирующем высказывании. Структура высказываний данного типа, как правило, содержит лексико-морфологические повторы, частичный лексико-синтаксический параллелизм или противопоставления, например: *О как Вас батенька занесло, значит Вас лично один человек оскорбил, а все россияне сразу агрессорами стали*.

КК контекстуально-ситуативной интерпретации указывает на неточности истолкования высказывания, причина возникновения которых, по мнению говорящего, заключается в том, что интерпретация его вербального поведения осуществлялась без учета некоторых особенностей данной речевой ситуации. Высказывания данного типа обычно содержат как минимум фрагментарное описание ситуации общения (часто через отрицание): *Und das hier ist Politik und keine „Wissenschaft“; Я пишу быстро и я не на диктанте*.

Наконец, при осуществлении встречной метакритики коммуникативного поведения партнера по диалогу аргументом для отклонения коррекции являются коммуникативные нарушения, допущенные адресантом корректирующего высказывания.

В ряде случаев адресат коррекции мотивирует отклонение корректирующего высказывания тем, что, с его точки зрения, в данном высказывании или в самом факте его порождения проявляется какое-либо социально неодобряемое личностное качество адресанта коррекции, на которое дается указание в ККВ посредством соответствующих лексических единиц: ***If you're looking for one single cause... and that in itself is silly enough, no two historians will agree on the cause of WWII, on the rise of Hitler, and yet you shout down people as being "wrong". This is what shows you up as a follower, rather than a thinker. You're a zealot, and a people hater, wee Scotty.***

Коррекция отклоняется, если адресант корректирующего высказывания уличен адресатом в совершении того же самого нарушения, за которое он критикует своего оппонента, например: ***Вперед не фантазируйте. – Вы сами фантазёр потому что понаписали кривды.***

Структурная связь с высказыванием-стимулом обеспечивается в данном случае за счет лексических повторов, синонимов, однокоренных слов, частичного лексико-синтаксического параллелизма. В состав ККВ данного типа в большинстве случаев включаются различные формы местоимения *сам* в русскоязычном дискурсе, конструкция *Du bist/ Sie sind derjenige, der/ diejenige, die...* 'Это ты/Вы тот, кто/та, кто...' в немецкоязычном дискурсе и конструкция *you are the one who...* 'Это ты/вы тот, кто...' в английском языке.

Адресат ККВ может обвиняться его адресантом не только в том нарушении, которое подвергается коррекции, но и в других, не менее или более грубых коммуникативных нарушениях, допущение которых воспринимается оппонентом как основание для отклонения корректирующего высказывания. Встречной метакритике при этом может подвергаться не только ККВ само по себе, но и другие стороны вербального поведения адресата коррекции.

Лексико-синтаксические средства вербализации ККВ данного типа практически те же, что и в высказываниях предыдущего типа. Отличительными чертами можно считать более частое употребление противопоставлений «я (субъект встречной метакритики) – Вы/ты/они (объект встречной метакритики)», а также более вариативное использование языковых средств выражения иронии, сарказма. К подобным средствам можно отнести, например, практически полное копирование лексико-синтаксической структуры высказывания-стимула с минимумом трансформаций и сохранением

исходных риторических приемов для достижения пародийного эффекта (*More hyperbole. The only weapon of the authoritarian NSA apologist. – More bullshit. The only weapon of the Women/Gay Hating Islamist apologist...*), а также цитаты-аллюзии (*И эти люди запрещают мне ковыряться в носу.* © (цитата из анекдота о Вовочке)).

Наконец, встречная метакритика корректирующего высказывания может осуществляться как отказ его адресанту в праве выражения критических суждений на основании социального статуса, недостаточной информированности, компетентности, опытности, или же в силу того, что адресат корректирующего высказывания более информирован, компетентен, опытен, чем адресант: *Ты знаешь историю, тогда вдумчиво перечитай, что такое «фашизм» чтобы называть вещи своими именами. – Что такое фашизм, пацан. Я лучше тебя знаю. И знаю что сейчас именем революции в Киеве происходит.* Высказывания данного типа характеризуются частым использованием противопоставлений «я – ты», компаративных синтаксических конструкций, частично параллельных лексико-синтаксических структур, лексических повторов.

Следует отметить, что практически каждое ККВ в интернет-дискуссии обычно нацелено одновременно на несколько направлений встречной метакритики, каждое из которых реализуется на уровне отдельных синтагм или языковых единиц в структуре высказывания. Практически каждый из вышеприведенных нами примеров, помимо выделяемого для наглядности типа КК, содержит еще несколько типов.

Отличительной особенностью большинства ККВ в интернет-дискуссиях политической тематики является широкое применение тактики насмешки над адресантом коррекции в ходе встречной метакритики, что проявляется в употреблении пейоративной лексики с референциальной отнесенностью к корректирующему высказыванию (*hilarious* ‘смехотворный, потешный’, *childish* ‘ребяческий’, *crap* ‘чепуха’, *bullshit* ‘брехня’) или к адресанту коррекции (*economic illiterate/degenerate* ‘невежда/дегенерат в экономике’, *Rechtschreib-Hai* ‘акула правописания’, *фантазер, пацан*).

Таким образом, для ККВ, применяемых в политических интернет-дискуссиях, характерно использование полного либо частичного лексико-синтаксического параллелизма и лексико-морфологических повторов для привлечения внимания адресата к коммуникативным нарушениям, подвергаемым встречной метакритике, а также для пародирования вербального поведения оппонента; выражение сомнения и отрицания в вопросительной форме, частые противопоставления «я (адресант встречной метакритики) – ты/Вы (адресат встречной метакритики)»; практически постоянное подкрепление

метакритики одним или несколькими аргументами (в ряде случаев заключаемыми в рамочную синтаксическую конструкцию); направленность ККВ на несколько типов коммуникативных нарушений одновременно, а также общий иронический эффект.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шейгал, Е. И.* Рефлексивы в политической коммуникации / Е. И. Шейгал // Теоретическая и прикладная лингвистика [Электронный ресурс]. – Воронеж, 2002. – Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Режим доступа : <http://knigi1.dissers.ru/books/library1/9405-1.php>. – Дата доступа : 10.09.2014.
2. *Downes, S.* Stephen Downes Guide to the Logical Fallacies / S. Downes [Electronic resource]. – Mode of access : http://web.uvic.ca/psyc/skelton/Teaching/General%20Readings/Logical%20Fallacies.htm#_Toc495459585. – Date of access : 16.01.2015.

This article describes a peculiar kind of metacommunication – countercorrection, which is viewed by the author as a critical response to the correction of the interlocutor's communicative conduct. The author makes an attempt to classify countercorrecting utterances according to the grounds used by the addresser and to reveal the main language means constituting these utterances.

Ю. В. Маліцкі

КАМУНІКАТЫЎНА-ПРАГМАТЫЧНЫЯ МАГЧЫМАСЦІ РЭДУПЛІКАВАНЫХ ЛЕКСІЧНЫХ АДЗІНАК У СУЧАСНЫМ БЕЛАРУСКІМ ГУТАРКОВЫМ МАЎЛЕННІ

У артыкуле разглядаюцца выпадкі выкарыстання рэдуплікаваных лексічных адзінак у сучасным беларускім гутарковым (дыялектным) маўленні. Аналізуюцца магчымасці названых лексем у аспекце рэалізацыі прагматычнага (экспрэсіўнага і эмацыйна-ацэначнага) зместу.

Асноўная функцыя мовы, як сфармуляваў яе знакаміты расійскі лінгвіст Ю. Д. Абрэсян, заключаецца ў кадзіроўцы і дэкадзіроўцы інфармацыі. Уменне карыстацца моўным «кодам» непасрэдна вызначае ўзровень эфектыўнасці інфармацыйнага абмену ва ўмовах маўленчай камунікацыі. На працягу ўсяго часу існавання лінгвістыкі як навукі адным з магістральных

напрамкаў даследавання моўных з’яў, побач з апісаннем сістэмных характарыстык, было вывучэнне заканамернасцей іх функцыянавання. У нашы дні, у час актыўнага росту ўплыву інфармацыі (у тым ліку і яе інтэрпрэтацыі) на жыццё кожнага чалавека і грамадства ўвогуле, актуальнасць вывучэння прынцыпаў адбору сродкаў для ўвасаблення інтэнцыі моўцы ў маўленчай дзейнасці істотна павышаецца.

Працэс жывой камунікацыі наскрозь прасякнуты чалавечым фактарам. Як правіла, індывідуальнае ў маўленні знаходзіць адлюстраванне праз перадачу вынікаў рацыянальна-эмацыйнай кваліфікацыі дзейнасці чалавечай свядомасці. Адбываецца гэта ў першую чаргу за кошт эксплікаванага моўнымі сродкамі колькасна-якаснага і эмацыйна-пачуццёвага відаў ацэнкі. Рэалізацыя кваліфікацыі складае сутнасць феномена прагматыкі маўлення і прагматыкі моўнага знака як яго сродку [1]. Няма сумнення ў тым, што паняцці *гутарковае маўленне* і *прагматыка* звязаны паміж сабой непарыўна.

У лінгвістычным аспекце прагматыка моўнай адзінкі звязана з вылучэннем пэўнага зместу з шэрага іншых зместаў пры дапамозе адпаведных фармальна-маркераў. Найчасцей прагматычныя паказчыкі звязваюцца з двума ўзроўнямі рэалізацыі: лексіка-семантычным і сінтаксічным. Характэрна, што ў вусным гутарковым маўленні – сферы, дзе прагматычныя магчымасці адзінак мовы выяўляюцца на больш поўна і ярка, – высокая ступень запатрабаванасці ўласціва менавіта сродкам, якія маюць непасрэднае дачыненне да абодвух названых узроўняў. Гаворка ідзе пра рэдулікаваныя лексічныя адзінкі.

Рэдулікацыя (паўтор) – гэта «поўнае або частковае паўтарэнне кораня, асновы або цэлага слова як спосабу ўтварэння слоў, апісальных форм, фразеалагічных адзінак» [2, с. 288]. Пры гэтым пад паўторам лексічным (слоўным) разумеецца ў першую чаргу поўнае падваенне слова. «Слоўныя падваенні <...> прадстаўляюць сабой гранічныя выпадкі рэдулікацыі і выступаюць на сучасным этапе развіцця рускай мовы як своеасаблівыя сінтактыка-словаўтваральныя адзінкі, формы злітна-асобнага існавання слова. ... Слоўныя падваенні з’явіліся вынікам характэрнага для гутарковага маўлення ўзаемадзеяння словаўтварэння і сінтаксіса, якое выражаецца ў размытасці межаў паміж словам і словазлучэннем» [3, с. 42].

З’ява лексічнай рэдулікацыі ўласцівая многім мовам свету [4; 5; 6]. Для адных моўных сістэм яна даўно стала рэгулярнай (напрыклад, падваенне прыметнікаў, прыслоўяў і дзеясловаў тыпу *белы-белы, хутка-хутка, чакаў-чакаў* і да т.п. – для беларускай, рускай і некаторых іншых моў; падваенне назоўнікаў – для англійскай, іспанскай і малайскай моў [7]), для іншых пакуль што выступае ў якасці інавацыйнай. Аднак высокая запатрабаванасць падвоеных слоў у тых сферах маўленчай камунікацыі, дзе прагматычныя мэты з’яўляюцца вызначальнымі, відавочная [8; 9].

Як паказваюць назіранні, рэдуплікаваныя лексічныя адзінкі актыўна выкарыстоўваюцца ў сучасным беларускім гутарковым маўленні. Нягледзячы на адкрыты характар пытання аб вызначэнні межаў паняцця «беларускае гутарковае маўленне» [10] у якасці крыніцы матэрыялу намі была абрана «Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі. Цэнтральная зона» [11]. Выданне ўключае ў сябе аб'ёмны (больш за 2000 фрагментаў) тэкставы блок, прадстаўлены запісамі ўзораў народнага маўлення. Па нашым меркаванні, транскрыбіраваная перадача нязмушанага, спантаннага, непадрыхтаванага маўлення жыхароў цэнтральнага рэгіёна Беларусі адэкватна адлюстроўвае актуальны стан сферы жывой камунікацыі. Вялікае значэнне пры выбары крыніцы матэрыялу меў той факт, што ў хрэстаматыю ўвайшлі тэксты, «запісаныя ад прадстаўнікоў сацыяльна адрозных груп вяскоўцаў» [11, с. 4].

У якасці папярэдняй заўвагі, трэба адзначыць, што рэдуплікацыя ў розных яе варыянтах з'яўляецца даволі прадуктыўным сродкам сучаснага беларускага гутарковага маўлення. Тэксты «Хрэстаматыі» фіксуюць у маўленні інфармантаў самыя розныя тыпы паўтору – ад граматычнага (паўтор афіксаў, найчасцей – прэфіксаў: *А ў лес сколькі папаездзіла з бацькам!* [11, с. 162]) і гукапераймальнага (*А ночай хтосьці: драх-драх у дзьверы* [11, с. 398]; *Сычас сьціхне серца. Ніхай так: тых-тых-тых* [11, с. 356]; *Чуе: шлён-шлён-шлён па хаце* [11, с. 325] і інш.) да сінтаксічнага (*Табе ні хазяйкі, табе ні жонкі, ні прачкі – нікога* [11, с. 133]; *Вышла, столькі ўжэ рыдала, столькі рыдала!* [11, с. 266] і інш.). У колькасным аспекце найбольш распаўсюджаным тыпам з'яўляецца паўтор лексічны. Паводле матэрыялаў «Хрэстаматыі», у сучасным беларускім гутарковым маўленні з'ява лексічнай рэдуплікацыі распаўсюджваецца на адзінкі чатырох часцін мовы. Найбольш часта ва ўмовах спантаннага маўлення рэдуплікуюцца прыметнікі (*А мама гэтаго маладога алешніку да намачыла, апарыла, а ён харошы-харошы гэтакі* [11, с. 146]; *У іх калодзеш наўпроціў і лавачка такая бальшая-бальшая* [11, с. 344] і інш.). У значнай ступені прадстаўлены падвоеныя формы прыслоўяў (*Посьлі вайны многа-многа людцаў трудзілася* [11, с. 371]; *Посьлі вайны бедна-бедна жылі* [11, с. 339] і інш.). Радзей адзначаюцца рэдуплікаваныя формы дзеяслова (*Села ў поезд, а есці хочыцца-хочыцца* [11, с. 284]) і назоўніка (*Я пацёр сабе гэтага віска, прышоў дахаты: цімпература-цімпература* [11, с. 429]). Спарадычна прадстаўлены выпадкі поўнага трохразовага паўтору (*Яна й даглядала яе, і падавала, і ўбірала, і ўсё-ўсё-ўсё* [11, с. 471] і інш.).

Асноўная функцыя пераважнай большасці рэдуплікаваных лексічных адзінак звязана з узмацненнем значэння прыкметы або ступені якасці. Адзначаны і выпадкі рэалізацыі значэння вялікай колькасці прадметаў ці з'яў,

а таксама інтэнсіўнасці дзеяння. Гэтыя семантычныя паказчыкі ў цэлым адпавядаюць традыцыйнаму лінгвістычнаму погляду. Аднак прааналізаваны матэрыял, які максімальна дакладна перадае асаблівасці жывой гутарковай камунікацыі, дазваляе гаворыць аб яшчэ адной надзвычай важнай семантычнай характарыстыцы рэдуплікаваных адзінак – прагматычнай зместавай нагрузцы. Аб гэтай семантычнай спецыфіцы прааналізаваных адзінак у навуковай літаратуры, у сваёй большасці прысвечанай вывучэнню фактаў літаратурнай мовы, згадваецца спарадычна, а між тым менавіта прагматычна афарбаваныя сінтаксічныя канструкцыі і нават цэлыя тэкставыя фрагменты – найбольш характэрны асяродак, дзе сустракаюцца выпадкі слоўнага паўтору. Больш таго, у вельмі значнай колькасці выпадкаў менавіта рэдуплікаваныя словы выступаюць у якасці базавых сродкаў стварэння прагматычнага кантэксту (*Некаторыя паўступалі [у калгас], а некаторыя не. Ой, барба-барба была* [11, с. 145]; *Ужэ, здэцца, от хароша спадніца тканая ў клетачкі. Да ўжэ хорашэ-хорашэ* [11, с. 146]; *А грыбоў! Грыбоў гэтых беленькіх праўдзівых! А хочацца-хочацца!* [11, с. 150]; *Усіх з вагонаў – на двор, у сарай нейкі бальшы-бальшы* [11, с. 400]; *І яны – за нашага тату і с сабою гоняць туды. А мы плачам-плачам!* [11, с. 434] і інш.). Прыведзеныя тэкставыя ўрыўкі дэманструюць высокую ступень эмацыйнага ўзрушэння моўцаў. Аб асаблівым стане, выкліканым яркімі ўспамінамі, гаворыць шырокі спектр моўных сродкаў – ад эмацыйных выклічнікаў і клічнай інтанацыі да абумоўленых прагматычнымі мэтамі выпадкаў пропуску асобных членаў сказа і элементаў сінтаксічнай інверсіі. Відавочна, што рэдуплікаваныя лексічныя адзінкі адыгрываюць адну з вядучых роляў у стварэнні адпаведнага настрою выказвання і ў непасрэднай эксплікацыі прагматычнай інтэнцыі моўцы. У першую чаргу гаворка ідзе аб перадачы экспрэсіўнага зместу.

Разуменне экспрэсіі як адной з праяў феномена моўнай прагматыкі традыцыйна звязваецца з рэалізацыяй катэгорыі інтэнсіўнасці [12]. Пры гэтым на ўвазе маецца абазначэнне «вельмі высокай альбо, наадварот, вельмі нізкай ступені праяўлення пэўнай рэальнай прыкметы» [13, с. 42]. Найбольш распаўсюджаны ў маўленні выпадак, калі рэалізуецца значэнне менавіта высокай ступені праяўлення з’явы. Выразная прагматыка-экспрэсіўная спецыфіка згаданых слоў звяртае на сябе ўвагу ў першую чаргу за кошт сінтаксічнага акружэння адзінкі, абумоўленага асаблівасцямі яе семантыкі. У выказванні рэдуплікаваныя лексемы «паводзяць сябе» абсалютна так, як і звычайныя словы-экспрэсівы. Найважнейшым паказчыкам такіх «паводзін» выступаюць спалучальнасныя магчымасці адзінкі ў межах сказа, і ў першую чаргу – наяўнасць так званых слоў-актуалізатараў. У якасці актуалізатараў выступаюць моўныя формы, якія аб’ектывуюць экспрэсіўны змест, узмацняюць

і падкрэсліваюць адпаведны семантычны патэнцыял слова. Так, напрыклад, для падкрэслівання параметрычнай несуразмернасці ступені праяўлення прыкметы, якасці ці дзеяння ў адносінах да ўмоўнай нормы найбольш актыўна выкарыстоўваецца часціца *а* або *да* (*А людзей-людзей* [11, с. 431]; *А мы плачам-плачам* [11, с. 434]; *А сь печы вымеш – душысты-душысты, а ўкусны-ўкусны* [11, с. 409]; *Да ўжэ хорашэ-хорашэ* [11, с. 146]) і займеннік *такі* (*У іх калодзеш наўпроціў і лавачка такая большая-большая* [11, с. 344]). Даволі часта з мэтай падкрэслівання і ўзмацнення значэння надзвычай высокай ступені праяўлення прыкметы, выражанага рэдулікаванай лексічнай адзінкай, выкарыстоўваюцца асобныя словы і нават сінтаксічныя канструкцыі, што фармалізуюць вобразы параўнання ці вобразы множнасці: *Вьюга-вьюга была страшная* [11, с. 215]; *Касьцёр бывае, як яліна, высакі-высакі, дык як падпаляць, дык халера ведае які* [11, с. 199] і інш. Апошні прыклад нам падаецца вельмі цікавым і паказальным. У тэкставым фрагменце, з якога ўзяты сказ, расказваецца пра святкаванне Купалля. Прапазіцыя дадзенага сказа заключаецца ў тым, што распальваецца вогнішча. Зыходзячы з рацыянальна-суб'ектыўных крытэрыяў, моўца кваліфікуе яго памеры як несуразмерна вялікія. Аднак сам назоўнік *касьцёр*, які намінуе з'яву, што выяўляе надзвычай высокую ступень рэалізацыі прыкметы, цалкам пазбаўлены фармальных экспрэсіўных маркераў. Для параўнання можна прывесці сказы тыпу *У Комі АССР такі маразьяка* ('вельмі моцны мароз'), *госпадзі, невазможна!* [11, с. 445] і *Жарышча* ('вельмі моцная спякота') *такая!* [11, с. 317]), у якіх функцыю асноўнага эксплікатара выконвае менавіта назоўнік. У нашым выпадку ўся экспрэсіўная нагрузка сказа ўскладзена на рэдулікаваны рэгіянальны варыянт прыметніка (*высакі*). Поўнае падваенне прыметніка ў комплексе з дапаможнымі актуалізуючымі канструкцыямі (*як яліна і халера ведае які*) як раз стала той формай, якую адшукаў моўца, каб перадаць значэнне вельмі высокай інтэнсіўнасці праяўлення прыкметы з'явы. Поўная рэдулікацыя адной з адзінак сказа выступіла ў выглядзе экспрэсіўнай формы, ідэнтычнай па функцыі прагматычным суфіксам *-як-* і *-ышч-* у экспрэсівах тыпу *маразьяка, жарышча* і да т.п.

Істотнай асаблівасцю прастамоўна-гутарковай камунікацыі, паводле матэрыялаў «Хрэстаматыі», можна лічыць падваенне лексічных адзінак, якія ўжо валодаюць фармальнымі маркерамі ацэнчнай семантыкі. У першую чаргу гэта тычыцца прыметнікаў і прыслоўяў (*Мы прыбеглі: чарот большушчы-большушчы* [11, с. 159]; *Хату мы купілі старэнькую-старэнькую* [11, с. 479]; *Надзярэм картошкі – а ні было на чом – маці напаліць печ, добрэнько-добрэнько напаліць, і – на капусны ліст* [11, с. 448] і інш.). У дадзеных выпадках функцыю рэдулікавання ў аспекце рэалізацыі прагматыкі

можна акрэсліць як дапаможную. Яна заключаецца ва ўзмацненні і фармальным падкрэсліванні кваліфікатыўнага кампанента семантыкі, які актуалізуецца пры дапамозе адпаведных суфіксаў.

Нягледзячы на тое, што адна з базавых функцый слоўнага паўтору – рэалізацыя значэння ўзмацнення прыкметы, а таксама інтэнсіўнасці – найбольш цесна пераплятаецца з экспрэсіўным бокам феномена прагматыкі, рэдуплікаваныя лексічныя адзінкі могуць выступаць і ў якасці эксплікатара эмацыйна-пачуццёвага кампанента семантыкі моўных адзінак. Эмацыйны від ацэнкі «прадстаўляе сабой меркаванне суб’екта (індывідуальнага або калектыўнага) аб каштоўнасці аб’екта, якое праяўляецца не як лагічнае суджэнне, а як адчуванне, пачуццё, эмоцыя моўцы» [13, с. 45]. У аспекце моўнага выражэння эмацыйна-ацэначны змест бачыцца як актуалізаванае пры дапамозе моўных форм каштоўнаснае стаўленне моўцы да аб’екта намінацыі. Найбольш ярка тэзіс аб суб’ектыўна-каштоўнасным падмурку кваліфікатыўнай семантыкі ілюструе наступны тэкставы фрагмент: *Хоць брыдко гаварыць, але ні было ні трусой, ні шаравараў. А цяперака: і трусічкі, і шмусічкі – усё на сьвеце* [11, с. 202]. З’ява лексічнай рэдуплікацыі ў дадзеным выпадку знайшла ўвасабленне ў выглядзе дывергентнага паўтору з заменай пачатковых гукаў другога кампанента характэрным спалучэннем *шм*. Такая форма адсылае да распаўсюджаных у сферы прастамоўя прагматычных мадэляў (напрыклад, *танцы-шманцы* і да т.п.) і адназначна ўказвае на выражэнне моўцам пэўных суб’ектыўных адносін да аб’екта намінацыі. Гэтыя адносіны, паводле зместу сказа, не маюць ніякага дачынення да кваліфікацыі рэаліі ў аспекце яе колькасна-параметрычных паказчыкаў. Тут, бясспрэчна, мае месца эмацыйны характар ацэнкі. Вызначыць сутнасць інтэнцыі дапамагае комплекс актуалізуючых сродкаў, які ўключае ў сябе паўтор злучніка *і* ў спалучэнні з канструкцыяй *усё на сьвеце*. Такі набор актуалізатараў гаворыць пра тое, што моўца імкнецца прадставіць прадметы недыферынцыравана, наўмысна пазбегнуць іх адрознівання, аб’ектывуючы такім чынам пагардлівыя, або, карыстаючыся тэрміналогіяй В. І. Сянкевіча, «адчужальна-элімінатыўныя» [14, с. 22] адносіны. Дывергентны паўтор лексічнай адзінкі ў дадзеным выпадку стаў моўнай формай, праз якую моўца выразіў сваё эмацыйна-пачуццёвае стаўленне да аб’екта намінацыі.

Прааналізаваныя тэкставыя фрагменты «Хрэстаматыі» дазваляюць з поўным правам сцвярджаць, што спосаб рэдуплікацыі (поўнай або дывергентнай) лексічных адзінак у сучасным беларускім гутарковым маўленні, акрамя апісаных у навукова-даведачнай лінгвістычнай літаратуры мэт, на рэгулярнай аснове выкарыстоўваецца моўцамі і для рэалізацыі прагматычнай інтэнцыі экспрэсіўнага і эмацыйна-ацэначнага характару. У найбольшай

ступені слоўны паўтор запатрабаваны суб'ектамі маўлення пры актуалізацыі экспрэсіўнага зместу – пры выражэнні семантыкі параметрычнай несуразмернасці ў адносінах да колькасна-якасных характарыстык з'яў, прыкмет або дзеянняў. Для актуалізацыі названай семантыкі найбольш часта выкарыстоўваецца від слоўнага паўтору, які рэпрэзентуюць двухкампанентныя лексемы, што вымаўляюцца без паўзы, прадстаўляючы сабой цэласную прасадычную адзінку (*вьюга-вьюга, цімпература-цімпература, цёплая-цёплая, большая-большая, хочацца-хочацца, плачам-плачам, моцна-моцна, бедна-бедна* і інш.). На пісьме яны перадаюцца праз злучок. Асобныя факты даюць падставы гаварыць і аб пэўных патэнцыях рэдулікаваных слоў у аспекце рэалізацыі эмацыйна-пачуццёвага (найчасцей, негатыўнага) стаўлення моўцы да аб'екта намінацыі. У плане эксплікацыі такія адзінкі, як правіла, характарызуюцца раздзельным вымаўленнем з адчувальнай паўзай паміж кампанентамі (на пісьме адасабляюцца коскай) з выкарыстаннем характэрных злучнікаў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Апресян, Ю. Д.* Лексическая семантика : Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 367 с.
2. *Розенталь, Д. Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов. – Изд. 2-е испр. и доп. / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1976. – 543 с.
3. *Крючкова, О. Ю.* Редупликация как явление русского словообразования: Историческое развитие и типологическая специфика : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О. Ю. Крючкова ; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2000. – 45 с.
4. *Вежбицкая, А.* Редупликация в итальянском языке : кросс-культурная прагматика и иллокутивная семантика / А. Вежбицкая // Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелёва, под ред. Т. В. Булыгиной. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – С. 224–259.
5. *Израэли, А.* Лексическая редупликация в русском языке / А. Израэли // Russian Language Journal. – 1996. – №165–167. – С.83–90.
6. *Рахимбекова, Л. Ш.* Повторы и их функции в современном китайском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Л. Ш. Рахимбекова ; Моск. ордена Дружбы народов гос. лингв. ун-т. – М., 1999. – 20 с.
7. *Крючкова, О. Ю.* Редупликация в аспекте языковой типологии / О. Ю. Крючкова // Вопр. языкознания. – 2000. – №4. – С. 68–84.

8. *Тархова, Е. В.* Повторы и их функции в судебной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Тархова ; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2007. – 19 с.
9. *Гилярова, К. А.* Такая девочка-девочка : семантика редупликации существительных в русской разговорной речи и языке интернета / К. А. Гилярова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегод. Междунар. конф. «Диалог» (2010) / под общ. ред. А. Е. Кибрик. – М.: РГГУ, 2010. – Т. 9, вып. 16. – С. 90–96.
10. *Рамза, Т. Р.* Гутарковая беларуская літаратурная мова / Т. Р. Рамза // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4. Філалогія, Журналістыка, Педагогіка. – 2011. – № 1. – С. 37–40.
11. Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі. Цэнтральная зона / Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі; уклад. В. Д. Астрэйка [і інш.]; навук. рэд. Л. П. Кунцэвіч, В. М. Курцова. – Мінск: Беларус. навука, 2009. – 529 с.
12. *Балли, Ш.* Французская стилистика: пер. с фр. / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.
13. *Лукьянова, Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления : Проблемы семантики / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Наука, 1986. – 227 с.
14. *Сянкевіч, В. І.* Семантыка і прагматыка рэферэнцыяльных адносін у беларускай мове : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. І. Сянкевіч ; Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мінск, 1996. – 32 с.

The article deals with the facts of lexical reduplication in the modern Belarusian dialect conversation. The pragmatic (expressive and estimated) functionality of reduplicated words has been analyzed.

О. Н. Чалова

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ХАРАКТЕРИСТИК УСТНОЙ НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

В статье констатируется и обосновывается амбивалентный характер научного диалога, демонстрируется, что эта амбивалентность проявляется в двух основных моментах: 1) в способности научного диалога одновременно иметь несколько коммуникативных статусов, т.е. выступать как в качестве жанра общения, так и речевого события; 2) в способности сочетать противоположные лингвистические черты, как собственно языковые, так и категориальные.

В рамках настоящей статьи под **устной научной дискуссией** понимается любой обмен мнениями представителей научной общественности на научном форуме с целью устранения разногласий в истолковании научных фактов, доказательства состоятельности той или иной научной точки зрения и др. Такая трактовка полностью соответствует популярной на сегодняшний день концепции научного дискурса, согласно которой в качестве научного интерпретируется дискурс, характеризующийся следующими признаками: *статусным равенством участников* (принадлежностью всех речевых партнеров к институту науки), *наличием особой цели* (решение научной проблемы) и *специфической формы* существования (полемический диалог) (см. подробнее работы Е. В. Михайловой, например [1]).

Устная научная дискуссия (далее – УНД) и ее языковые, структурные и семантико-прагматические черты неоднократно оказывались в фокусе лингвистического внимания. Устойчивый исследовательский интерес к дискуссии в сфере науки обусловлен прежде всего специфичностью и многогранностью данного речевого феномена. Эта специфичность проявляется уже в том, что УНД в поле научного дискурса имеет двойной статус. Во-первых, ее целесообразно рассматривать, как это традиционно делается, в качестве самостоятельного *жанра* речи. Такой подход абсолютно правомерен, так как согласуется с общепризнанным пониманием жанра как устойчивого нормативного типа текста или диалога, которому присуща тематическая и/или логико-прагматическая завершенность. С нашей точки зрения, однако, УНД целесообразно приписывать еще один коммуникативный статус и, таким образом, рассматривать не только в качестве жанра научной речи, но и *речевого события* («социальной конвенциональной формы организации коммуникативной и практической деятельности участников общения» [2, с. 38]). Прийти к подобному выводу позволяет тот факт, что научной дискуссии свойственны *динамичность* и *кульминативность* [3, с. 519] – параметры, являющиеся неизменными характеристиками каждого речевого события. Кроме того, как и любое другое речевое событие, УНД предполагает *композитивность* [Там же] своего выражения, то есть может состоять из последовательности коммуникативных эпизодов, например фрагментов научного диалога, отличающихся друг от друга режимом реплицирования, степенью фиксированности темы, полемическими свойствами, количеством участников и др.

Таким образом, уже при определении коммуникативного статуса научной дискуссии обнаруживается, что она имеет двойственный характер, свидетельствующий в пользу неординарности и специфичности данного

вида общения. Однако специфичность дискуссии проявляется не только в противопоставленности ее статусных характеристик, но также в *противоположности* (и даже противоречивости) некоторых других ее *черт*, а именно языковых и категориальных. Стоит подчеркнуть, что речь идет не о различиях, обнаруживаемых между несколькими видами дискуссий, например, максимально ритуализованной УНД на защите диссертации и относительно свободным научным диалогом на научном семинаре, заседания которого проходят регулярно, с участием коммуникантов, в той или иной степени знающих друг друга лично и представляющих собой в определенной мере сложившийся коллектив. Объектом нашего анализа выступают *противоположные характеристики*, выделяемые в рамках *близких (с точки зрения регламентированности) видов дискуссии*, а именно разворачивающихся на форумах таких форматов, как круглый стол, научная конференция и др.

Выявлению этих характеристик и посвящена настоящая работа. Их учет может позволить увидеть новые грани и глубину лингвопрагматического разнообразия УНД.

Амбивалентность языковых характеристик научной дискуссии

Прежде всего, способность УНД сочетать противоположные черты проявляется в том, что изучаемому виду диалога присущи языковые средства как *собственно научного общения*, так и *устной спонтанной коммуникации*.

Как известно, к основным *лексическим* признакам *научной речи*, в том числе и научной дискуссии, относится насыщенность терминами и абстрактной лексикой, составляющими основной лексический пласт УНД. Это не означает, однако, что научный диалог исключает наличие разговорных элементов, средств с экспрессивно-эмоциональной окраской в своей лексической структуре. Безусловно, сниженные в стилистическом отношении и другие эмоционально окрашенные лексические единицы в изучаемом виде общения являются немногочисленными, но они имеют место и придают особый колорит речевому взаимодействию ученых, выделяют УНД из ряда других научных жанров (*В начале девяностых годов я называл эту стратегию словом молодежного сленга – пофигизм. Я разговаривал тогда с одним крупным иркутским чиновником и политиком, предлагал программу изучения китайцев. Он ответил, что это не проблема. <...> Через год тот же самый политик стал говорить о желтой угрозе. <...> Это значит, что возникнет огромный спрос на рабочую силу, причем той квалификации, по которой специализируется Китай. А это, в свою очередь, означает большой приток мигрантов. Кто у нас к этому готовится? Никто. И когда они прихлынут, опять начнется – ой, китайцы, китайцы*).

Присутствие в научной дискуссии лексических сигналов разговорной речи обусловлено режимом реального времени, в рамках которого разворачивается научный диалог, стремлением коммуникантов донести максимум информации до адресата в емкой форме, вмещающей гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд.

Наряду с лексическими, в УНД обнаруживаются и противоречивые *синтаксические* маркеры – сигналы письменной научной коммуникации и в то же время средства обыденно-разговорного дискурса. Так, например, развернутые вопросы, а также полные ответы, способствующие реализации таких категориальных качеств научной речи, как ясность, эксплицитность и др., в научной дискуссии могут легко сменяться редуцированными и эллиптическими репликами (*Документально? Скажем, культурно ориентированное пространство*). Эллиптичность высказываний является вполне оправданной в любом устном диалоге, в том числе и научном, где отсутствует необходимость строить высказывание заново и имеется возможность сформулировать реплику с учетом ранее произнесенного.

Среди других проявлений амбивалентности синтаксиса в УНД нельзя не отметить одновременное присутствие как безличных или неопределенно-личных конструкций (*Нужно было бы как-то исходно обозначить эту позицию. Много говорили о программах переселения в Сибирь*), так и авторизованных, характеризующихся личными способами выражения авторского «я» (с помощью местоименно-глагольных, местоименных и глагольных форм 1-го лица: *Я хочу высказаться насчет консолидации русского и немецкого народов. Когда традиционно с некоторых пор в Германии стучат друг на друга, сосед на соседа, мне такая норма не нужна. Мое отношение к этому вопросу непростое, но для меня давно уже ясное. <...>*).

Наличие в научном диалоге полярных лексических и грамматических ресурсов обуславливает специфическое языковое воплощение УНД, которое отличает ее от других жанровых разновидностей научного общения и составляет, таким образом, уникальность научной дискуссии как жанра научного дискурса.

Уникальность дискуссии в сфере науки проявляется не только в полярности некоторых ее вербальных и синтаксических средств, но также в противоположности определенных *категориальных* качеств, присутствие которых, как и вышеназванных языковых особенностей, целесообразно рассматривать в качестве жанрообразующего признака научной дискуссии.

Амбивалентность категориальных качеств научной дискуссии

Категориальная амбивалентность научной дискуссии обнаруживается, прежде всего, в ее способности реализовываться в рамках оппозиции «эксп-

лицитность – имплицитность», то есть, с одной стороны, в необходимости соответствовать таким качествам научной речи, как ясность, точность, строгость, а с другой – в готовности предоставлять в распоряжение говорящего средства косвенного, непрямого, имплицитного воздействия.

Имплицитные способы передачи смысла особенно характерны для ситуаций полемического речевого взаимодействия, насыщенных элементами критики (несогласия, негативной оценки, сомнения и др.), цель которой состоит в обнаружении слабых мест исследовательской позиции аргументатора. В основе имплицитной критики лежит необходимость избегать резких оценок, смягчать и маскировать выражение несогласия. В УНД неявная критика обнаруживается в целом ряде речевых действий, которые варьируются от сообщений, «маскирующихся» под ссылку на непонимание, до выражения несогласия под видом предположения. Кроме того, к одному из основных проявлений неявной критики целесообразно относить случаи обоснования оппонентом собственного утверждения или предположения с целью косвенного опровержения альтернативного тезиса собеседника, демонстрации несостоятельности системы аргументации партнера по общению, например:

ОППОНЕНТ: *И еще вопрос. Меняет ли Ваша классификация что-либо в отношениях к объекту и предмету педагогики как науки?*

АРГУМЕНТАТОР: *Пожалуй, нет.*

ОППОНЕНТ: *Зачем тогда она нужна?*

АРГУМЕНТАТОР: *Мы можем по-разному видеть, стоя на разных берегах одного «озера», каков объект и предмет педагогики. Но я не этим вопросом задавалась, а тем, каким образом добытые нами знания могут быть взаимосвязаны.*

ОППОНЕНТ: *Есть педагогика как наука целостная, единая; на основе которой и развиваются эти направления, течения, теории и т.д., которые стремятся что-то изменить. У этой науки есть объект и предмет, которые всегда были предметом спора, сомнений. Может быть, новое научное знание дает нам новое представление об объекте и предмете педагогики.*

АРГУМЕНТАТОР: *Нет, Евгения Васильевна, вот табличка, которую я хотела предложить каждому... .*

Как видно из приведенного примера, в реплике оппонента прямое указание на ошибочность суждений собеседника отсутствует. Сообщение оппонента, таким образом, выглядит как безобидное предположение о возможности существования общего/единого объекта и предмета педагогики

как целостной науки, рассматриваемой безотносительно ее отраслевой принадлежности. Это предположение, однако, идейно противоречит предыдущему утверждению аргументатора о необходимости выделения самостоятельного объекта и предмета для каждого раздела педагогики, что позволяет интерпретировать реплику оппонента в качестве попытки косвенно усомниться в позиции собеседника относительно обсуждаемого вопроса.

Рассматриваемый способ выражения критики, при котором несогласие/сомнение выглядит как аргументированное предположение о возможности существования альтернативной точки зрения, может считаться проявлением корректного речевого поведения, ориентированного на то, чтобы четко обозначить иную позицию, вежливо и конструктивно (обоснованно) опровергнуть систему аргументации противоположной стороны или усомниться в ней. Следовательно, хотя имплицитная критика и противоречит таким категориальным качествам научной речи, как ясность, точность, четкость и др., тем не менее, она является не просто оправданным, но и желательным элементом научного диалога, так как способствует реализации другой, обязательной для научного общения, категории – категории вежливости, проявляющейся в соблюдении основных принципов конструктивного диалога – «сотрудничества, взаимопонимания, уважения позиции оппонента» [4, с. 134] и помогающей регулировать речевое поведение участников любого общения, в том числе и УНД.

Несмотря на то, что научная дискуссия является одним из наиболее вежливых и толерантных видов общения, режим «живого» диалога, в форме которого она протекает, накладывает свой отпечаток на речевое поведение представителей института науки, в частности обуславливает в УНД нерегулярные нарушения фундаментального принципа вежливости: перебивание, навязывание коммуникативной инициативы (*Три цикла-то какие?*), а также случаи прямой критики, имеющей ярко выраженный полемический характер (1. *Я могу только грубо ответить на этот вопрос...* 2. *Но Вы выхватываете фрагменты. Речь идет не о прямом навязывании, а о куда более тонких механизмах. В конце концов, почитайте Фуко*). Подобное коммуникативное поведение может быть интерпретировано адресатом как некорректное, вступающее в противоречие с обязательной для научного общения категорией вежливости и, таким образом, позволяющее приписывать УНД (как одному из самых толерантных видов общения) способность реализовываться в рамках еще одной оппозиции – «вежливость – полемичность», что в очередной раз подтверждает амбивалентное начало изучаемой разновидности научного дискурса.

Безусловно, в устной научной коммуникации случаи нарушения принципа вежливости являются немногочисленными и не отличаются разнообразием. Это обусловлено институциональным характером научной дискуссии, который накладывает ряд ограничений на структуру научного диалога, в частности на использование некооперативных форм речевого взаимодействия, которые могут отрицательно сказаться на развитии научного диалога.

Таким образом, если амбивалентность языковых черт научной дискуссии проявляется в ее готовности сочетать лингвистические характеристики письменной научной речи и устной спонтанной коммуникации, то амбивалентность категориальных качеств и принципов научного диалога проявляется в способности последнего реализовываться в рамках определенных оппозиций, в частности «ясность/четкость – имплицитность» и «вежливость/толерантность – полемичность». Такая особенность УНД свидетельствует о богатстве лингвопрагматического потенциала дискуссии в сфере науки, изучение которой является перспективным исследовательским направлением в условиях возрастания роли научного общения и необходимости поиска наиболее эффективных способов ведения научного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлова, Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе : на материале статей : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Михайлова. – Волгоград, 1999. – 205 л.
2. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог : структура и динамика / И. Н. Борисова. – М. : КомКнига, 2005. – 320 с.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – 896 с.
4. Соловьева, Н. В. Научный дискурс как жанр в форме коллекции / Н. В. Соловьева // Стиль – 2008. – № 8. – С. 131–136.

The article proves the ambivalent character of the scientific dialogue, which is revealed in the following aspects: 1) in the ability of the scientific dialogue to be both a speech genre and a communicative event; 2) in its ability to combine contradictory linguistic characteristics.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ПРЕЗИДЕНТА К НАЦИИ КАК ЖАНР ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Цель данного исследования состоит в выявлении специфических характеристик такого жанра политического дискурса, как еженедельное обращение президента США к нации, а также особенностей употребления лица глаголов в данном жанре. Фактическим материалом исследования послужили 49 скриптов субботних обращений Б. Обамы к американскому народу за 2009 г. общим объемом 41 038 словоупотреблений.

В настоящий момент можно выделить четыре важнейших параметра классификации дискурсов: по модусу, или каналу передачи информации, по жанру, по формальности и по функциональному стилю, т.е. на основе сфер человеческой деятельности [1]. Так, на основе последнего параметра можно выделить юридический, церковный, педагогический и др. типы дискурса. Интерес для нашего исследования представляет политический дискурс.

Вслед за А. Н. Барановым, мы склонны выделять три причины, которые лежат в основе интереса исследователей к политическому дискурсу. Первая – внутренние механизмы функционирования прикладной лингвистики, которая не могла обойти вниманием такую сферу языковой системы, как политика. Вторая – потребность науки в методах анализа политических текстов и текстов СМИ с целью отслеживания тенденций эволюции общественного сознания и изменений в нем. Третья – социальный заказ, связанный с попытками изменить политическое общение в сторону уменьшения собственно речевого воздействия на слушателя [2, с. 245].

Несмотря на возросшее внимание к политическому дискурсу, общепринятого определения данного термина на данный момент не существует. В широком смысле под политическим дискурсом вслед за Е. И. Шейгал традиционно понимаются «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [3, с. 23].

Политический дискурс в узком смысле не выходит за пределы собственно сферы политики. Например, с точки зрения А. Н. Баранова, политический дискурс – «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [4, с. 246].

В работе мы исходим из узкого понимания политического дискурса и считаем, что дискурс является политическим в том случае, когда он сопровождает политический акт в соответствующей институциональной обстановке, поэтому он является видом институционального дискурса.

М. Ю. Олешков отмечает, что институциональный дискурс – это «специализированная разновидность общения между людьми, которые могут являться членами одного коллектива (профессионального сообщества) или не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социального института» [4, с. 8]. Институциональному дискурсу как форме общественной практики, по мнению ученого, присущи такие признаки, как статусно квалифицированные участники, локализованный хронотоп, конвенционально обусловленная в рамках данного социального института цель, ритуально зафиксированные ценности, интенционально закрепленные стратегии, ограниченная номенклатура жанров и жестко обусловленный арсенал прецедентных феноменов.

К основным характеристикам политического дискурса относятся: преобладание массового адресата, опосредованность фактором масс-медиа, динамичность языка политики, доминирующая роль фактора эмоциональности, смысловая неопределенность, эзотеричность, театральность [3, с. 42–69], а также интертекстуальность и несомненная прагматическая направленность, что обуславливает доминирование коммуникативной стратегии убеждения в данном виде дискурса [5, с. 17].

Таким образом, политический дискурс – это вид институционального дискурса, который отличается от других его видов наличием определенных характерных черт, функций и доминированием стратегии убеждения и способами ее реализации, что позволяет выделить его как отдельную значимую сферу изучения лингвистики, являющуюся перспективной темой для исследования.

Президентский дискурс является одним из проявлений функционирования политического дискурса в повседневной жизни. Стоит отметить, что жанровое пространство президентского дискурса в сфере политической коммуникации, безусловно, определяется социокультурными условиями существования дискурса, историческими традициями самого института президентства в той или иной стране. При этом О. В. Спиридовский утверждает, что доминирование ритуальных жанров «является универсальной характеристикой президентского дискурса» [6, с. 11–12].

Еженедельное обращение американского президента к нации также относится к ритуальным жанрам политического дискурса, т.к. обладает устоявшимися хронотопными характеристиками: является рекуррентным циклическим жанром и имеет фиксированное место проведения (как правило, вещание осуществляется из Белого дома).

Обращение президента США к нации традиционно происходит в субботу и содержит информацию и новости, которые президент считает нужным выделить и сообщить, обсудить и прокомментировать. Основоположником данной традиции является Ф. Рузвельт, выступавший в 30-е гг. XIX в. по радио с «разговором у камина». Однако регулярно президентское радиообращение к нации стало транслироваться лишь в 90-е гг. XX в. И наибольшую популярность приобрело в период правления Б. Обамы, что дает нам основание считать этот ритуальный жанр политического дискурса одним из наиболее новых и перспективных для исследования. Кроме того, еженедельное обращение изменилось с точки зрения канала коммуникации: с 2009 г. президент США Б. Обама выступает перед своими согражданами уже с видеообращениями, которые имеют фиксированную продолжительность – не более 4 минут [7]. Благодаря этим изменениям, которые были внесены в формат традиционного еженедельного обращения президента к нации, оно стало более доступным для слушателей, поскольку архив видеозаписей обращений можно просмотреть в свободном доступе в Интернете.

Основной целью еженедельного обращения президента к нации является стремление к укреплению статуса президента и его права на власть. Данный жанр, как и другие ритуальные жанры президентской риторики, отличается «низкой информативностью и банальностью содержания», т.к. целью таких жанров «является не информирование и не убеждение, а утверждение интегративного взаимодействия власти и граждан» [8, с. 249]. В силу того, что традиционное субботнее обращение президента к нации представлено в радио- или видеоформате, оно воспринимается аудиторией на слух. Именно это, по нашему мнению, является главной причиной относительной простоты его структуры. Композиция выступлений Б. Обамы в большинстве случаев представлена следующими блоками:

1. Заявление темы монолога: *Today I want to speak with you about the stakes of this debate for our people and for the future of our nation* (18.07.2009).

2. Тезисы, ведущие к раскрытию темы, среди которых, опираясь на предложенную Н. С. Сычевской классификацию [9, с. 16], можно выделить следующие:

- тезис-заявление (знакомство с новой информацией): *We are putting Americans back to work doing the work America needs done*, обращение (5.09.2009);

- тезис-констатация (упоминание о каких-либо уже состоявшихся событиях, подача статистических данных): *In the past 3 years over 3 million Americans were discriminated against by insurance companies...* (15.08.2009);

- тезис-характеризация (раскрытие черт какого-либо предмета или явления): *My plan will provide more security and stability to those who have health insurance* (5.09.2009);

- тезис-обязательство (обещание воплотить какие-либо планы, идеи, замыслы в жизнь): *I will be unveiling additional ideas aimed at accelerating job growth* (5.12.2009);

- тезис-предостережение (информация о негативных событиях, которые могут последовать после непринятия ряда мер): *If we don't act average family premium will keep rising to more than \$22 000 within a decade* (15.08.2009);

- антитезис (негативное высказывание): *I refuse to allow this future to happen* (12.09.2009).

Наиболее частотными являются два первых вида тезисов, что вызвано декларативным характером речи.

3. Аргументы, которые тесно переплетены с тезисами:

- аргумент-доказательство: *We've saved jobs by closing State budget shortfalls to prevent the layoffs of hundreds of thousands of police officers, firefighters, and teachers who are today on the beat, on call, and in the classrooms because of the Recovery Act* (31.10.2009);

- аргумент-рассуждение: *The insurance industry knows all this. That's why they're at it again, using their muscle in Washington to try to block a vote that they know they will lose* (19.12.2009);

- аргумент-описание: *But today, we are being given another chance to make it a reality, because each of these rights, and many more, are incorporated in the health insurance reform bill* (19.12.2009).

4. Заключение, которое подводит черту под всем вышесказанным, обычно краткое, 3–5 предложений: *These are the men and women we honor today. These are the men and women we honor on Veterans Day. And these are the men and women we shall honor every day, in times of war and times of peace, so long as our Nation endures* (7.11.2009).

5. Благодарность слушателям как финальная точка обращения (присутствует не во всех скриптах).

Проведенный анализ материала показал, что в еженедельных субботних обращениях президента к нации доминируют темы, связанные с процессами, происходящими в стране в заданный период (2009 год). Наиболее значимыми темами являются: экономика, медицина и здоровье, политика и роль в ней президента, а также национальное единение и традиции.

Помимо названных тем, президентом затрагиваются и другие, менее ожидаемые вопросы. Как отмечает Н. С. Сычевская, нетипичный топос семьи в обращениях президента «выступает и как непреходящая ценность, основа счастливого существования, и как социальный институт, организация потенциальных избирателей», а топос религии «создает положительный образ президента в глазах потенциальных избирателей» [9, с. 17].

К языковым особенностям еженедельного обращения президента к нации относятся следующие:

1. Наличие значительного количества лексических и грамматических знаков интеграции, позволяющих президенту «отождествлять себя с аудиторией, апеллировать к общей национальной, концептуальной и ценностной идентичности» [8, с. 252]: *And while there remains a great deal of difficult work ahead, I'm heartened by what we've seen these past few days: a willingness of those with different points of view and disparate interests to come **together** around **common** goals, to embrace a **shared** sense of responsibility and make historic progress* (16.05.2009); *But as much as we **all** have to be thankful for, we also know that this year millions of **Americans** are facing very difficult economic times* (26.11.2009). Президент стремится показать, что он не отделяет себя от граждан своей страны, что у них общее прошлое, настоящее и будущее, общие цели, задачи и проблемы, которые они будут решать вместе.

Для реализации данной стратегии президент прибегает также к частотному использованию инклюзивного местоимения *we/our*: *Now, this economic crisis has reminded **us** that **we** are all in this together. **We** can't prosper by putting off hard choices or by protecting the profits of the few at the expense of the middle class. **We're** making steady progress towards recovery, but **we** must ensure that the legacy of this recession is an American economy that rewards work and innovation, that's guided by fairness and responsibility, and that grows steadily into the future* (9.05.2009).

2. Использование средств художественной выразительности для привлечения внимания аудитории. Это объясняется тем фактом, что «фатические жанры политической коммуникации – это как раз такие жанры торжественной риторики, в которых стремление высказаться ярко и образно превалирует над точностью, а сама форма может брать верх над смыслом» [8, с. 252].

Наиболее частотными средствами выразительности, используемыми в выступлениях, на лексическом и синтаксическом уровнях являются:

- метафора: *We cannot allow the middle class in this country to be caught in the political crossfire of Washington. People want us to find solutions,*

not score points. And I will not allow middle class families to be treated like pawns on a chessboard (11.12.2010).

- градация: *In the weeks and months ahead, we have an opportunity to build on the work we've already done, an opportunity to rebuild our global economy stronger than before, an opportunity not only to protect the American people and America's economy but to promote sustained and balanced growth and prosperity for our Nation and all nations* (19.09.2009);

- анафора и синтаксический параллелизм: *We saw soldiers bringing to bear on our own soil the skills they had been trained to use abroad, skills that had been honed through years of determined effort ... We saw the valor, selflessness, and unity of purpose that makes our service men and women the finest fighting force on Earth, that make the United States military the best the world has ever known, and that make all of us proud to be Americans* (7.11.2009).

Как известно, одной из лингвистических универсалий является различение 1-го, 2-го, 3-го лица личных местоимений, что говорит о том, что категория лица есть не только в английском языке, принадлежащем к индоевропейской семье, но и во всех языках мира [10, с. 253].

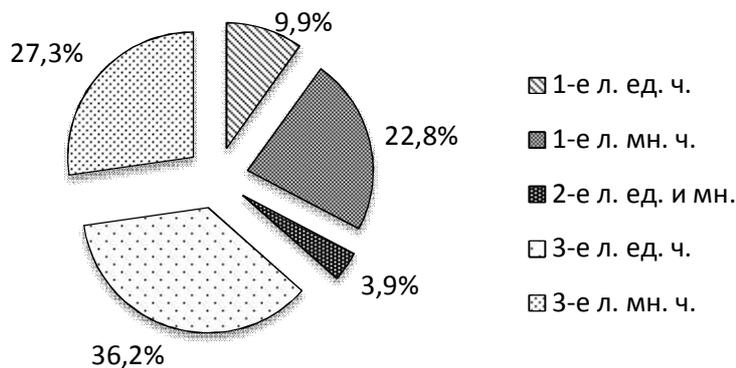
Категория лица в индоевропейских языках служит для того, чтобы представить связь действия и человека. Велика связь значений этой категории с лексическими значениями личных местоимений [11, с. 147].

Б. А. Ильиш дает определение категории лица в английском языке как класса, представленного 1-м, 2-м и 3-м лицом единственного и множественного числа. 1-е лицо представляет самого говорящего (единственное число) или группу, в состав которой входит говорящий; 2-е лицо – человека или людей, которым адресовано высказывание, а 3-е лицо – человека или людей, которые не являются ни говорящим, ни адресатом [12, с. 110–125].

Одной из особенностей грамматической категории лица в английском языке на современном этапе является ее моноядерность. К примеру, в русском языке глагольные формы лица и местоимения составляют 2 морфологических ядра категории персональности [13, с. 135], в то время как в английском единственным ядром категории персональности являются местоимения. Поэтому в нашей работе при рассмотрении прагматического аспекта категории лица мы ссылаемся на местоимения как единственное средство выражения категории персональности в английском языке.

В проанализированных нами текстах еженедельных субботних обращений американского президента к нации количество глаголов 1-го лица

единственного числа составляет 9,9 %, 1-го лица множественного числа – 22,8 %, 2-го лица – 3,9 %, 3-го лица единственного числа – 36,2 %, 3-го лица множественного числа – 27,3% (рисунок).

Особенности употребления категории лица глагола в жанре еженедельного субботнего обращения американского президента к нации

Как видно из рис., в проанализированных нами текстах преобладают местоимения 3-го л. ед. и мн. числа. Это связано с тем, что обычно при противопоставлении *мы – они* под *они* понимается негативно настроенная по отношению к говорящему, далекая в социальном отношении, группа людей. Наблюдается дистанцирование *мы – они*, их противопоставление. Однако в рамках нашего исследования *мы* выступает синонимом *они*, так как в своей речи президент часто употребляет местоимения 3-го л. ед. и мн. числа, говоря о своей нации, американцах.

Местоимения 1-го лица единственного числа представляют говорящего и все то, что с ним связано. Это не только средство субъективной идентификации, но и связь с точкой отсчета «здесь и сейчас». Говоря от 1-го лица единственного числа в еженедельном субботнем обращении к нации, президент может:

1. Делиться личным жизненным опытом, эмоциональными переживаниями: *I have been moved by your determination...* / *Я был тронут вашей преданностью...* (24.12.2009). *I have no greater honor than serving as your Commander in Chief* / *Для меня является великой честью быть вашим Главнокомандующим* (24.12.2009).

2. Показывает особый статус президента, его реальные и потенциальные возможности оказывать воздействие на ход событий в стране: *That's why I announced some additional steps this week...* / *Именно поэтому я объявил о том, что на этой неделе мы примем некоторые дополнительные шаги...* (12.12.2009). *I urge both Houses to act as quickly as possible to pass real reform* / *Я побуждаю обе палаты действовать как можно быстрее, чтобы произвести настоящую реформу* (12.12.2009).

3. Указывает на личную вовлеченность президента в политические дела страны в целом, а также в жизнь каждого конкретного американца: *I signed a bill that will eliminate some of the waste and inefficiency in our defense projects / Я подписал закон, который поможет избежать излишних растрат и неэффективности наших защитных проектов (23.05.2009). The stories and concerns I heard mirrored the countless letters I receive every single day / Рассказы и проблемы, которые я слышал, стали отражением бесконечных писем, которые я получаю каждый день (5.12.2009).*

4. Подчеркивает свою уникальность в политическом мире, то, что главные решения принимает он, являясь лидером страны: *I am confident that we will pass reform this year... / Я уверен, что мы произведем реформу в этом году... (03.10.2009). I will sign this legislation into law shortly... / Я подпишу этот законопроект в ближайшее время (14.02.2009).*

Путем использования местоимений 1-го лица единственного числа американский президент пытается создать образ, вселяющий желание у потенциального электората уважать его, прислушиваться к нему как к авторитетному политику и просто человеку, обладающему рядом положительных качеств.

Чаще всего в речи президента местоимения 1-го лица единственного числа идут в связке с местоимениями 2-го лица множественного числа, что помогает создать эффект объединения президента с нацией (а), а также с местоимениями 3-го лица множественного числа, что противопоставляет президента и другие силы, которые могут быть как позитивно, так и негативно настроенными (б).

а) *That's why I am calling on the Senate to pass this plan, so that we can put people back to work and begin the long, hard work of lifting our economy out of this crisis / Именно поэтому я призываю Сенат принять план, чтобы мы могли вернуть людей к работе и начать долгий и сложный путь по восстановлению нашей экономики после кризиса (31.01.2009).*

I also announced that we'll be taking additional steps through our financial stability plan... / Я также объявил, что мы примем дополнительные шаги к плану достижения нашей финансовой стабильности... (24.10.2009);

б) *And later this year, I will meet with those who come up with the best ideas to hear firsthand about how they would make your Government more efficient and effective / Чуть позже в этом году я встречу с теми, у кого есть наилучшие идеи, чтобы получить из первых рук информацию о том, как они сделают ваше правительство более эффективным и деятельным (25.04.2009).*

I've met [...] folks trying to carry on after losing the person they loved most in the world / Я встречался [...] с людьми, пытающимися прийти в себя после того, как они потеряли человека, которого они любили больше всех на свете (24.12.2009).

Местоимения 1-го лица множественного числа способствует достижению эффекта интеграции: сближению говорящего и слушающего, формированию доверительных отношений, единомыслия. Глаголы, связанные с местоимениями 1-го лица множественного числа, в жанре еженедельного субботнего обращения американского президента к нации могут нести следующие прагматические значения:

1. Употребление местоимения *we* для представления президента как части нации, для рассмотрения его как человека, который переживает вместе с простыми американцами все взлеты и падения в разных сферах жизни, интересуется их проблемами: *We can't expect relief from the tired old theories that, in eight short years, doubled the national debt...* / Мы не можем ждать облегчения от старых теорий, которые за короткие 8 лет умножили национальную задолженность в два раза... (07.02.2009).

[...] *that means they can't buy the goods we produce here in America, which means more lost jobs and more families hurting* / ...это означает, что они не могут покупать товары, которые мы производим здесь в Америке, что означает еще большую безработицу и еще больше пострадавших семей... (04.04.2009).

2. Употребление *we* для характеристики президента как составной части политической системы Америки, основного двигателя страны к светлому будущему: *They know we cannot let special interests and partisan politics stand in the way of reform, not this time around* / Они знают, что мы не позволим особым интересам и каким-либо подпольным делам стать на пути реформы, только не в этот раз (18.07.2009).

Simply put, the protections [...] would represent the toughest measures we've ever taken to hold the insurance industry accountable / Проще говоря, защитные мероприятия [...] могут представить строжайшие меры, которые мы когда либо принимали, чтобы поддержать страховые компании на плаву (19.12.2009).

Местоимения 2-го лица единственного и множественного числа имеют значение поддержания контакта, вовлечение адресата в разговор путем создания эффекта прямого диалога говорящего и слушающего.

В прямом значении подлежащее *you*, требующее глагола 2-го лица, имеет прагматическое значение адресата, то есть человека, которому действительно адресовано сообщение: *You know how TV loves a ruckus* / Вы знаете, как телевидение любит шумиху (15.08.2009).

[...] *then you should know that's what's happening right now* / [...] тогда ты должен знать, что происходит прямо сейчас (15.08.2009).

В переносном значении глагол, связанный с местоимением 2-го лица, примыкает к подлежащему, которое фактически является формальным. Данная структура употребляется для передачи накопленного национального опыта, воззвания к национальному общему самосознанию и является безличной: *So if **you**'re willing to put country before party and the interests of our children above our own, if **you** refuse to settle for a politics where scoring points is more important than solving problems, and if **you** believe, as I do, that America can still come together to do great things, then join us* / Если вы готовы отдать предпочтение стране, а не партии, интересы наших детей своим собственным, если вы отказываетесь от политики, где важнее зарабатывать очки, а не решать проблемы, если вы верите, что Америка еще способна вершить великие дела, присоединяйтесь (12.09.2009).

Кроме того, предикат, представленный глаголом, связанным с местоимением 2-го лица, может использоваться с целью:

1. Трансляции информации, предназначенной для всей нации в целом и каждого в отдельности (обезличенные предложения): ***You** can also reach out directly to our forces around the world* / Ты также можешь прямо обратиться к представителям наших вооруженных сил по всему миру (24.12.2009). На основе этого примера видно, что говорящий лично обращается к каждому американцу, прося помощи для вооруженных сил.

*And my commitment to **you**, the American people...* / И мой совет вам, людям Америки... (5.12.2009). В данном случае после местоимения *you* идет разъяснение, которое подчеркивает, что президент обращается ко всей нации в целом.

2. Обращения к определенной группе сограждан, обладающей определенными чертами и характеристиками: *For we know that positive news for the economy as a whole means little if **you**'ve lost your job and can't find another...* / Как мы знаем, позитивные новости в экономике являются малозначимыми, если вы потеряли работу и не можете найти другую... (31.10.2009). В данном случае президент обращается к группе граждан Америки, страдающих от безработицы.

*If **you** live near a military base, **you** can reach out through your workplaces, your schools, your churches* / Если вы живете недалеко от военной базы, вы можете поддерживать контакт через ваши рабочие места, школы, церкви (24.12.2009). Здесь президент обращается к населению, проживающему недалеко от военных баз.

Местоимения 3-го лица единственного и множественного числа дистанцируют субъект от говорящего, поскольку они указывают на лицо, которое не участвует в диалоге и связано с моментом речи только косвенно.

Именно поэтому довольно часто местоимение *they*, проецирующее на глагол значение 3-го лица множественного числа, используется в значении некоей негативно настроенной силы, которая противостоит и противопоставляется в речи нации и президенту, представленных местоимениями *I, we*: *That's why **they're** at it again, using their muscle in Washington to try to block a vote that **they** know they will lose* / Именно поэтому они снова у дел, прилагая все силы в Вашингтоне, чтобы остановить голосование, которое они знают, что проиграют (19.12.2009).

***They're** filling the airwaves with deceptive and dishonest ads* / Они заполняют эфир обманчивой и недобросовестной рекламой (17.10.2009).

Кроме того, местоимение *they* может приближаться по своему значению к *we*, когда речь идет об американской нации. В данном случае происходит небольшое дистанцирование президента и нации, что показывает особый статус президента как человека, способного изменить жизнь нации: *It's where they get their teeth checked and their medical records updated...* / Это где проверят их зубы и обновят медицинские записи... (07.11.2009).

*Americans know that **they** have a responsibility to live within their means and pay what **they** owe* / Американцы знают, что они несут ответственность за то, чтобы жить в рамках своих возможностей и оплачивать то, что должны (09.05.2009).

Что касается глаголов 3-го лица единственного числа, то они могут быть сопряжены с местоимениями *he, she, it*. Местоимение *it* употребляется, когда речь идет о документах и проектах: *That's why **the Recovery Act** was designed to help small businesses expand and create jobs* / Именно поэтому и был создан акт восстановления, который поможет малому бизнесу расширяться и создавать новые рабочие места (24.10.2009).

*Finally, **the Recovery Act** is saving and creating jobs all across the country* / В конце концов, акт восстановления сохраняет старые и создает новые рабочие места по всей стране (31.10.2009).

Кроме того, есть случаи употребления местоимений *it, this, there* в качестве формальных подлежащих в соответствующих структурах. Они дают глаголу форму 3-го лица единственного числа вне зависимости от реального субъекта предложения: *It's a crime that would have horrified us had its victims been Americans of any background* / Это – преступление, которое напугало нас, и его жертвами являются американцы разного социального статуса (7.11.2009). *But **this is** not the time to pat ourselves on the back* / Это не время сдаваться (17.10.2009). ***There are** so many ways to help...* / Есть так много способов помочь... (24.12.2009).

В текстах жанра еженедельного субботнего обращения американского президента к нации наиболее широко представлены местоимения 3-го лица единственного числа по причине того, что в своей речи президент обращается к различным личностям, которые являются значимыми для страны в данный момент либо внесли вклад в историю, пытается адресно решить проблемы конкретных жителей страны, которые к нему обращались. За местоимениями *he, she, it* можно увидеть:

- Конкретные организации: [...] *the Treasury Department began directing employers to reduce the amount of taxes withheld from paychecks / [...] казначейство начало направлять деятельность работодателей с целью снизить количество налогов, взимаемых с налогоплательщиков* (21.02.2009). [...] *the FDA has the staff and support they need to protect the food we eat / [...] у ФДА должны быть все приспособления и поддержка, которые им нужны, чтобы защитить еду, которую мы едим* (14.03.2009).

- Конкретные должностные лица: *She (Judge Sonia Sotomayor) was appointed to the U.S. District Court [...] where she presided over hundreds of cases / Она (судья Сония Сотомэйор) была отправлена в районный суд США [...] где она руководила рассмотрением более сотни дел* (30.05.2009). *Aneesh Chopra [...] has agreed to serve as America's Chief Technology Officer / Анееш Чопра [...] дал согласие служить Главным офицером Америки в сфере технологий* (18.04.2009).

- Цитирование великих мыслителей: *Martin Luther King once said, "in a single garment of destiny," is a lesson of all the world's great religions / Мартин Лютер Кинг однажды сказал: «Единое одеяние судьбы – это объединяет все мировые великие религии»* (11.04.2009).

- Конкретные простые американцы, обратившиеся к президенту за помощью: *Lori's got a preexisting condition [...] so no insurance company will cover her / У Лори был ряд перенесенных ранее заболеваний [...] поэтому страховая компания должна была покрыть расходы* (15.08.2009). *When Katie tried to change insurance companies, she was sure to list her preexisting conditions... / Когда Кэти старалась изменить страховую компанию, она была уверена, что сможет составить список своих перенесенных заболеваний...* (15.08.2009).

Таким образом, жанр еженедельного обращения президента США к нации, появившись еще во время правления президента Ф. Рузвельта, имеет довольно долгую историю существования, однако в эпоху информационных технологий он претерпевает изменения и обновляется, переходя в видеоформат. Поскольку это ритуальный жанр, его основной чертой является

наличие фиксированного хронотопа и строгой композиционной схемы. Основной функцией, на достижение которой направлен данный жанр президентской риторики, является функция интеграции, для осуществления которой говорящим используются специфические лексические, грамматические и стилистические средства.

Наиболее частотным в жанре еженедельного субботнего обращения американского президента к нации являются местоимения 3-го лица единственного числа (36,2 %), поскольку помогают идентифицировать не только нацию в целом, но и конкретных, наиболее выдающихся, ее личностей. Также большой процент местоимений 3-го лица встречается в безличных конструкциях с формальным подлежащим, где игнорируется реальный субъект действия.

Наименее используемыми являются местоимения 2-го лица, так как президент старается избегать прямого обращения к кому-либо, предпочитая обращение к широким массам. Главным адресатом в жанре еженедельного субботнего обращения американского президента к нации являются американцы, к которым президент предпочитает обращаться, используя местоимения 1-го и 3-го лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кибрик, А. А.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.
2. *Баранов, А. Н.* Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие / А. Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 358 с.
3. *Шейгал, Е. И.* Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : Гнозис, 2004. – 326 с.
4. *Олешков, М. Ю.* Педагогический дискурс: учеб. пособие / М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил: Нижнетаг. гос. соц.-пед. акад., 2012. – 310 с.
5. *Василенко, Е. Н.* Реализация коммуникативной стратегии убеждения средствами грамматических категорий (на материале политического дискурса): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. Н. Василенко. – Минск, 2013. – 112 л.
6. *Спиридовский, О. В.* Лингвокультурные характеристики американской президентской риторики как вида политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О. В. Спиридовский; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 2006. – 26 с.

7. *Deitz, C. A Short History of the Weekly Presidential Radio Address / C. Deitz [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://radio.about.com/od/presidentialradioaddress/a/A-Short-History-Of-The-Weekly-Presidential-Radio-Address.htm>. – Дата доступа : 04.09.2014.*
8. *Спиридовский, О. В. Президентское субботнее видеообращение в лингвокультуре США / О. В. Спиридовский, Ю. С. Щурова // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2012. – № 10. – С. 248–256.*
9. *Сычевская, Н. С. Структура и прагматика публичной речи (на материале англоязычного политического выступления и религиозной проповеди : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н. С. Сычевская; Минский гос. лингв. ун-т. – Минск, 2008. – 23 с.*
10. *Мечковская, Н. Б. Общее языкознание. Структура и социальная типология языков: учеб. пособие / Н. Б. Мечковская. – 8-е изд. – М. : Флинта; Наука, 2011. – 312 с.*
11. *Хаймович, Б. С. Теоретическая грамматика английского языка (на английском языке) / Б. С. Хаймович, Б. И. Роговская. – М. : Высш. шк., 1967. – 230 с.*
12. *Ильиш, Б. А. Строй современного английского языка (на английском языке) / Б. А. Ильиш. – М. : Просвещение, 1965. – 380 с.*
13. *Бондарко, А. В. Русский глагол / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. – Л.: Просвещение, 1967. – 190 с.*

The goal of the research is to find out specific properties of the President of the USA's weekly address to the nation as a specific genre of political discourse and to describe the peculiarities of verb personal forms usage in the texts of this genre. The data of the research are 40 scripts of B. Obama's Saturday addresses to the American people in 2000, the overall volume of which comprises 41938 word forms.

Е. В. Глинка

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ, ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ЗАГОЛОВКАХ МЕДИАТЕКСТА

В статье рассматриваются устойчивые выражения (логоэпистемы), имеющие культурологическую значимость, их функционирование и различные виды трансформаций в заголовках медиатекстов белорусских СМИ. В результате перифразирования логоэпистем появляются новые смыслы, обусловленные прагматикой.

Журналистика представляет собой особую скрытую форму конституирования культурной (в отличие от природной) действительности, «различные фрагменты которой она упорядочивает и соединяет с новой точкой зрения» [1, с. 7].

Медиатекст, помимо основного сообщения, содержит в себе и ряд других, обладающих определенной ценностью: «из любого журналистского текста можно извлечь не только ту информацию, которая сознательно предназначалась автором к передаче, но и определенное число дополнительных информаций (систем смыслов), характеризующих не сознательный автором замысел, а иные семиотические и/или несемантические структуры, имплицитно связанные с текстом» [1, с. 37]. В медиатексте происходит выход на новую информацию, обусловленный формируемой в процессе восприятия точкой зрения у читателя и контекстом, на фоне которого интерпретируется текст.

Помимо прямой передачи информации, в медиатексте присутствуют скрытые информационные потоки, обусловленные прагматикой.

Одним из таких носителей прагматических целей выступают устойчивые выражения, являющиеся «единицами культурного знания в их языковом воплощении – логоэпистемы» [2, с. 462]. Под лингвоэпистемами понимаются разноуровневые лингвострановедчески ценные единицы (слова-понятия, пословицы, поговорки, присловья, крылатые слова, фразеологизмы, афоризмы, «говорящие» имена и названия, строчки из песен и стихотворений, из произведений художественной литературы, штампы), которые могут выступать в качестве языковой реакции носителя языка на внешние стимулы в определенной речевой ситуации. Разноплановые языковые единицы, включенные в понятие логоэпистемы, характеризуются наличием в них культурного компонента, без знания которого коммуникация нарушается. Таким образом, логоэпистема осмысливается на уровне языка и на уровне культуры.

Логоэпистемами являются всем (или по крайней мере многим) известные фразы: *Не пропадет ваш скорбный труд* (А. С. Пушкин); *Ночь, улица, фонарь, аптека* (А. Блок); *Первым делом – самолеты* (из песни); *Хорошо сидим! Надо, Федя, надо! I'll be back* (из кинофильмов); *Хотели как лучше, а получилось как всегда; чарка ды икварка* (цитаты из речи политиков), как на русском, так и на других языках. К логоэпистемам также относятся прецедентные в истории и культуре имена, названия и др.: *Фемида, Пальмира, Хатынь, Дон Кихот, Штирлиц...*

Подобные выражения и имена известны целому поколению соотечественников; они употребляются в различных речевых ситуациях – для выражения субъективного отношения, оценки, просто для заполнения паузы

и поддержания контакта (например, восклицание при встрече *Какие люди!..* с продолжением *...и без охраны* или *...в Голливуде* является заезженным штампом). Штампы закладываются в память в результате получения какого-либо знания. Роль языкового штампа в общении, по мнению многих ученых, весьма значительна, а имитация (перифразирование) известной фразы создает приращение смыслов. В результате перифразы логоэпистем речь идет уже о логоэпистемоидах, являющихся «актуализированной рекурсивной единицей лингвокультурного пространства, с помощью которых можно бесконечно множить смыслы» [2, с. 464]. Логоэпистемоид – это результат рефрейминга, т.е. помещения образца (модели) в новый контекст.

Особую экспрессивность подобное использование логоэпистемоидов приобретает в языке СМИ. Так, статья о цирковом училище озаглавлена «Все мы немножко Карандаши» (*Все мы немножко лошади* у В. Маяковского): и контекст с упоминанием знаменитого клоуна советской эпохи расширяется смыслом, придаваемым ему строками В. Маяковского. В обозначенной теме недели «Миру – мера» перефразируется известный слоган советских времен «Миру – мир!»: глобальный смысл исходной фразы отчасти переносится на создаваемую.

Количество логоэпистем может быть практически неисчислимо, как неисчислимы явления и ситуации, ими обозначаемые. Явление перефразирования устойчивых выражений основано на асимметризации формы (структуры), в результате чего рождается новый смысл.

Устойчивое выражение может преобразовываться (трансформироваться) различными способами путем операции асимметризации. В. А. Карпов в своей монографии «Язык как система» рассматривает законы композиции языковой модели с точки зрения симметрии/асимметрии, отмечая, что «сначала нужно задать необходимое число симметричных структур, а затем операцией асимметризации получать новые в рамках одного и того же закона композиции» [3, с. 208]. Так, модель 1) **Писатель написал письмо** (рассматриваемая как симметричная с точки зрения общего корневого элемента) может трансформироваться на основе законов композиции в 7 асимметричных моделей: 2) **Писатель написал эссе**; 3) **Писатель сжег письмо**; 5) **Писатель сжег роман**; 4) **Пряатель написал письмо**; 6) **Друг написал роман**; 7) **Пряатель сжег письмо**; 8) и полностью асимметричная модель: **Сын переделал программу** [3, с. 210].

Эти преобразования системны и демонстрируют переход от симметричного состояния исходной модели к полной асимметрии, т.е. являются симметрично-асимметричным объектом.

На основании законов композиции происходят и преобразования логоэпистем. В качестве примеров рассмотрим виды трансформаций устойчивых выражений в текстах белорусских печатных СМИ.

Чаще всего логоэпистемы и их перефразированные варианты встречаются в заголовочном комплексе: в заголовке статьи, анонсе, рубрике, названии тематической полосы, надзаголовке, подзаголовке. И это совершенно оправданно, т.к. «законы психологии восприятия прессы таковы, что именно заголовочному комплексу принадлежит решающая роль в отборе читателем тех или иных материалов для чтения/ознакомления».

Для анализа выбраны двух- и трехкомпонентные структуры: симметричные (идентичные исходному устойчивому выражению) и перефразированные – с различной степенью асимметризации.

Двухкомпонентные структуры, согласно закону композиции, представлены четырьмя подсистемами: 1) симметричные модели (идентичные исходным выражениям); 2) модели с трансформацией второго компонента структуры; 3) модели с трансформацией первого компонента; 4) полностью асимметричные модели (свободные выражения), являющиеся базой для перехода в логоэпистемы в силу их культурологической или социологической значимости.

В подсистему 1 (симметрии) входит исходная модель, симметричная эквиваленту и употребляемая в медиатексте применительно к контексту. К этой подсистеме относятся такие, как «Война и мир» (так озаглавлена колонка редактора о политической ситуации в странах-соседях); «Всевидящее око» (рекламный материал о видеорегистраторе); «Справы сардэчныя» (о республиканской кардиологии); «Девушка с характером» (название очерка о девушке-оперуполномоченном).

Подсистема 2 включает модели с трансформацией второго элемента: в материале «Танец с ложками» об экономическом кризисе (от исходного «*Танец с саблями*» А. Хачатуряна); «В греческом нале» (заголовок статьи о греческой экономике) – вариант исходной фразы из миниатюры А. Райкина «*В греческом зале, в греческом зале...*»; «*Апрельские грезисы*» (о погоде) и др.

Подсистема 3 – это модели с преобразованием первого компонента: «Весна на куличках» – трансформация поговорки *У черта на куличках*; «С мячами на выход» – о футбольном чемпионате – (от исходного *с вещами на выход*); «С культурой по жизни»; «Лапа помощи» (о собаках-помощниках).

В подсистему 4 входят полностью асимметричные выражения. Они могут появляться как свободные, так и в результате асимметризации устойчивых выражений. Так, заголовок статьи о театральной постановке

«Здравствуй, Дюймовочка!», может, и созвучен названию произведения Ф. Саган «Здравствуй, грусть!», но воспринимается как адекватно соответствующий контексту и включающий в свой состав логоэпистему *Дюймовочка*. Возможен и обратный процесс – переход свободных сочетаний в логоэпистему. Например, фразы известных политиков, названия книг и кинофильмов впоследствии могут употребляться в качестве логоэпистем: «Хотели как лучше...» В. Черномырдина, «Апрельские тезисы» В. И. Ленина, «Здравствуйте, я ваша тетя!» и др. Уникальными и знаковыми становятся названия с нарушением привычной лексической сочетаемости: *горячий снег*, *бриллиантовая рука*, *обыкновенное чудо*.

Система трехкомпонентных моделей таким же образом заполняется языковым материалом и состоит уже из восьми подсистем по закону преобразований.

Подсистема 1 – симметричные выражения, употребляемые в различных ситуациях и контекстах: «Урфін Джус і ягоныя драўляныя салдаты»; «Всё выше, и выше, и выше...» (о повышении пенсионного возраста); «Дорогу осилит идущий» (о молодом руководителе); «Каждый выбирает по себе...» (о межличностных отношениях); «А у нас во дворе...».

Подсистема 2 (с заменой третьего компонента) представлена примерами: «Трус не играет в конкуренцию»; «Сумбур вместо мирового порядка»; «Держать хвост автоматом»; «50 оттенков запретного»; «Особенности национальной заботы»; «Пролетая над гнездом Чиж» (о нашумевшем уголовном деле); «Одинокие нуждаются в защите»; «Души прекрасные зарывы» (об оздоровительном плавании); «Свой среди своих» (об экономических отношениях Беларуси и России).

Подсистема 3 (перефразирование или дополнение второго компонента) включает следующие выражения: «Мал граммофон, да дорог»; «На острие партизанского пера»; «Герои своего времени»; «Что нам стоит комплекс построить?» (*Что нам стоит дом построить – нарисуем, будем жить!*). Заголовок «Вместе веселей шагать» – с грамматическим видоизменением первой строки из оптимистичной детской песни – задает тон статье о белорусско-российском сотрудничестве.

Подсистема 4 (изменение первого компонента) заполняется выражениями: «Автолавка придет по расписанию»; «Что в райдере тебе моем...»; «Брюссель слезам не верит»; «Сетевых дел мастер».

Подсистемы 5, 6, 7 представляют собой наиболее асимметричные модели, в которых трансформируются два компонента структуры: они идентифицируются с исходным устойчивым выражением лишь по одному компоненту из трех, что может вызывать трудности в их выделении.

Подсистема 5, где трансформируются второй и третий компоненты, в качестве первого элемента структуры включает в себя логоэпистему, дополняемую свободными сочетаниями, например, «Штирлиц в упор не стрелял» (о шпионском скандале); «Фемида рубит бабки» (о коррупции в правоохранительной сфере).

Подсистема 6 с видоизменением первого и третьего компонентов активно пополняется, и исходные выражения с легкостью узнаются: «93 оттенка профанации» (Как власти забалтывают кризис); «10 мгновений саммита»; «В Минск едет современный Паганини» (от исходного *К нам едет ревизор*).

Подсистема 7, в которой трансформируются первый и второй элементы структуры, как и подсистема 5 – трудно определима в силу недостаточности формального представления и идентификации по одному из трех исходных компонентов. Пример с трансформацией двух компонентов может быть представлен заголовком «Считайте деньги, не доезжая до границы»: индентификация фразы базируется на двух первых элементах *считайте деньги (не отходя от кассы)*. Заголовок очерка о девушке-оперуполномоченном «Міліцыянер, футбалістка і проста прыгажуня» включает только один симметричный компонент, но фраза из фильма Л. Гайдая «Кавказская пленница» *Комсомолка, спортсменка и просто красавица!* легко угадывается во многом и благодаря ритмике фразы (по симметрии звучания): «звуковая аналогия, напоминающая что-то, ритмический рисунок обеспечивает “термояд смыслов”» [2, с. 463]. К примеру, Виктор Конецкий в своей повестистранствии «Вчерашние заботы» при описании трудного и длительного арктического рейса приводит строки: «Лёд, лёд, лёд, лёд – мы идём по Арктике...». Но фраза эта наполняется смыслом лишь в созвучии с песней солдат Киплинга: «Пыль, пыль, пыль, пыль – мы идём по Африке», и происходит наложение смыслов и ассоциаций, в результате чего рождается художественный образ моряков-полярников и их однообразно-долгого и тяжелого преодоления арктических льдов.

Подсистема 8 – это свободные выражения, способные к закреплению в языке как логоэпистемы. Например, пушкинское «*Все флаги в гости будут к нам*» активно перефразируется, например, во «Все музы в гости будут к нам» или «Все клюшки в гости будут к нам» (о хоккейном чемпионате). Также в полностью асимметризованном выражении «Белорус белорусу рознь» узнается *человек человеку враг*; в заголовке экономической статьи «Кнут эффективнее, но пряник надежнее» трансформации в виде расширения подвергается название известного метода «кнута и пряника».

В результате употребления логоэпистемоидов в речи возникает эффект подобия, фиксирующий в словах опыт осмысления действительности. Таким образом, картина мира отражается не только в словах, но и в устойчивых воспроизводимых словесных комплексах. За каждым из таких комплексов стоит «когнитивно обработанная ментальная сущность, некая идея, лежащая в основе представления об окружающей действительности» [2, с. 468]. Логоэпистема – подобие, извлекаемое из памяти, а логоэпистемоид, как подобие логоэпистемы, также является целостной единицей.

Логоэпистема – это единица лингвокультурного пространства, искусственно установленный знак. Знак, способствующий возникновению мысли о чем-то ином, знак-символ. Предназначение логоэпистемы – сказав мало, изречь много. Название «Хатынь» стало своего рода логоэпистемой. При восприятии этих вербальных знаков в нашем сознании идет «ядерная реакция смыслов, которые вырастают из соответствующих ассоциаций» [2, с. 469].

И в современном речепотреблении множатся выражения самого разнообразного содержания, которые обозначают множество явлений. Всех их объединяет культурный компонент. Обретая абстрактный знаковый смысл, в каждой конкретной ситуации они однозначно воспроизводят свое исходное прецедентное значение и тем самым выражают дополнительные смыслы, обусловленные прагматикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чередниченко В. И.* Теория журналистики: в 2 ч. Ч. 1 / В. И. Чередниченко, И. В. Чередниченко. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2002. – 99 с.
2. *Бурвикова Н. Д.* Единицы культурного знания в языковом воплощении / Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров // Язык как материя смысла: сб. ст. к 90-летию академика Н. Ю. Шведовой. – М., 2007. – С. 462 – 471.
3. *Карпов В. А.* Язык как система./ В. А. Карпов. – Минск : Выш. шк., 1992. – 302 с.

Set expressions play in media text headers the role of key elements that encode the culture, history and life experience of a nation. During paraphrasing they retain their idiomaticity and give rise to new meanings (semantics) and associations.

КОМПЛИМЕНТ В АМЕРИКАНСКОМ НЕФОРМАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ: ГЕНДЕРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

В статье представлены результаты исследования комплимента в американском неформальном общении. Доказывается, что *статусная роль гендера* является важным фактором при выборе языковых средств выражения комплимента.

Неформальное (семейное) общение, или личная интеракция, преобладает в первичных группах: среди друзей, в группах сверстников, в кругу семьи в часы досуга [1, с. 141]. Анализируя речевое поведение индивидуумов в семье, видим, что существует своеобразный «семейный язык», обусловленный семейными традициями или обычаями. Согласимся с В. И. Карасиком, отметившим, что неформальное (семейное) общение требует искренности и допускает определенную спонтанность в проявлении желаний. Уважение в неформальном общении проявляется как симпатия, положительное эмоциональное отношение к человеку [2].

Для сферы неформального общения характерен *комплимент*, как способ сообщить о своем положительном отношении к адресату, и *похвала* – оценка знаний, умений, достижений, поступков, действий, качеств личности, проявленных при каких-либо обстоятельствах [3, с. 179]. Разница может быть видна в определении цели: если для похвалы положительная оценка является основной целью, то для комплимента – способ сообщить о добрых чувствах, о благорасположении. Также нейтрализация дифференциальных признаков затрудняет их разграничение [3, с. 178–179]. Тем не менее в неформальном общении превалируют комплименты, в то время как для формального общения больше характерна похвала.

Статусная роль гендера существенна в выборе комплимента в неформальном общении. Мужчины и женщины выбирают разные речевые стратегии, различия в речевом поведении мужчин и женщин считаются доказанными. Установлено, что женщины в большей мере проявляют тенденцию задавать вопросы, поддерживать диалог, выражая солидарность и соглашаясь с собеседником [4]. Мужчины часто прерывают собеседников, расположены не соглашаться с высказываниями своих партнеров, игнорируют комментарии других участников беседы, более жестко контролируют тему разговора и т.д. Исследования эмоциональности взрослых

в большинстве случаев демонстрируют экспансивное преимущество женщин [4, с. 196], о чем свидетельствуют эмпирические факты:

- 1) для девочек и женщин связь эмоций с межличностными отношениями является более значимой, чем для мальчиков и мужчин;
- 2) положительные эмоции женщины и девочки переживают более ярко;
- 3) девочки и женщины не стесняются демонстрировать свои эмоциональные реакции.

Косвенным свидетельством большей эмоциональности женщин являются данные о меньшей эмоциональности мужчин: они эмоционально сдержанны даже с друзьями своего пола [4, с. 196]. Е. А. Сурова определила инвентарь вербальных предпочтений мужчин и женщин. Мужская роль характеризуется предпочтительным употреблением существительных, большим количеством прилагательных и наречий, иным восприятием оценочной лексики, точностью номинаций. Женская речь характеризуется наличием конкретной (бытовой) лексики, большей частотностью употребления глаголов и союзов, иным восприятием оценочной лексики; гиперболизированной экспрессивностью, большой концентрацией эмоционально-оценочной лексики, употреблением уменьшительно-ласкательных слов... [5, с. 9]. Подобного рода характеристики мужской и женской речи выводятся безотносительно к типу речевого акта.

В ходе исследования нами были отобраны 800 комплиментов в неформальном общении, взятых из художественных произведений современных американских авторов и художественных фильмов последнего десятилетия.

Проведенное нами исследование показывает, что в роли как адресатов, так и адресантов комплиментов чаще всего выступают женщины. Они делают комплименты чаще, чем мужчины, а по форме именно женщины используют более стереотипные и одновременно более экспрессивные клише, по сравнению с мужчинами. У мужчин-адресантов видна меньшая вариативность используемых клишированных форм, однако когда женщины являются адресатами-ретрансляторами (*адресат-ретранслятор* используется тогда, когда по разным причинам непосредственное обращение к истинному адресату может быть невозможным, признано говорящим нецелесообразным или является социально неприятым [6]), мужчины часто употребляют неритуализованные формы. Мы полагаем, что мужчины не считают комплименты наилучшим речевым средством выражения солидарности, поэтому при непосредственном общении с женщинами чаще всего они вербализуют комплименты в этикетных общественно-вежливых ситуациях.

Женщины воспринимают комплименты в свой адрес как речевое средство выражения одобрения или поощрения принятого обществом ролевого поведения. Для женщины быть привлекательной (носить красивую одежду, прическу, украшения) означает исполнять социально обусловленную роль и рассматривается как действие [7].

Как оказалось, наибольший процент комплиментов осуществляется относительно внешности женщин. Во время встречи/свидания мужчины в 88 % (704) примеров говорят женщинам/девушкам как красиво, потрясающе, сексуально, великолепно они выглядят. В данных примерах комплименты мужчин в адрес женщин выполняют фатическую функцию и служат средством подтверждения сложившихся отношений. Адресанты восхищены красотой собеседницы и во многих примерах не преследуют никаких корыстных целей (последнее нам известно из контекста произведений и фильмов, из которых взяты примеры).

На основании данных примеров мы видим, что лексической преференцией мужчин является прилагательное *beautiful*, которое употребляется в большинстве примеров (42,5 %, около 340 примеров).

Некоторые мужчины делают акцент на том, что им нравится в женщине, причем говорят они об этом довольно прямолинейно [8, с. 244], хотя мы не можем утверждать, что мужчинам это свойственно всегда. Это объясняется тем, что и мужчины, и женщины вступают в общение с различными намерениями. Некоторым мужчинам нравится внешность женщины: *You're amazing/fabulous*. Кто-то предпочитает определенные части женского тела: *You've got beautiful hair. You have beautiful hands. You smell good*. Другим мужчинам нравятся черты характера, поступки: *You are smart. You're fun/cool*. Кому-то нравятся только интимные отношения с женщиной: *It was mind-blowing/super/out of this world...*

Проведенное исследование показывает, что некоторые мужчины, делая женщине комплимент, сравнивают ее с мужчиной, что в их устах звучит как похвала, так как они считают, что сравнение с себе подобными должно быть приятно женщине. В примере 1 приятель дочери делает ее матери комплимент по поводу того, как быстро она среагировала в некоторой ситуации:

- 1) – *You were very impressive. Very strong, very...macho.*
– *Well, I don't think I was exactly macho* (N. Meyers. «Something's Gotta Give»).

Адресант употребляет стилистический прием кульминации; восхваляя женщину, он употребляет лексемы, совершенно не типичные для женщины,

а более характерные для мужчин. Женщина-адресат очень осторожно (чтобы никого не обидеть) выражает несогласие: конструкции *don't think* и *exactly* как бы «смягчают» ее негативное отношение к похвале.

Как видно, при непосредственном общении с женщинами мужчины употребляют конвенциональные фразы, которые не отличаются большой вариативностью или оригинальностью, они представляют собой ритуализованные клише.

Делая комплименты друг другу, мужчины используют совсем другую эмотивно-оценочную лексику, их речь звучит более убедительно, твердо, не утонченно. Комплименты мужчин друг другу малочисленны и, в основном, связаны с профессиональной деятельностью и профессиональными качествами мужчин, даже если они и делаются в семейном кругу. Наиболее частотны следующие:

– *You are a genius!*

– *You are doing great!*

Малочисленность мужских комплиментов друг другу объясняется тем фактом, что мужчины не считают комплименты наилучшим речевым средством выражения солидарности, дружеского отношения к адресату, возможно, они вообще вербальные выражения не считают проявлением солидарности, а только реальные действия, поступки. Они подвергаются более жесткой, чем женщины, регламентации со стороны общества по поводу демонстрации эмоциональных переживаний [4, с. 196]. Но мы находим некоторые примеры, где мужчины хвалят самих себя:

2) *I'm a genius. I feel like I could sell whale steaks to Green-peace* (M. Mitchell. «Surviving Christmas»).

Оценочный смысл высказывания передается через экспрессивное существительное *genius*, самопохвала применяется американцами для построения собственного имиджа и самоутверждения, употребление подобного выражения помогает человеку, сказавшему это, повысить самооценку, приобрести уверенность в себе.

Как мы и предполагали, комплименты, где адресантом выступают женщины, наиболее частотны. Для типично женских комплиментов характерно редкое обращение к темам, связанным с родственниками женщин-адресатов (за исключением их детей), их характером, здоровьем. Возможно, это происходит из-за боязни женщин-адресантов быть неправильно воспринятыми.

Однако членам семьи (не только детям) американки делают разнообразные и искренние комплименты. Родственники склонны преувеличивать

достоинства своих родных. В примере 3 Зои говорит о своей сестре (сестра сидит рядом за столом и слушает), отмечая не только ее внешность, но и профессиональные качества, ее самореализацию:

3) – *Then, there is my gorgeous sister here.*

– *No, wait, what...?*

– *Look, please... Look at her. She is so accomplished, most successful female playwright since who? Lillian Hellman?* (N. Meyers. «Something's Gotta Give»).

Данный комплимент, включающий в себя и похвалу, очень эмоционален, выражает типичную женскую языковую преференцию *gorgeous*, стилистический прием преувеличения, что создается с помощью интенсификатора *so* и имплицитного сравнения женщины с Лилиан Хэллман (известная американская женщина-драматург), а также превосходной степени сравнения прилагательного, что характерно для обращения к родственникам, так как в американском языковом коллективе положительные эмоции направлены, в основном, на родных. При помощи данных средств Зои показывает всю глубину своих чувств к сестре, показывает ее достоинства и даже немного преувеличивает положительные черты сестры.

Американки склонны делать комплименты не только непосредственно людям, а их вещам, тем самым, оценивая хозяина/хозяйку; так, много комплиментов женщины делают **внешности и одежде** (обычно эти атрибуты привлекают внимание женщин-адресантов при общении с женщинами). Следующим комплиментом удостаиваются домохозяйки. Домашняя работа имеет статус такой же работы, как и труд вне дома, поэтому широко распространены комплименты **дому и окрестностям, саду, комнатам, кулинарным и профессиональным способностям, личным вещам** (имущественным достижениям), как известно, материализм, стремление к нему, наличие материальных ценностей, считается одной из составляющих успеха американцев как представителей культуры индивидуалистической ориентации.

Если женщина делает комплимент мужчине, то ей необходимо помнить и учитывать негативное отношение мужчин к комплиентам, они должны быть тщательно продуманы. Женщины должны помнить, что мужчины обеспокоены сохранением личной независимости своего социального статуса даже в неформальном общении. В общении с ними женщины должны проявлять свою «коммуникативную компетенцию», если они действительно хотят установить контакт с мужчинами-адресатами. Женщинам необходимо

различать формальность (неформальность) обстановки, статус мужчины. Если мужчина равен женщине по статусу, то она ему может делать комплимент относительно:

1) внешности, характера:

“But you’re funny,” I said, giggling. Funny’s funny and that’s that, girls can’t resist a sense of humor...” [9, с. 65];

“You are handsome and now you are wealthy. Women are going to be interested in you” [10, с. 52];

2) относительно его семьи и ролевого поведения:

“You have a wonderful family,” Kate said. “They are great. Henry seemed to fit right in” [10, с. 76];

“I know you’ll be a great Dad to him and a role model” [10, с. 45].

В разговорах с подругами (друзьями), описывая любимого (понравившегося) мужчину, женщины, наравне с мужчинами, могут конкретизировать, что им в нем нравится:

– *Sexy eyes, nice lips, perfect hands* (W. Wong. «Maid in Manhattan»).

– *He’s gorgeous and smart and totally smoldering* (C. Hanson. «In her shoes»).

– *He’s a kind, decent, solid guy* (W. Wong. «Maid in Manhattan»).

В ситуации неформального (семейного) общения в американском языковом коллективе наиболее частотными выступают женские комплименты друг другу, составляющие 34,8 %. Комплименты мужчин женщинам составляют 30,6 %. Женщины делают мужчинам комплименты в 22,2 % случаев. Наиболее малочисленны комплименты мужчин мужчинам, составляющие 12,4 % примеров. Выявленные цифры не являются целью анализа, они лишь подтверждают употребление тех или иных комплиментов. Частотность употребления комплиментов указана в процентном соотношении от числа общего количества примеров, собранных методом сплошной выборки.

Итак, как мы видим, *статусная роль гендера* является важным фактором при выборе языковых средств выражения положительного отношения к адресату. Существенную роль играет гендер и адресата, и адресанта. Характер комплимента/похвалы зависит от экстралингвистических факторов, в частности от связи понятий *гендер* и *социальная роль*. Традиционно гендер детерминирует некоторые особенности речевого поведения и формирует такие модели речевого поведения, как солидарность женщин и авторитарность мужчин. Но социум вносит некоторые коррективы, например, наблюдается эмансипация женщин. В XXI в. женщины в американском обществе имеют высокое социальное положение наравне с мужчинами. Заметно, как в своем речевом поведении женщины приближаются к стратегиям мужского поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белл, Р. Т.* Социолингвистика / Р. Т. Белл. – М. : Междунар. отношения, 1980. – 320 с.
2. *Карасик, В. И.* Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М. : Ин-т языкознания АН СССР, 1991. – 495 с.
3. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.
4. *Бендас, Т. В.* Гендерная психология: учеб. пособие / Т. В. Бендас. – СПб. : Питер, 2008. – 431 с.
5. *Сурова, Е. А.* Полоролевая характеристика комплиментной интеракции: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. А. Сурова. – Ульяновск, 2007. – 24 с.
6. *Почепцов, Г. Г.* О коммуникативной типологии адресата / Г. Г. Почепцов // Речевые акты в лингвистике и методике. – Пятигорск, 1986. – С. 10–17.
7. *Леонтьев, В. В.* Женские комплименты в английской лингвокультуре / В. В. Леонтьев // Вестн. ВолГУ. Сер. 2, Языкознание. – 2001. – Вып. 1. – С. 118–123.
8. *Scollon, R.* Intercultural Communication. A Discourse Approach / R. Scollon, S. W. Scollon – 2 ed. – Blackwell Publishers, 2001. – 316 p.
9. *Sykes, P.* Bergdorf Blondes / P. Sykes. – London: Penguin Books, 2005. – 310 p.
10. *Orwig, S.* Bring on the Night / S. Orwig. – Richmond: Silhouette Books, 2004. – 250 p.

The article presents the results of compliment research in the informal communication of Americans. The status role “gender” is proved to be an important factor in choosing the linguistic means of paying compliments.

Ю. И. Варакса

ИСКУССТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ В МАГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ: ИСТОРИЯ И ТИПОЛОГИЯ

Исследование посвящено искусственным языкам, которые были созданы для целей, связанных с религией и магией. В работе систематизирована информация о проектах подобного рода (*lingua ignota*, енохианский язык, балейбелен) и выявлены особенности использования данных языков в оккультизме и религии. Кроме того, в работе рассматривается связь эсперанто с различными религиозными движениями (гиллелизм, хомаранизм, бахаи, оомото-кё).

Из функций языка особого внимания заслуживает магическая. Ее суть заключается в том, что человек при помощи какой-либо языковой системы вступает в коммуникацию с Богом и потусторонним миром. По мнению Р. О. Якобсона, отличительной чертой магической функции является то, что при ее реализации объект речи становится адресатом сообщения [1, с. 200]. В качестве примера он ссылается на Библию: *Стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою! И остановилось солнце, и луна стояла...* (Книга Иисуса Навина, 10.12–13). Н. Б. Мечковская отмечает также, что текстам, выполняющим эту функцию, «зачастую приписывается божественное происхождение: может считаться, что они были внушены, продиктованы или написаны свыше» [2, с. 42].

Языки, используемые в магической функции (как живые, так и мертвые), делятся на две категории:

1. Пророческие языки – это те, «на которых оказалось впервые изложено или записано, а впоследствии канонизировано религиозное вероучение» [2, с. 15].

2. Литургические языки – языки богослужения, религиозной литературы, церковного делопроизводства и т.п. Важно понимать, что, при отсутствии служб на каком-либо языке, его нельзя назвать литургическим.

Однако в истории известны примеры, когда язык создавался конкретным человеком для целей, связанных с религией и магией (зачастую для конкретной религии). Исследованию подобных языков (мы будем условно называть их магическими) и посвящена данная статья. Необходимо отметить, что до настоящего момента в отечественной лингвистике не предпринималось попыток упорядочить и систематизировать знания по магическим искусственным языкам. Этим фактом и обусловлена новизна нашей статьи. Сама тема искусственных языков (конлангов) сегодня весьма актуальна ввиду стремительного роста их количества. Согласно данным коллекционера языков Я. Горенка, на данный момент существует 5261 подобный проект различной степени проработки [3].

Издrevле бытовала легенда, что птицы общаются с помощью некоторого божественного языка и обладают всеми знаниями мира. Так, в Коране сказано: *И Сулейман был наследником Дауда, и он сказал: «О люди! Мы научены Языку Птиц и наделены всеми знаниями»* (Коран, XXVII, 15). Язык птиц воспринимался как равнозначный языку ангелов [4, с. 526]. И люди хотели понимать речь птиц, чтобы стать таким образом ближе к Богу. В эпоху Возрождения стали появляться музыкальные языки, связанные с мистикой, магией и алхимией. Они также получили название языков птиц.

Lingua ignota

Чаще всего священные языки, на которых Бог общался с людьми через откровения, принадлежали какому-либо народу. Однако здесь есть и исключения. Так, *lingua ignota* (пер. с лат. ‘неизвестный язык’) является одним из самых старых искусственных языков (конлангов), о котором дошли достоверные сведения (конец XII в.). Он был создан немецкой аббатисой и мистиком Хильдегардой Бингенской, принявшей его от самого Бога: «Ты будешь писать свои труды не на человеческом языке, ибо он недостаточно раскрыт, но на том, что был послан тебе свыше, том, что способен избежать неточностей и будет понятен людям» [5, с. 10]. Пожалуй, этой цитатой можно объяснить самобытность (априорность) лексики данного языка.

До наших дней дошла единственная фраза с вкраплениями элементов языка Хильдегарды: *O orzchis Ecclesia, armis divinis praecincta, et hyacinto ornata, tu es caldemia stigmatum loifolum et urbs scienciarum. O, o tu es etiam crizanta in alto sono, et es chorzta gemma.* В. Рот, переводчик глоссария Хильдегарды Бингенской, выдвинул предположительный перевод: ‘О, **безмерная** Церковь, объята Божьими руками, украшенная гиацинтом, ты источаешь **дух** страданий **народов** и являешься градом наук. О, ты **помазана** под благородные звуки, ты **сверкающая** жемчужина’ [6]. Важно отметить, что лишь слово *loifolum* ‘люди, народ’ упомянуто в глоссарии. Отсюда следует вывод, что монахиня не успела более полно описать свой язык.

Вольмар, секретарь монахини, предчувствовавший скорую смерть аббатисы, в письмах упомянул: *Ubi tunc vox inauditae melodiae? Et vox inauditae linguae?* ‘Где же глас неслышанной мелодии? И где же глас неслышанного языка?’ [7, с. 198]. Эти строки показывают, что существование *lingua ignota* было известно окружающим, но никто не предпринял попыток сохранить его после смерти автора.

Lingua ignota был частично описан в трактате на латинском языке *Lingua Ignota per simplicem hominem Hildegardem prolata* ‘Неизвестный язык, предложенный простым человеком Хильдегардой’. Указанный трактат дошел до нашего времени в виде Висбаденского кодекса и Берлинского манускрипта. Эти тексты представляют собой глоссарий из 1 011 слов. Исследователь А. Гийом отмечает, что эта цифра была очень важна для Средневековья, так как «объединяет в себе три единицы, знак божьей уникальности, соединяемые в цифру три, символ Троицы. Единица и множество, фундаментальная теологическая проблема тех времен представлена в виде числа 1 011, ставшего сакральным» [5, с. 11].

Слова в глоссарии даны в иерархическом порядке: от важнейшего *Aigonz* ‘Бог’ до самого, по мнению автора трактата, незначительного *Cauiz* ‘сверчок’ [8, с. 5]. «Иерархия» слов, по Хильдегарде, выглядит следующим образом:

- 1) понятия о Боге и ангелах (*Liunionz* ‘Спаситель’);
- 2) термины, связанные с человеком (*Korzinthio* ‘пророк’);
- 3) части тела (*Benizscia* ‘правая рука’);
- 4) болезни (*Nosinz* ‘глухой’);
- 5) религиозные и светские чины (*Zintol* ‘послушник’);
- 6) ремесленники (*Gulzianz* ‘гончар’);
- 7) дни недели (*Aleziz* ‘среда’);
- 8) месяца (*Gargischol* ‘август’);
- 9) одежда (*Scilia* ‘ряса’);
- 10) домашняя утварь (*Kinchzia* ‘свеча’);
- 11) растения (*Orschibuz* ‘дуб’);
- 12) названия некоторых птиц и насекомых (*Nozia* ‘неясыть’) [9].

Письменность для своего языка монахиня придумала сама и назвала *litterae ignotae* ‘неизвестные буквы’ (рис. 1).

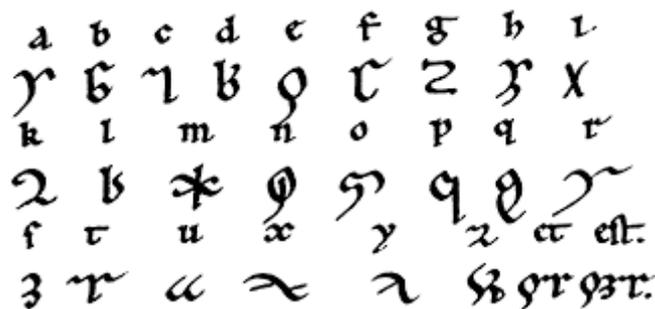

Рис. 1. Алфавит *litterae ignotae*, состоящий из 23 букв

В манускриптах также зафиксированы некоторые способы словообразования: префиксальный (*Peueriz* ‘отец’ – *Hilz-peueriz* ‘отчим’) и суффиксальный (*Peueriz* ‘отец’ – *Peuearrez* ‘патриарх’). В целом отмечается грамматическое сходство с латинским языком [9].

Енохианский язык

Одним из наиболее интересных языков, воспринимаемых как откровение Бога, является енохианский, или ангельский. Его «получили» знаменитый герметист Джон Ди и медиум Эдуард Келли в ходе спиритических сеансов в 1583–1584 гг. [10]. Герметизм – это оккультное учение, восходящее к полумифической фигуре Гермеса Трисмегиста. В кружках герметистов и сектах гностиков он выступал как основатель новой религии и спаситель [11].

Начало создания енохианского языка было положено 26 марта (или 6 мая) 1583 г., когда Келли впервые увидел 21-буквенный алфавит (рис. 2) в своем дневнике и записал символы, «перед тем, как их астральная проекция исчезла» [12].

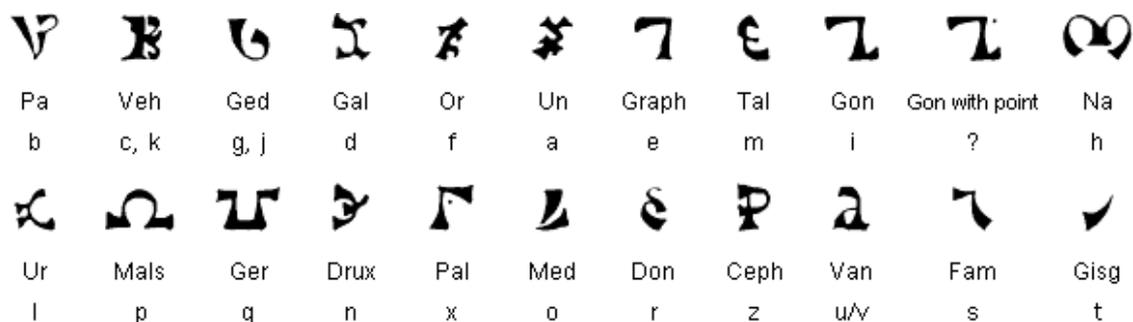

Рис. 2. Алфавит енохианского языка

Весной 1583 г. появился первый корпус текстов на енохианском языке, которые Джон Ди назвал «речью Бога». Второй корпус, впоследствии названный ключами, появился в Кракове [13]. Название языку было дано в честь библейского патриарха Еноха, который согласно Библии (Бытие, 5 : 24) «ходил с Богом» [14]. На сегодняшний день енохианский язык используется в оккультизме и сатанизме [Там же].

А. Дюрендал обращает внимание на то, что некоторые слова имеют очевидно библейское происхождение. В качестве примера можно рассмотреть слово *christeos* ‘да будет так’, связанное с Христом. Однако есть лексика и более «земного» происхождения. Так, наличие в языке слова *londoh* ‘королевство’ связано с биографией автора: валлийский герметист был в Лондоне консультантом и придворным астрологом императрицы Елизаветы I [13]. В целом исследователи отмечают, что енохианский язык близок по структуре к английскому – родному языку его создателей [Там же]. Однако в данном конланге присутствуют и отдельные элементы, характерные для иврита и арамейского (в графике, системе счисления и т.д.). Это связано с тем, что енохианский язык воспринимался как язык Адама, появившийся еще до грехопадения [Там же].

Балейбелен

Следующим магическим конлангом, сохранившимся до наших дней, является язык балейбелен (*Bâleybelen* ‘язык Воскресителя’), созданный османским писателем Мухьи Гюльшени и его последователями в 1574 г. на основе персидского, арабского и турецкого языков [15]. Единственный сохранившийся документ на данном языке – словарь из Багдада.

Балейбелен уникален, так как является первым задокументированным искусственным языком неевропейского происхождения, созданным в эпоху Возрождения [15]. Факт его существования оставался неизвестным западным ученым до 1813 года [16, с. 365]. В 9-м томе парижских «Заметок и выдержек из манускриптов Имперской библиотеки и иных библиотек» редактор книги С. Де Саси цитирует письмо Ж. Руссо, генерального консула Франции в городе Алеп: «Автор языка, чье имя не упомянуто, говорит, что составил язык для тайного изучения оккультных наук¹. Я думаю, что было бы важно узнать, известен ли балейбелен в Европе, жив язык или мертв, изобретен ли он каббалистами Запада, есть ли еще какие-либо книги, подтверждающие его универсальность среди азиатских народов... Произведение, о котором идет речь (словарь), содержит в себе две части, где первая объясняет глаголы, а вторая – имена существительные» [16, с. 365–366].

«Идея создания языка строилась на том, что каждый раз, когда Бог отправлял людям новое откровение, оно ниспосылалось на новом языке. Авраам получил откровение на иврите, Иисус – на арамейском языке, а Мухаммед – на арабском языке» [15]. Следовательно, можно предположить, что создатели языка *балейбелен* ждали нового откровения и заранее подготовили для него пророческий язык. Важно помнить о давлении на суфиев в те времена, потому существует гипотеза, что язык Мухьи Гюльшени использовался лишь ограниченным кругом лиц [Там же].

Для записи текстов на языке *байбелен* использовался османский алфавит (разновидность арабского) (рис. 3).

Texte Arabe.

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

لِحَمْدِ اللَّهِ الَّذِي صَدَّرَ مَصَادِرَ الْأَشْيَاءِ نُورًا وَطَلَّحَ مِنْ قَمِيمِ الْمُسْتَجِيبِينَ
لآيَاتِهِ ظُهُورًا وَالصَّلَاةَ وَالسَّلَامَ عَلَى سَيِّدِنَا مُحَمَّدٍ أَصْلِحْ جَمِيعَ الْمَشْتَقَاتِ
وَالْبَسَائِطِ وَعَلَى آلِهِ وَأَتْحَابِهِ الَّذِينَ لِلْمُسْتَعِيزِينَ لَهُمُ الْوَسَائِطُ أَمَّا بَعْدُ

Texte Balaïbalan.

بَسْلَانِ ئِيلَانِ يِفْنَلَانِ يَهَبَلَانِ

يَسْتَمُ وَيَانِ جِنَا وَرَنْسَ سَكْوَزَاوِ يَنْسَا فَاجَا أَجَسَ فَعِيمَ يَمَعْنَا رَعَالَابِي قَا جَا
أَبْرَقَمَ أَيْتَقَمَ جَهَ مَكْنَدَ سَنْسَ ذَاتَ جَامَرَ يَنْتَشَنَا أَيْخَسَنَا أَجْمَقِرِي الْمَتَابِي
جِنَايَا رَنْكَرَقْنَا رَايَا يَغَسْنَا سِنَا فِي

Рис. 3. Вступление из багдадского словаря на арабском языке и балейбелен

¹ Мухьи Гюльшени был последователем суфизма – особого мистико-аскетического течения ислама [17, с. 225].

Эсперанто

Наиболее подробно в лингвистике изучен международный язык Людвига Заменгофа. Эсперанто стал «самым естественным» из всех искусственных языков. Его представительства поддерживают официальные отношения с такими организациями, как ООН, ЮНИСЕФ и ЮНЕСКО. По подсчетам профессора-эсперантиста С. Калберта на эсперанто говорят 1,5 миллиона человек в 120 странах мира [18].

Примечательно, что эсперанто стал выполнять и магическую функцию, причем практически с момента своего создания (1887). Он стал литургическим языком сразу для четырех религиозных систем (гиллелизм, хомаранизм, бахаи, оомото-кё).

Уже к началу XX в. проект Л. Заменгофа достаточно окреп, и автор приступил к распространению идей гиллелизма. Это была новая религиозная система, с помощью которой он хотел объединить евреев всего мира и где эсперанто играл бы роль языка богослужения: **«Если же мы сознаем, что с уничтожением еврейской религии... исчез бы еврейский народ, то это уже доказывает... что еврейского народа нет... Спасительную почву для еврейского народа мы... желаем создать под формой Гиллелизма, который... будет скоро расти... и постепенно поглотит в себя все еврейство»** [19]. Поскольку евреи остались верны иудаизму, Л. Заменгоф реформировал свою религию – так возник хомаранизм (от эсп. *Homarano* ‘член всечеловеческой семьи’). Основные положения гиллелизма были сохранены, но теперь его догмы распространялись на все человечество: «Хомаранизм есть стремление к чистой человечности и к абсолютной справедливости и равенству между народами» [Там же]. Роль эсперанто как языка богослужения осталась актуальной: «...К имени этого языка (эсперанто) я должен... добавлять слово *хомаранский*, чтобы показать, что я не рассматриваю мой язык как идол и что мой идеал – язык нейтрально-человеческий. Во всех... собраниях и... во всех частных общениях с хомаранами я должен использовать язык хомаранский» [Там же].

Хомаранизм исчез так же скоро, как и гиллелизм. Более Л. Заменгоф не предпринимал попыток распространять свои религиозные взгляды. Следующими, кто стал использовать его язык, были последователи религии бахаи. Эсперанто, который можно считать наиболее зрелым среди существующих международных языков, был высоко оценен Абдул-Баха (сыном основателя религии). С 1925 г. и по настоящее время последователи бахаи учат язык Заменгофа и активно его продвигают [20].

Приведем пример из заупокойной молитвы бахаи на эсперанто:

«Ho mia Dio ! Ho Vi, pardonanto de pekoj, donacanto de bonoj, forpelanto de afliktoj ! Vere, mi petegas Vin pardoni la pekojn de tiuj, kiuj lasis sian fizikan veston kaj ascendis en la mondon spiritan. Ho mia Eternulo ! Purigu ilin de misfaroj, forpelu iliajn ĉagrenojn kaj sanĝu ilian sombron al lumo...[Там же];
‘О мой Бог! О Ты, прощающий грехи, дарующий блага, избавляющий от бед! Воистину, я прошу Тебя простить грехи тех, кто оставил тело свое и вознесся в мир духов. О мой Господь! Очисти их от ошибок, выведи их из несчастья и отврати от мрака к свету...’

Наконец, четвертое религиозное движение (после гиллелизма, хома-ранизма и бахаи), использующее эсперанто, зародилось в Японии в 1892 г. под именем *оомото-кё* (*оомото*). Название верования переводится как ‘учение великого начала’. И хотя священные тексты были ниспосланы пророку Нао Дэгути на японском, эсперанто стал одним из главных языков ее последователей. Важнейшее кредо оомото написано на камне в храме в г. Камэока на языке Заменгофа: *Unu Dio, unu mondo, unu interlingvo* [21]. ‘Один Бог, один мир, один межъязык’. В том же городе находится их крупное современное издательство, где работают около 400 японцев-эсперантистов. Кроме этого, имеется еще 20 региональных центров по всей стране. С 1923 г. учение активно финансирует Всемирную организацию эсперантистов (UEA). Как и бахаи, религия оомото представлена в Беларуси и активно продвигает эсперанто. Вообще же, идея единого языка настолько важна для последователей оомото, что Людвиг Заменгоф был вознесен ими в ранг «духа Неба»: *La laboro, plena je merito, de Zamenhof, kiu multe klopodis por la realigo de ... idealo, t.e. la unuecigo de la homaro de la mondo, neniel povis realiĝi sen Dia gvido. En ĉi tiu signifo, Oomoto vidas, ke la spirito de Zamenhof eĉ nun daŭre agadas kiel misiisto de la anĝela regno;* ‘Труд Заменгофа, преисполненный достоинства, совершенный для реализации ... идеалов объединения всего мира, не мог воплотиться без Божьего руководства. Оомото видит, что дух Заменгофа и сейчас творит, будучи миссионером Ангельского царства’ [Там же].

В магической функции могут использоваться другие конланги. В частности, существуют переводы Библии и других религиозных текстов на такие искусственные языки, как квенья или клингонский. Имели место даже богослужения на данных конлангах [22]. Приведем примеры (Псалмы, 1 : 6):

Русский : *Ибо знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет.*

Квенья : *An Eruistëa i tiëfailalievä, ar i tiëulcalieontyeluva.*

Клингонский : *QaQwI' He Sovchu' joH'a' 'ejQIHna'DaqghoSbejmIghwI' He.*

Необходимо отметить, что если *lingua ignota*, енохианский язык, балей-белен – это языки, для которых магическая функция является ведущей, то эсперанто, квенья, клингонский и др. задумывались как конланги с бóльшим количеством функций. В целом чем более популярным является искусственный язык, тем шире круг коммуникативных ситуаций, в которых он используется, а следовательно, и набор функций конланга. И если Л. Заменгоф сам хотел объединить людей не только языком, но и религией, то квенья и клингон стали выполнять магическую функцию только по инициативе носителей, а не создателей.

Таким образом, можно заключить, что искусственные языки подчиняются тем же законам, что и естественные, они способны выполнять те же задачи, в частности они могут функционировать в столь специфических сферах, как религия, мистика и магия. Как показано в данной статье, конланги могут обслуживать различные религиозные направления и создаваться под существующую или новую религию. При этом в новых религиозных течениях, как правило, используются искусственные языки, за которыми стоит сходное мировоззрение (яркий пример – использование эсперанто в религии бахаи, в основе которой лежат принципы единства Бога, религий и человечества). В религиозной коммуникации всегда особое внимание уделяется языку и поэтому закономерно, что религиозные искания людей стимулируют лингво-креативную деятельность, в т.ч. и создание искусственных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Якобсон, Р. О.* Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / сост. М. Я. Полякова. – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
2. *Мечковская, Н. Б.* Язык и религия : пособие для студентов гуманитарных вузов / Н. Б. Мечковская. – 1-е изд. – М. : ФАИР, 1998. – 352 с.
3. *Gorenc, J.* More specific data about my collection / J. Gorenc // JancoGorenc's personal site [Electronic resource]. – Mode of access : <https://sites.google.com/site/jankogorenc/home>. – Date of access : 22.01.2015.
4. *Д'Орсе, Г.* Язык птиц: тайная история Европы / Г. Д'Орсе. – 1-е изд. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. – 529 с.
5. *Guillaume, A.* Les langues du Moyen-Age – Approches / A. Guillaume // Revue électronique sous la direction de François RastierTexto [Ressource électronique]. – Mode d'accès : <http://www.revue-texto.net/index.php?id=2332>. – Date d'accès : 21.01.2015.

6. Cryptically Medieval [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.freewebs.com/crypticallymedieval/sthildegardscipher.htm>. – Date of access : 22.01.2015.
7. *Cazelles, B.* Modernité au Moyen Age, le défi du passé / B. Cazelles, Ch. Méla. – Genève : Droz, 1990. – 316 p.
8. *Карасев, И. В.* Арахау. Опыт скороговорения : учебник искусственного полисинтетического языка со словарем на 1 200 слов / И. В. Карасев. – 1-е изд. – Краснодар, 2013. – 130 с.
9. Lingua ignota // L'encyclopedie en ligne Wikipédia. [Ressource électronique]. – Mode d'accès : https://fr.wikipedia.org/wiki/Lingua_Ignota. – Date d'accès : 21.01.2015.
10. Енохианский язык // Эзотерический портал Центр Х [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://center-x.ru/spravochnik/ponjatija/430-enochlang>. – Дата доступа : 20.01.2015.
11. *Гайденко, П. П.* Философско-религиозные истоки науки / П. П. Гайденко. – М. : Мартис, 1997. – 319 с.
12. The Gnostic Church of L.V.X. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.gclvx.org>. – Date of access : 16.01.2015.
13. *Dyrendal, A.* «Enochian» language: A proof of the existence of angels? / A. Durendal [Electronic resource] : Skepsis: kritiskundersøkelseavdetuforklarlige, detutroligeogdetmarginale. – Mode of access : <http://skepsis.no/index>. – Date of access : 22.01.2015.
14. Енохианский язык // Большой словарь эзотерических терминов / сост. А. М. Степанов [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.ezoezo.ru/enohianskiyuazyk-1744.html>. – Дата доступа : 20.01.2015.
15. Балеибелен // Интернет-энциклопедия «Википедия». [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/Балеибелен>. – Дата доступа : 19.01.2015.
16. Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque impériale et autres bibliothèques : en 44 vol. / ed. S. de Sacy. – Paris : Imprimerie Impériale, 1813. – Vol. 9. – 600 p.
17. *Прозоров, С. М.* Ислам : энциклопедический словарь / С. М. Прозоров. – 1-е изд. – М. : Наука, 1991. – 315 с.
18. *Culbert S. S.* Counting Esperantists / S. S. Culbert // PANIX Public Access Networks Corporation [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.panix.com/~dwolff/docs/twomega.html>. – Date of access : 22.01.2015.

19. Homarano [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://homarano.narod.ru/index.htm>. – Дата доступа : 25.01.2015.
20. Вера Бахаи и эсперанто [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://bahaaeligo.bahai.de/rusa/bel-rusa.htm>. – Дата доступа : 25.01.2015.
21. Oomotointernacia [Elektronikarimedo]. – Modo de aliro : <http://www.oomoto.or.jp/Esperanto>. – Dato de aliro : 25.01.2015.
22. Churchgoers worship in Klingon // Kingman Daily Miner. – 1993. – 24 aug. – P. 5.

The research focuses on artificial languages that were created for religion- and magic-related purposes. Information on projects of such kind (Lingua ignota, Enochian language, Balaibalan) has been systematized, and specific features of how these languages are used in occultism and magic have been outlined. Besides, the relation between Esperanto and various religious movements (Hillelism, Homaranismo, Bahá'í, Oomoto-kyo) has also been described..

ЯЗЫКОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

Л. М. Лещёва

«ОВОЩИ, ФРУКТЫ, ПРОЧИЕ ПРОДУКТЫ»: ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФИТОНИМИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Статья посвящена сопоставительному анализу происхождения названий фруктов, овощей и специй в русском и английском языках. Доказывается, что сходство номинаций, наблюдаемое в меньшей части исследуемой лексической группы в двух дальне-родственных языках, обусловлено либо их общим происхождением, либо общим источником недавних заимствований. Различия же в лексической группе исследуемых фитонимов, характерные для большей части исследуемых слов, вызваны их эволюционными лексико-семантическими расхождениями, особенностями номинативных процессов в каждом из языков, а также разными источниками ранних заимствований.

Всем нам с раннего детства хорошо знакомо стихотворение, положенное на музыку, польского поэта и прозаика Юлиана Тувима в переводе С. Я. Маршака об овощах: *Хозяйка с базара домой принесла: картошку, капусту, морковку, горох, петрушку и свеклу. О-о-о-ох!*. Эти овощи являются типичными не только для русской и восточнославянской, но и в целом, для средневропейской кухни, а также прототипическими единицами категории ОВОЩИ, что нашло отражение в данном стихотворении для детей.

Названия овощей занимают центральное место и в английском языке, что отражено в многочисленных детских стихах. Перечень наименований овощей в них оказывается даже шире: в них упоминаются и такие овощи, менее характерные для русскоязычной детской поэзии, как *squash, broccoli, cauliflower, celery* и т.п. Примером могут служить детские стихи и песенки, предложенные на образовательных страницах Интернета, *Carrots, peas, and broccoli, vegetables are good for me* или *Vegetables, vegetables, carrots, peas, tomatoes, oh, what fun it is to eat zucchini, corn, potatoes!*, *Carrots, broccoli and even melon, pumpkin pie and also lemon, vegetables is healthy and also grand, it is also good in lending a hand*. А в следующем английском детском стихотворении категория ОВОЩИ / VEGETABLES представлена наиболее полно с ее гиперонимом и важнейшими представителями категории:

*Eat your vegetables,
Clean your plate.
Eat your vegetables,
Veggies are great.*

*Celery, carrots,
Spinach and potatoes.
Radishes, cauliflower,
Cabbage and cress,*

*String beans, broccoli,
lettuce and peas,
Squash and brussel sprouts,
More corn, please!
Cucumbers, eggplants,
Beets and tomatoes.*

*Peppers and onions.
Asparagus? Yes!
Black beans, lima beans,
Soybeans too.
Eat your veggies
They're good for you.*

Конечно, делать какие-либо сравнительные социолингвистические заключения на основании приведенных детских стихов никак нельзя – они были написаны в разное время и с разной целью.

Однако анализируя языковые структуры наименований овощей в двух языках одной генеалогической индоевропейской семьи – английском и русском – нельзя не заметить, что в такой важнейшей и древнейшей категории ФИТОНИМЫ, в частности среди слов, именующих овощи, фрукты или специи формальное сходство коррелятивных слов не велико.

Так, большинство коррелятивных названий овощей в этих двух языках имеют разные фонетические структуры, что указывает на их разное происхождение. Примерами могут служить слова *vegetable* и *овоц*; *carrot* и *морковь*; *peas* и *горох*; *beet* и *свекла*; *cucumber* и *огурец*; *eggplant* и *баклажан*; *tomato* и *помидор*; *potato* и *картофель*; *cauliflower* и *цветная капуста*; *onion* и *лук*; *turnip* и *репа*; *rutabaga* и *брюква*; *haricot* и *фасоль*; *dill* и *укроп*; *maize* и *кукуруза*; *pumpkin* и *тыква*; *horseradish* и *хрен*; *garlic* и *чеснок*; *wildleek* и *черемша*; *squash "marrow"* и *кабачок*; *Jerusalem artichoke* и *топинамбур*; *melon* и *дыня*; *watermelon* и *арбуз* и т.п.

Лишь в немногочисленных случаях мы наблюдаем разную степень формального сходства коррелятивных названий (*corn* и *зерно*; *pepper* и *перец*; *cabbage* и *капуста*; *celery* и *сельдерей*; *lettuce* и *салат-латук*; *spinach* и *шпинат*; *rhubarb* и *ревень*; *asparagus* и *спаржа*), что может быть связано с общим источником их происхождения или заимствования.

Следует отметить, что названия растений, или фитонимы (греч. *φῦτόν* ‘растение’, *ὄνομα* ‘имя’), именующие важнейшую область жизнедеятельности человека и его концептуальной картины мира, неоднократно становились предметом структурных, мотивационно-деривационных, лексико-графических, диалектологических, паремиологических, лингво-культурологических, функциональных, сравнительно-сопоставительных и других специальных лингвистических исследований. Однако сравнительного анализа этимологических характеристик слов данной группы в английском и русском языках, насколько нам известно, не проводилось, что и стало **главной задачей** данной работы.

С одной стороны, отмеченные выше многочисленные и радикальные расхождения коррелятивных английских и русских названий овощей и фруктов представляются несколько неожиданными, поскольку можно было бы предположить *большую* степень их сходства для этих хотя и генетически не близких, но все же родственных языков – ведь история выращивания человеком многих овощей, фруктов, специй, зерновых культур насчитывает многие тысячелетия.

Так, в Ригведе – первом известном памятнике индийской литературы и одном из древнейших религиозных текстов в мире (около 1700–1100 гг. до н.э.), хранившемся веками в устной традиции и записанном только в раннем Средневековье, – перечисляются более 700 растений, обладающих целебными свойствами и носящими также ритуальное значение [1]. Некоторые из них в настоящее время произрастают только на индийском субконтиненте или Гималаях (например, дерево *Ним*, считающееся «божественным деревом», поскольку лекарства, сделанные из него, обладают иммуноповышающими, глистогонными, противогрибковыми, противобактериальными, противовирусными, антидиабетическими и успокоительными свойствами [2]). Некоторые же растения легко прижились в странах Средиземноморья со схожим климатом, а их названия были заимствованы вместе с выращиваемыми культурами или их торговлей. Примерами могут служить русское существительное *перец*, являющееся давним заимствованием из латинского *piper*, восходящим к греческому *πέπερι* и др.-инд. *Pippalī*, или же заимствованное из польского или верхне-немецкого существительное *имбирь*, история которого восходит к латыни и среднегреческому *ζουγίβερις* и далее к др.-инд. *cyṅgavēram* [3].

В Ветхом Завете (примерно с XIII по I в. до н. э.) также часто упоминаются разные съедобные растения: бобовые (*фасоль, чечевица*); овощи: *огурцы, тыквы (горлянки), лук-порей, лук репчатый*; фрукты и орехи: *яблоки, миндаль, финики, инжир, виноград, дыни, оливки, фисташки, гранаты, изюм*; зерновые: *ячмень, просо, пшеница, пшеница спельта*; специи: *кориандр, корица, тмин* [4].

С другой стороны, нельзя не учесть исторические и географические условия формирования славянского и германского этносов, отличные от этногенеза семитских и ряда других индоевропейских народов, что не могло не сказаться на лексических свойствах словарного состава английского и русского языков.

Так, по мнению ряда ученых, в том числе В. В. Седова, распад индоевропейской общности относится примерно к пятому тысячелетию, или

пятидесятым векам до н.э. При этом славяне, германцы и италийцы еще долгое время сохраняли близость праязыку и относительное диалектное единство, находясь в постоянных контактах друг с другом, окончательно разойдясь только к XII–IV в. до н.э., когда на северо-западе древнеевропейской общности сформировались славяне, на язык которых позже наложился какой-то окраинный западно-балтский диалект (поморская культура), привнесший ряд черт, объединяющих славянские и балтские языки. Основой экономики славян были земледелие и скотоводство: они выращивали *просо, пшеницу, ячмень, горох, бобы, лён* и т.п., занимались также охотой, рыболовством и сбором лесных плодов [5].

Сравнительно позднее появление письменности в индоевропейских языках и отсутствие специальных текстов, посвященных растениеводству и овощеводству, к сожалению, затрудняет исследование вопросов о характере выращиваемых растений и происхождении их названий на территориях миграции ранних индоевропейских народов. Тем не менее данные сравнительно-исторического языкознания, археологии, антропологии и др. наук дают некоторое представление о выращиваемых растениях того периода, их названиях и пополнении данной лексической группы вплоть до наших дней.

Рассмотрим подробнее происхождение названий овощей и фруктов в русском и английском языках.

Первое письменное упоминание о возделывании овощей на территории Древней Руси относится к V веку. С древнейших времен на территории Руси наряду с такими фруктовыми деревьями, как *яблони, груши, сливы*, выращивались овощи, например, *редька, горох, лук, морковь, репа* (основной овощ до появления картофеля), а также *бобы, укроп, чеснок, хрен* и т.п. [6].

Выполненный нами на основе электронного словаря Макса Фасмера *Этимологический словарь русского языка* (онлайн-версия) [3] анализ русскоязычных названий данных овощей и фруктов свидетельствует о том, что они имеют преимущественно праиндоевропейское и общеславянское происхождение, наряду с заимствованиями, в том числе современными.

К русским названиям овощей и фруктов, имеющим **праиндоевропейское происхождение**, следует отнести следующие существительные.

Гипероним исследуемой группы, слово **овощ** происходит от ст.-слав. *овоишь* с общим значением ‘фрукты, плоды’. (Интересно отметить, что в современном польском за словом *owoc* закрепилось значение ‘фрукты’, а значение ‘овощи’ передается существительным *warzywa*.) В свою очередь, старославянское слово *овоишь* восходит к древнеиндийскому *vakṣayati* ‘дает расти’, *úkṣati* ‘подрастает’, авест. *Vaḥšaiti* ‘растет’ и имеет родственные слова в д.-в.-н. слова *obaʒ* ‘плоды’, в англосаксонском слова *ofett* и ср.-нж.-нем. *Ovet*.

Праиндоевропейский корень *wrad-* ‘веточка, корень’ лежит в основе нескольких названий овощей в индоевропейских языках, в том числе русских слов *редька* и *редис* (последний был завезен в Россию Петром I из Франции и первоначально именовался *французской редькой*), английского *radish* ‘редис’ и древне-английского *wurt* ‘растение, плод’.

Русское слово *горох* связано с др.-инд. *ghárṣati* ‘трет’, *ghrṣtás* ‘тертый’.

Морковь, согласно словарю М. Фасмера, восходит к праиндоевр. **mr̥k-/ *br̥k-*, а происходит от праслав. **mьrky*, от которого произошли укр. *моркóв*, *мóрква*, блр. *мóрква*, болг. *мóрков*, сербохорв. *mr̋kva* (*mřkva*), (вост.) словен. *mřkev* (тж. *mřkva*), чеш. *mrkev*, словц. *mrkva*, польск. *marchew* и т.п.

Слово *репа* (ср.: и.-е. **rāp-* и **rēp-*) имеет схожие корреляты в славянских (русск.-церк.-слав. *рѣпа*, укр. *ріпа*, болг. *рѣпа*, сербохорв. *репа*, словенск. *repa*, чешск. *řpa*, словацк. *repa*, польск. *rzepa*, в.-луж., н.-луж. *rěpa*, полаб. *geró*, а также в лит. *rópe*, др.-в.-нем. *Ruoba* наряду с *rāba* ж., лат. *rāpum* ср. р., *rāpa* ж., греч. *ῥάπυς*, *ῥάφυς* ж. ‘репа’ и *ῥάφανος* м. ‘редька’.

Кстати, это слово в латыни стало производящим для названия другого вида овоща, которое позже было заимствовано в другие языки. Так, древним римлянам был хорошо известен вид капусты *кольраби*, которую они называли *кауло-рапа* ‘стеблевой репой’ [7].

Названия такого фрукта как *яблоко* также имеет праиндоевропейский корень **ab(e)l-*; русское название произошло от праслав. формы, родств. ст.-слав. *яблоко*, болг. *ябълка*, укр. *яблуко*, белор. *яблык*, польск. *jabłko*, словенск. *jabolko*, сербск. *jabuka*, чешск. *jablko* и т.п.

Вопрос об отнесении ряда названий традиционных для данной географической зоны культурных растений к праиндоевропейским корням остается **не до конца решенным**.

Так, *бобы* известны в культуре на Руси приблизительно с VII в. [7]. Это слово имеет место во всех славянских языках (укр. *біб*, род. п. *бобу*, болг. *бóб*, сербохорв. *бѣб*, *бѣба*, словен. *bòb*, чеш. *bob*, польск. *bób*), а также в.-луж., н.-луж. *bob*). Оно родственно также др.-прусск. *babo* и лат. *faba* ‘боб’. Дальнейшие родственные слова, по-видимому, алб. *bathe* ‘боб’, греч. *φακός* ‘чечевица’. Ср. также англ. *bean*, нем. *Bohne*, швед. *Böb*, венг. *bob*. Однако первоначальная форма и ее источник недостаточно ясен, возможно, им была редуцированная протоиндоевропейская форма **bha-bha-*.

Слово *хрен*, возможно, восходит к др.-инд. *kṣārás* ‘жгучий, едкий’.

Происхождение названия *тыква* также недостаточно ясно, но имеет общеславянский корень, восходящий, видимо к среднеиндоевропейским двум биконсонантным корням: TW + KW или же индоевропейскому *kūkū* ‘пухлый плод’.

Ряд названий исследуемой группы обнаруживают только **обще-славянские корни**.

Так, слово *укроп* происходит от др.-русск. *укропъ*, ст.-слав. *оукропъ*.

Чеснок, древнейшее растение, имеющее широкий ареал возделывания и совершенно разные названия в разных языках, также имеет славянское происхождение. Оно слово восходит к праслав. **česnъkъ*, образованному от **česnъ* – суффиксального производного от глагола **česti* ‘чесать, скрести, рвать, драть’ с этимологическим значением ‘расщепленная, расколота (луковица)’.

Дыня (от слова *дутый, надутый*), вероятно, также имеет общеславянский корень (укр. *ди́ня*, болг. *ди́ня*, сербохорв. *диња*, словен. *dinja*, чеш. *dýně* ‘дыня, тыква’, *слвц. дуня*, польск. *dynia* ‘дыня, тыква’).

Слово *груша* (русск.-церк.-слав. *хруша*) родственно всем славянским языкам: укр., словенск., польск., полабск., болг., сербохорв., в- и н.-луж. и др., как и слово *мак*.

Сливе уже около трех тысяч лет. Сливовые деревья были среди трофеев, которые Александр Македонский привез домой из походов на Восток. Затем слива распространилась по всей Европе [8]. Русское название плода *слива* происходит от праславянского, от которого произошли и другие схожие названия в славянских языках: в сербском, украинском, белорусском, болгарском, словенском, нижне-лужицком и других. Слово первоначально обозначало окраску (ср. лат. **līvos* ‘синеватый’).

А вот *лук*, древнейший овощ, родом из горных районов средней Азии, первые упоминания о котором как о культуре были найдены в клинописных изображениях древних шумеров и в древнеегипетских папирусах [9], который вместе с чесноком, по свидетельствам Геродота еще во II в. до н. э. выращивали скифские племена, жившие по берегам Южного Буга (реки на юго-западе Украины в пределах Хмельницкой, Винницкой, Кировоградской, Одесской и Николаевской областей), имеет иное происхождение. Это слово было заимствовано из др.-герм. *lauka-* (ср. др.-исл. *laukr*, д.-в.-н. *louh* ‘лук’, англос. *léac*, др.-сакс. *loĕ*). Оно также имело место в старо-славянском и всех современных славянских языках, в том числе чешском, словенском, сербохорватском, польском, что свидетельствует о древних контактах славянских и германских народов.

С принятием христианства овощеводство на Руси стало развиваться особенно интенсивно, поскольку обязательные посты требовали соответствующего продовольствия. «Церкви и монастыри, получая земельные участки, отгораживали часть надела и использовали ее под выращивание овощей. Вероятно, отсюда произошло слово ‘огород’, буквально означающее ‘огороженная территория’. На огородах трудились монахи, выращенный урожай

собирали, закладывали на зиму и употребляли в голодное зимнее время года. Монахи были также первыми создателями особых агротехнических приемов выращивания различных культур, первыми селекционерами и популяризаторами овощеводства. Уникальных результатов добивались монахи Валаамского монастыря, которые в условиях царящего там достаточно сурового климата выращивали овощи рекордных размеров: капусту с кочаном до 12 кг, тыкву по 50 кг, в тепличных условиях арбузы по 20–25 кг и даже крупные дыни» [7].

Соответственно, в русском языке появились многие названия из других индоевропейских языков, народы которых уже приняли христианство, а также из греческого и латыни.

Согласно словарю Фасмера, слово **капуста** происходит от русск.-церк.-слав. *капуста* (1193–1195) которое, в свою очередь, возникло как контаминация ср.-лат. *composta* (*composita*), ит. *composta* ‘сложенная (зелень)’, а позже ‘смесь, состав; компост; удобрение’. Хотя по другим сведениям, капуста появилась на Руси раньше, в начале X века, и сразу приобрела огромное значение для крестьянского хозяйства [7].

Вместе с распространением православия и культуры овощеводства были заимствованы из *греческого языка* (иногда через другие соседние языки) такие слова, как **огурец**, история возделывания которого берет начало в Северной Индии и Китае и насчитывает до 5 000 лет (заимств. из ср.-греч. *aguria* или *agouros*: *ἄγουρος* ‘огурец’ от греч. *ἄωρος* ‘незрелый’; пришедшая с Востока в Древнюю Грецию в VI в. до н.э. **свекла**, которая долгое время использовалась как лекарственное средство, а позже как овощная культура (греч. *сфекели* – *σέϋκλον*); **фасоль**, имевшая в русском языке с XIV до XIX вв. форму *фасуль*; **петрушка** (греч. *petroselinon*, где *petros* ‘скала, камень’ + *selinon* ‘сельдерей’ = ‘горный сельдерей’).

Завозились с X века **черный перец** (др.-русс. *пъньрь* (1193 г.), *перець* (грам. 1388 г.; Афан. Никит.), из др.-греч. *Πέπερι* ‘перец’; восходит к др.-инд. *pīppalī* ‘перец’), **лавровый лист**, или **лист лавра** (лат. *laurus* ‘лавр’), **гвоздика** (калька польск. *goździk*, *gwoździk*, которое в свою очередь калькировано с ср.-в.-н. *negelkiñ*, ср.-нж.-н. *negelkin*, нов.-в.-н. *Näglein*, *Nelke* ‘гвоздика’, которые, в свою очередь, является калькой с латыни. (Это название объясняется тем, что *гвоздика* (пряность) напоминает по форме гвоздь старой ручной ковки.) В конце XV века появились **имбирь** (заимствовано прямо или через польский из нов.-в.-н. *Imber*, *Ingwer* от ср.-в.-н. *ingewer*, *ingeber*, которое восходит через романские языки и ср.-греч. *ζυγγίβερις* к др.-инд. *cyngavēram*); **шафран** (заимствовано через ср.-в.-н. *saffrañ*, ср.-нж.-нем. *safferañ* из итальянского *zafferano* от араб. *za'farañ*); **корица** (др.-русс. *корица*, сербск.-цслав. *корице* (мн.) – то же, чеш. *skorice*, словц. *skorica* (уменьшительная форма от *кора*).

По мере развития российского государства развивались овощеводство и садоводство.

Для новых видов овощей, фруктов, ягод в XV в. и позже были заимствованы слова *из восточных языков* (*алыча* по-тюркски и по-персидски значит ‘слива’; *арбуз* – слово пришло через татарский язык из персидского). *Из западных языков* при Петре I пришли в русский язык слово *брюква* из немецкого (нов.-в.-н., нж.-нем. *wruke*), *фрукт* (нем. *Frucht*, шведск. *Frukt*, от лат. *fructus* ‘произведение; плод; польза’, из *frui* ‘наслаждаться; пользоваться’), из французского языка – слова *артишок* (фр. *artichaut* (XVI в.), нем. *Artischocke* (XVI в. – оба из итал. *articiocco* от араб. *alḥarṣōf*) и *редис* (первоначально ‘французская редька’).

Происхождение названий овощей и фруктов в современном **английском языке** в силу целого ряда внешних исторических причин в значительной степени иное.

В нашем исследовании сведения об истории садоводства и огородничества в Англии взяты из работы Алисы Амхерст [10], а об этимологии английских названий – из электронного словаря Дугласа Харпера «Online Etymology Dictionary» [11].

Ввиду весьма ограниченной письменной традиции среди британских кельтов сведений об овощеводстве и садоводстве на Британских островах в период *до Римского завоевания*, а соответственно, о кельтских названиях овощей и фруктов, нет. Известно, например, что, будучи друидами, кельтские племена поклонялись дереву, в частности дубу (кельтское название дуба соотносится с индоевропейским **deru-* ‘дуб’, которое соотносится с современным русским *дерево* и английским *tree*).

Римское завоевание Британии (43–407 гг. до н.э.) имело важное значение для овощеводства и садоводства Британии, поскольку римляне в то время были лучшими специалистами в этих областях. Древнеримский историк Публий Корнелий Тацит, описывая в первом веке нашей эры климат Англии, утверждал, что он подходит для всех видов овощей и фруктов, кроме маслин и винограда, хотя позже в садах Англии виноград выращивался вполне успешно.

Англо-саксонское завоевание (V–VI вв.) – сложный период в истории Британии, который многие историки именуют Темным в силу недостаточных данных об этом времени, и поскольку культура, в том числе сельскохозяйственная, были отброшены на много веков назад. Тем не менее определенная степень сохранности связей двух столь разных культур продолжала существовать.

Так, бенедиктинский монах Бе́да Достопочтенный (англ. *Bede the Venerable*, др.-англ. *Bæda* или *Bēda*) (ок. 672 или 673–735), написавший одну из первых историй Англии в начале VIII века, отмечал, что эта страна изобилует зерном и деревьями, а в некоторых местах там выращивают виноград.

К этому периоду относятся древне-английские слова *geard* ‘огражденный двор’ (ср. англ. *garden* и рус. *огород*) и его производные: *orceard*, или *ortgeard* (ср. *orchard*), редуцированные от *wort* (др.-англ. *wyrt* ‘растение’ + *geard*) и *cherry-* или *appul geard*. Если большая часть загражденной территории была предназначена для определенного растения, например, лука, она называлась *leaktun*.

Несколько фитонимов и сейчас остаются исконными словами германского происхождения: *leek* ‘лук-порей’, *garlic* ‘чеснок’, *beet* ‘свекла’, *southern-wood* ‘кустарниковая полынь’, *wormwood* ‘полынь горькая’.

Многие англо-саксонские названия растений, упомянутых в древних рукописях, не только восходят к латинским корням (например, др.-англ. *petersilie* – н.-англ. *parsley* ‘петрушка’ от лат. *petroselinum*, греч. *petroselinon*, где *petros* ‘скала, камень’ + *selinon* ‘сельдерей’ = ‘горный сельдерей’), но и доказывают знакомство авторов рукописей с работами древнегреческого философа Теофраста, основателя ботаники и географии растений, римского медика Галена, внесшего большой вклад в фармакологию, древнеримского энциклопедиста Плиния и древнеримского писателя и поэта Апулея, автора «Метаморфоз» – популярных античных романов.

В целом, развитие агрокультуры Британии, а также последовательное развитие континентальной англосаксонской фитотерминологии на Британских островах в этот период были подорваны.

Нормандское завоевание Британии (1066) оказало значительное влияние на развитие английского языка в целом и фитотерминологии в частности. К этому и следующему за ним периоду относится процветание монастырских садов и активное заимствование названий из французского языка.

Некоторые культурные растения сохранили в современном английском языке свое англо-саксонское прошлое, в котором имеются названия от протоиндоевропейского до протогерманского и континентальной латыни. Примерами могут служить существительные *apple* [Old English *æppel* ‘apple; any kind of fruit; fruit in general’ from Proto-Germanic **ap(a)laz* (cognates: Old Saxon, Old Frisian, Dutch *appel*, Old Norse *eple*, Old High German *apful*, German *Apfel*), from PIE **ab(e)l* ‘apple’ (cognates: Lithuanian *obuolys*, Old Church Slavonic *jabloko* ‘apple’)]; *pear* [Old English *pere*, *peru* ‘pear’, common West Germanic (Middle Dutch, Middle Low German *pere*, Old High German *pira*, *birā*,

Dutch *peer*), from Vulgar Latin **pera*, variant of Latin *pira*, *pirum* ‘pear’]; **prune** [Old English *plūme*, from Latin *prunum*]; **leek** [Old English *læc* (Mercian), *leac* (WestSaxon)]; **radish** [late Old English *rædic* ‘radish’ from Latin *radicem* (nominative *radix*) ‘root, radish’, from PIE **wrad-* ‘twig, root’]; **rose** [Old English *rose*, from Latin *rosa*; also source of Dutch *roos*, German *Rose*, Swedish *ros*] и т.п.

В то же время многие названия овощей и фруктов были вытеснены французскими заимствованиями или же изменены под влиянием французского, а позже пополнялись преимущественно из этого источника. К таким названиям относятся **cabbage** [mid-15 c., *caboge*, from Middle French *caboché* ‘head’ (in dialect, ‘cabbage’), from Old French *caboce* ‘head’, a diminutive from Latin *caput* ‘head’]; **lettuce** [late 13 c., probably from Old French *laitues*, from Latin *lactuca* from *lac* ‘milk’; so called for the milky juice of the plant]; **onion** [early 12 c., from Anglo-French *union*, Old French *oignon* ‘onion’]; **cherry** [Anglo-French *cherise* вместо Old English *ciris* ‘cherry’ from a West Germanic borrowing of the Vulgar Latin word]; **parsley** [14 c. merger of Old English *petersilie* and Old French *peresil* (13 c.) и т.п.

Наглядным примером, иллюстрирующим важность французских заимствований для современных английских фитонимов, является отрывок из энциклопедии «О природе вещей» (лат. «*Denaturisrerum*») Александра Нёккама (англ. Alexander Neckam, 1157–1217), монаха-августинца, писателя, энциклопедиста, в которой он уделил много места описанию растений, овощей и фруктов, значительную часть информации о которых он почерпнул из классических древних источников, сделав их доступными для современного ему читателя.

Описывая, каким должен быть идеальный сад, Неккам пишет: *The garden should be adorned with roses and lilies, the turnsole, violets, and mandrake; there you should have parsley, cost, fennel, southern-wood, coriander, sage, savory, hyssop, mint, rue, dittany, smallage, pellitory, lettuces, garden-cress, and peonies. There should also be beds planted with onions, leeks, garlic, pumpkins and shallots. The cucumber growing in its lap, the drowsy poppy, the daffodil and brank-ursine ennoble a garden. Nor are there wanting, if occasion further thee, pottage-herbs: beets, herb-mercury, orache, sorrel and mallows, anise, mustard, white pepper and wormwood do good service to the gardener* [10, p. 60].

Нельзя не заметить, что в данном отрывке текста, одного из самых ранних переводов раннесредневекового латиноязычного текста на современный английский, абсолютное большинство фитонимов являются французскими заимствованиями в средневековый английский, которые, в свою очередь, произошли из латыни: например, **coriander** ‘кориандр’; **sage** ‘шалфей’; **turnsole** ‘подсолнечник/хризофора красильная’; **savory** ‘сатурея, чабер’;

brank-ursine ‘медвежья лапа’; *parsley* ‘петрушка’; *rue* ‘рута (душистая)’; *dittany* ‘ясенец белый’; *pellitory* ‘пупавка (антемис, или испанская ромашка)’; *lettuce* ‘салат-латук’; *onion* ‘репчатый лук’; *pumpkin* ‘тыква (обыкновенная)’; *shallot* ‘шалот (лук)’; *orach(e)* ‘садовая лебеда’; *sorrel* ‘щавель’; *anise* ‘анис’; *mustard* ‘горчица’; *cucumber* ‘огурец’.

Значительная часть английских фитонимов являются более ранними заимствованиями из латыни в староанглийский, или англосаксонский периоды: *fennel* ‘фенхель’; *hyssop* ‘иссоп (аптечный)’; *mint* ‘мята’; *peony* ‘пион’; *poppy* ‘мак’; *daffodil* ‘бледно-желтый нарцисс’; *mallow* ‘мальва, просвирник’; *pepper* ‘перец’.

Заключая наблюдения за происхождением названий овощей и фруктов в английском и русском языках, можно отметить следующее.

1. Полное совпадение анализируемых фитонимов в английском и русском языках обычно может иметь место в недавних интернационализмах – одновременных заимствованиях в разные языки из одного источника. Так, англ. *avocado* и рус. *авокадо* заимствованы из испанского *avocado*, которое произошло от древне-ацтекского названия этого растения – *ахуакатль*; англ. *soya* и рус. *соя* – через датский *soja* из малазийского *soi*.

Главной же отличительной чертой наименований этой группы слов в английском и русском языках следует признать различие происхождения и, соответственно, форм.

Различия в наименованиях овощей, фруктов, приправ и целебных трав в двух индоевропейских языках – русском и английском – можно объяснить **внутриязыковыми причинами** – эволюционным расхождением языков (*pepper* – *перец*; *leek* – *лук*; *apple* – *яблоко*), а также особенностями мотивационно-номинативных процессов в каждом из языков отдельной группы, дающих особые имена каждому из объектов (*чеснок* и *garlic*; *слива* и *plump*; *груша* и *pear*; *мак* и *popper*) или же использующие заимствование для одного из языков (например, заимствования из греческого через латинский и французский в случае английского слова *melon*) и исконное название для его коррелята в другом языке (русским коррелятом заимствованного английского слова *melon* является исконное *общеславянское дыня*).

Важными являются и **внешние**, географические и исторические **факторы**. Например, исторически обусловленные заимствования преимущественно из французского и латыни – в английском, но из греческого, немецкого, а также тюркских и других восточных языков – в русском (ср.: *quince* и *айва*; *parsley* и *петрушка*; *cucumber* и *огурец*; *orange* и *апельсин*) или же заимствование из одного источника, но через разные языки (ср.: *sage* – из латыни *salvus* через французский и *шалфей* – из латыни *salvus*

через польский или в.-нем.; общим источником для англ. *apricot* и рус. *абрикос* является латинское слово *praecoquum*, но английское слово пришло из французского *abricot*, а русское – из голл. *abrikoos* или нем. *Aprikose*).

Общий источник происхождения двух слов в разных языках, может вести к разному семантическому развитию слов, межъязыковым дублетам и, в конечном итоге – к «ложным друзьям переводчика» (ср.: рус. *репа* и англ. *rape* ‘рапс (сурепица)’; англ. *turnip(s)* ‘репа/ы’ и рус. *турнепс* ‘кормовая репа’).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ригведа. Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B8%D0%B3%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B0/>. – Дата доступа : 20.05.2016.
2. Аюрведа. Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%8E%D1%80%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B0/>. – Дата доступа : 20.05.2016.
3. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка (онлайн версия) [Электронный ресурс] / М. Фасмер. – Режим доступа : <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer.htm/>. – Дата доступа : 20.05.2016.
4. *Silverman, D.* Bible Foods with Scripture References [Electronic resource] / D. Silverman. – Mode of access : <http://christianity.about.com/od/biblefactsandlists/qt/foodsofthebible.htm>. – Date of access : 20.05.2016.
5. *Жих, М.* Валентин Васильевич Седов. Страницы жизни и творчества славянского подвижника. Проблема славянского этногенеза в работах В. В. Седова. [Электронный ресурс] / М. Жих. – Режим доступа : <http://www.ruspole.info/node/3813/>. – Дата доступа : 20.05.2016.
6. История развития овощеводства [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ovoshch.ru/a/id/12-Istoriya-razvitiya-ovoshevodstva.html/>. – Дата доступа : 20.05.2016.
7. История возникновения и развития овощеводства [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lib.rin.ru/doc/i/29759p.html/>. – Дата доступа : 20.05.2016.
8. Вестник садовода. Сорты. Агротехника. Опыт выращивания. Слива [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestnik-sadovoda.ru/index.php/plodlsadik/303-sliva-sorta-agrotehnika-opyt-vyrashchivaniya/>. – Дата доступа: 20.05.2016.

9. Лук, история [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.inqui.ru/2013/01/onion.html/>. – Дата доступа : 20.05.2016.
10. *Amherst, A.* A History of Gardening in England / A. Amherst. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013. – 420 p.
11. *Harper, D.* Online Etymology Dictionary / D. Harper [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.etymonline.com/>. – Date of access : 20.05.2016.

The article deals with the contrastive analysis of origin of names for edible fruits, vegetables and herbs in Russian and English. It is argued that similar correlated names in two genetically distantly related languages make up the minor part of the lexical group, and are determined either by the common origin or common source of recent borrowings. Differences in the lexical group under study characteristic of the major part of the correlated names, are caused by their evolutionary lexical-semantic divergence, by peculiarities of name-derivation processes in each of the considered languages or by different sources or ways of early borrowings.

Е. Г. Лукашанец

ДВУПОЛЮСНОСТЬ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ЧЕРТА ДЕРИВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО АРГО

Словообразовательной системе арго в силу ее вторичности по отношению к системе деривации литературного языка свойственна двухполюсность, которая выражается в разных противопоставлениях: а) высокопродуктивного ядра – непродуктивной периферии, формируемой арготическими аффиксами (в основном в сфере неноминативной модификации); б) внутриарготических и внеарготических мотивированных (что связано с двумя основными функциями арго: профессиональной и экспрессивной); в) мутационных типов суффиксального словообразования существительных, отражающих профессиональную направленность лексики арго, – словообразовательным типам как явлениям в большей степени экспрессивного характера.

Этноязык представляет собой систему систем (вернее, систему подсистем, субкодов), варьируясь в разных отношениях. Одной из форм существования языка, подсистемой национального языка считаются социальные диалекты – *социолекты*. Под социолектом мы понимаем лексическую подсистему данного этноязыка, маркированную социально – как часть языкового репертуара данной социальной группы.

Одна из наиболее важных системных характеристик социолекта – его вторичность как знаковой системы по отношению к первичной, «материнской» системе – литературному языку, территориальному диалекту, народно-разговорной речи. Вторичность заложена в самом существовании

социолекта, без нее социолект не смог бы возникнуть и существовать. В качестве первичной речевой системы для многих современных социолектов выступает литературный язык (ЛЯ).

Главными линиями взаимодействия социолекта и ЛЯ, а следовательно, и основными проявлениями знаковой вторичности любого социолекта, можно считать две противоположно направленные тенденции: *отталкивание* и *притягивание* (*аттракцию*). Так, а т т р а к ц и я – это сила центростремительная, заставляющая элементы системы социолекта «притягиваться» к единицам первичной системы. В самом широком смысле притягивание состоит в *использовании* материала первичной подсистемы для построения единиц вторичной. Таким материалом являются слова, выражения ЛЯ, служащие базой для мотивированных слов в социолектах, его аффиксы и словообразовательные модели, а также, безусловно, семантика слов ЛЯ.

В противоположность притягиванию *отталкивание* как своего рода центробежная сила может быть рассмотрено, прежде всего, как основная причина возникновения самой системы социолекта: первые социолекты появились в результате желания говорящих засекретить свою речь, сделать ее непонятной для других. Отталкивание криминального арго от литературного языка имеет своим результатом такие свойства системы словообразования арго, как *высокая степень диффузности, редуцированность, двуполюсный характер*. Все эти свойства, отличая деривацию арго от деривации в литературном языке¹, обусловлены спецификой современного арго как подсистемы русского языка, его двоякой функцией, отражением в нем особого мировосприятия его носителей. Однако в данной статье, в силу небольшого ее объема, мы остановимся только на двуполюсности деривационной системы арго. В основу материала исследования легли данные свыше 20 словарей русского криминального арго второй половины XX в., из которых было выделено 7 661 мотивированных лексем².

Двуполюсность выражается в разных противопоставлениях. Прежде всего для деривации в арго характерно противопоставление высокопродуктивного ядра (небольшого числа очень продуктивных средств, см. выше) – непродуктивной периферии (значительному числу крайне непродуктивных средств, в частности унификсов), формируемой в большей степени собственно арготическими средствами – арготическими аффиксами.

¹ Деривация в литературном языке была нами проанализирована по Русской грамматике 1980 года [1].

² Основные источники материала – словари [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8].

Так, из 375 суффиксов¹, используемых при образовании суффиксальных существительных в арго, более половины (223, т. е. 59 %) принадлежат собственно системе арго, доля мотивированных существительных, образованных с помощью арготических суффиксов, равна 12 % (389 из 3 123). При этом доля арготических суффиксов, участвующих в создании существительных разных семантических сфер, неодинакова. Так, в транспозиции доля арготических аффиксов равна всего 19 % (11 из 58), в мутационном словообразовании – 45 (158 из 348), в сфере номинативной модификации – 16 (6 из 37) и, наконец, в сфере неноминативной модификации – 50 % (100 из 199), см. рис. 1.

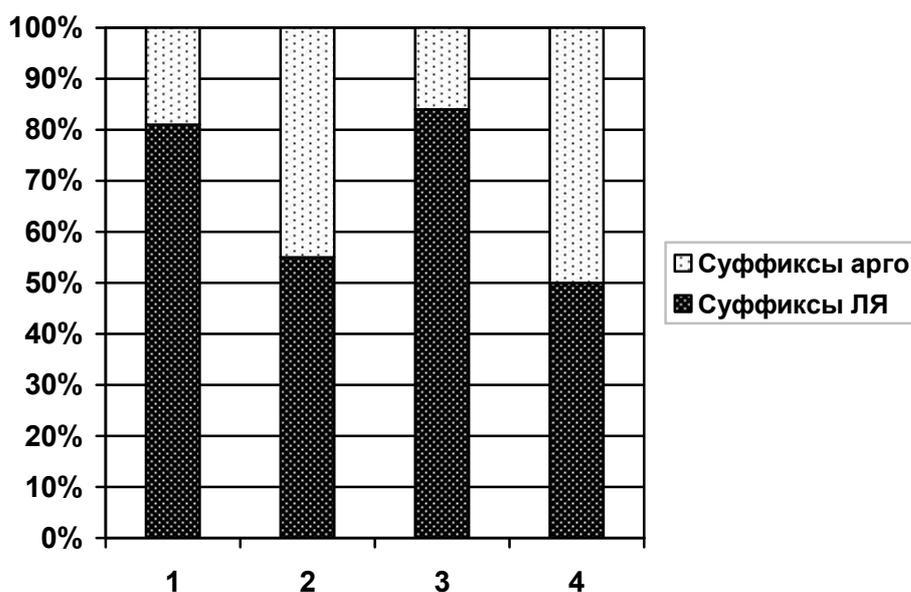

Рис. 1. Доля суффиксов ЛЯ и арго, используемых в словообразовании арготических существительных

Если судить по этому параметру, степень использования собственно арготических средств, а следовательно – и степень отталкивания, выше всего в неноминативной модификации, меньше – в мутации и крайне мала – в номинативной модификации и транспозиции.

Двуполюсность суффиксального образования в арго выражена в большей степени у глаголов, чем у существительных (продуктивность суффиксов литературного языка у глаголов в среднем в 27 раз выше, чем продуктивность суффиксов арго, в то время как у существительных этот показатель равен лишь 10).

Фонемная структура арготических суффиксов позволяет выделить среди них так называемые суффиксы-модификаты (те, которые можно рассматривать как варианты суффиксов ЛЯ). Например, в отглагольном

¹ В данном случае объединяются все омонимичные суффиксы.

транспозиционном словообразовании в арго используются различные варианты суффиксов *-ни(е)*, *-к(а)*, *-ок* с соответствующими значениями: *-вани(е)*: *влиять* ‘внушить’ → *вливание* ‘выговор’; *-орк(а)*: *стопать* ‘командовать «Руки вверх!» при ограблении’ → *стоерка* ‘ограбление’; *-ырк(а)*: *стопать* ‘командовать «Руки вверх!» при ограблении’ → *стопырка* ‘ограбление’, *-ушок*: *вертеть* → *вертушок* ‘шулерский прием’.

Сравнение суффиксов-модификатов (суффиксальных морфов) в ЛЯ и арго показало, что арго обладает гораздо более ярко выраженной способностью к варьированию морфов, чем ЛЯ. К примеру, *-к(а)* в литературном языке, по нашим подсчетам, имеет 21 вариант (*-авк(а)*, *-анк(а)*, *-ачк(а)*, *-ашк(а)*, *-ейк(а)*, *-ерк(а)*, *-етк(а)*, *-ечк(а)*, *-инк(а)*, *-ичк(а)*, *-ишк(а)*, *-овк(а)*, *-ожк(а)*, *-онк(а)*, *-отк(а)*, *-очк(а)*, *-ошк(а)*, *-урк(а)*, *-утк(а)*, *-ушк(а)*, *-ышка*)¹, а в арго – 31. Суффикс *-ник* в ЛЯ имеет только 5 морфов, а в арго – 26, суффикс *-щик* в ЛЯ имеет 2 морфа, а в арго – 9 и т. п.

Как показывает исследованный материал, наиболее распространенным типом суффикса-модификата является следующий: $\Gamma + \Sigma + \Delta$, где $\Gamma + \Sigma$ – сочетание соответственно гласной и согласной фонем, представляющее собой так называемое *наращение* суффикса, а Δ – основной суффикс.

Появление наращений у суффиксов в арго в целом объясняется теми же причинами, что и в ЛЯ, а именно тенденцией к большей формальной выразительности значащей единицы, а также необходимостью приспособления основы к присоединению суффикса. Но хотя экспрессивность арго выше, чем ЛЯ, это скорее лишь внешний фактор, способствующий наращению суффикса, некий «фон вариабельности», существующий в самой системе русского языка.

Есть и другая причина возникновения суффиксов-модификатов, обусловленная спецификой арго как вторичной подсистемы этноязыка.

Русское арго деклассированных в немалой степени явилось преемником и наследником восточнославянских условных языков бродячих ремесленников, торговцев, нищих [9, с. 124]. В условных языках существовал особый способ образования слов, называемый фонетико-морфологическим способом [10] или фонетической аффиксацией [11; 12]. Суть этого явления – в прибавлении к основам слов «искажающих» (термин В. М. Жирмунского) маскировочных аффиксов, не имеющих значения, или, по мнению некоторых, имеющих «семантику затаености», а впоследствии, возможно, и эмоционально-экспрессивных по своему коннотативному значению [10, с. 31].

¹ Поскольку речь здесь идет о формальной стороне суффиксов, мы объединяем ряд омонимичных в ЛЯ суффиксов.

В большинстве случаев фонетические суффиксы условных языков состояли из гласного и согласного – так называемого опорного звука. В качестве опорных выступали чаще всего сонорные и фрикативные звуки: *гостимник* ‘гость’, *садомник* ‘сад’, *скупорный* ‘скупой’, *зубарик* ‘зуб’, *бегурать* ‘бегать’, *ягодошник* ‘ягода’, *утирмонник* ‘полотенце’ [11]. Видно, что такие фонетические суффиксы напоминают сложные морфы исследуемого арго, хотя и функционально отличаются от них.

Другая, меньшая группа арготических суффиксов не обнаруживает формального сходства с суффиксальными морфами ЛЯ. Основным фактором возникновения этих суффиксов является заимствование. Таковы итальянский суффикс *-елло* (*брат* → *брателло*), польский или чешский суффикс *-dl(o)*, ср. польск. *tydło, prawidło*, чешск. *vozidlo, držadlo* (*клюв* → *клювадло* ‘нос большого размера’, *сука* → *сукадла* ‘осведомитель’, *чува* → *чувадла* ‘грубый человек’, также *зависть* → *завыдло* ‘зависть’).

Другое выражение двуполюсности деривации арго – противопоставление внутриарготической и внеарготической мотивации.

Поскольку арго является вторичной по отношению к ЛЯ системой, слова в нем могут мотивироваться единицами двух лексических подсистем: либо другими социолектизмами, либо словами ЛЯ. В первом случае можно говорить о *внутриарготической* мотивации, во втором – о *внеарготической*. Создание двух этих типов арготизмов – результат проявления двух конкурирующих тенденций развития криминального арго. Первая тенденция – тенденция отталкивания – проявляется в возникновении внутриарготических мотивированных слов. Вторая – притягивания (аттракции) – имеет своим результатом внеарготическую мотивацию, т.е. создание арготизмов на базе литературных слов. Бóльшее число внутриарготических дериватов свидетельствует о превалировании тенденции к отталкиванию.

Внеарготические и внутриарготические мотивированные слова различаются и в семантическом отношении. Когда арготизм мотивируется словом ЛЯ, основа мотивирующего слова нередко получает переосмысление, используется в метафорическом значении: *бестолковка* ‘голова’, *брехаловка* ‘газета’, *верещалка* ‘свисток’, *вшивики* ‘деньги’, *гнидник* ‘белье нижнее’, *цикадыльник* ‘радиоприемник’. В ЛЯ такие слова относят к сфере ассоциативной мотивации, метафорическому словообразованию и т.п. В арго они принадлежат в основном к сфере мутации.

Другая группа внеарготических дериватов, напротив, полностью совпадает по значению со своими мотивирующими, так что единственная функция десемантизированного суффикса здесь – создание арготической номинации: *бедраж* ‘бедра’, *годяра* ‘год’, *гречуха* ‘гречка, гречневая каша’.

Эти асемантические дериваты представляют собой противоположный предыдущему тип. Если в словах первого типа вся экспрессия сосредоточивалась в корне, основе слова, а роль суффикса заключалась в том, чтобы выразить свойственное ему в ЛЯ мутационное значение (*гнидник* = *то, что имеет отношение к гнидам*, *брехаловка* = *то, что «брешет», лжет*), то в асемантических дериватах, напротив, корень, основа не маркированы – экспрессивны суффиксы, оформляющие арготизмы.

Наконец, третья группа внеарготических номинаций не выделяется экспрессией ни основы, ни суффикса. Это слова типа *балконщик* ‘вор, совершающий кражи путем проникновения через балкон’, *беспартийщик* ‘беспартийный’, *долгосрочник* ‘осужденный на длительный срок’, *долист* ‘сообщник, получающий долю’, *кошелешник* ‘вор, совершающий кражи путем подброшенного кошелька’. Эти мотивированные представляют собой, как правило, своеобразные «термины» криминальной жизни и имеют мутационные значения. Отметим, что первые две группы численно преобладают над последней.

Таким образом, в результате внеарготической деривации образуются достаточно разные по своей сути номинации, большая часть из которых обладает яркой экспрессией.

Во внутриарготической деривации, наоборот, основное место занимают криминальные «термины». Эти мотивированные по степени экспрессивности не отличаются от своих мотивирующих. Это значит, что в результате процесса деривации не происходит «прироста» экспрессивности. Так, на наш взгляд, одинаковой степенью экспрессивности, созданной изначальным семантическим переносом в мотивирующем слове, обладают *грузить* ‘сваливать вину на другого’ и образованное от него *грузчик* ‘вор, который берет на себя чужое преступление’, *резина* ‘автомобиль’ и его мотивированное *резинщик* ‘угонщик автотранспорта’, *зверь* ‘азиат’ и *звереныш* ‘ребенок-азиат’ и т.п. Одинаково экспрессивны заимствованные *фрайер* ‘неопытный человек’ и *шкары* ‘брюки’ и их мотивированные соответственно *фрайерша* ‘женщина, не принадлежащая к преступному миру’ и *шкарник* ‘карманы брюк’.

Другая группа внутриарготических арготизмов – это дериваты с асемантическими аффиксами. В отношении их также вряд ли можно говорить о «приращении» экспрессии, ср. *бич* и *бичина* ‘бродяга’, *птюха* и *птюшка* ‘кусочек хлеба’, *тахта* и *тахтарка* ‘пачка бумаги’.

Таким образом, внеарготическая деривация в целом более экспрессивна и более диффузна с семантической точки зрения, чем внутриарготическая, которая, напротив, связана с выполнением скорее номинативной, чем экспрессивной, функции словообразования.

Выделение внеарготической и внутриарготической деривации позволяет сравнить разные способы и сферы словообразования с точки зрения большей или меньшей степени отталкивания в них, их большей экспрессивности или, напротив, номинативности, «терминологичности».

В криминальном арго среди всех суффиксальных существительных обнаружилось 1 858 слов, созданных на базе других арготизмов. Таким образом, доля внутриарготических дериватов составила здесь 59 %, что в целом свидетельствует о достаточно высоком уровне проявления отталкивания в криминальном арго.

Соотношение внеарготических и внутриарготических дериватов различается по семантическим сферам суффиксации (таблица).

Доля внутриарготических мотивированных

Семантические сферы суффиксации	Число внутриарготических мотивированных	
	число	в % к общему числу мотивированных данной сферы
Транспозиция	209	73
Мутация	747	46
Номинативная модификация	148	91
Неноминативная модификация	754	72
Всего	1858	59

Как видно, доля внутриарготических мотивированных слов является наибольшей у номинативной модификации, что вполне объяснимо. Ведь образование названий лиц женского пола и детенышей, собирательных и единичных существительных в наибольшей степени регулярно, неэкспрессивно, «грамматично», появление метафорических дериватов, которые обычно характерны для внеарготических мотивированных, здесь маловероятно. На другом полюсе – мутация: в ней довольно большую роль играют метафорические дериваты, а доля внутриарготических дериватов наименьшая.

Таким образом, поскольку внеарготическая деривация с семантической точки зрения более экспрессивна и более диффузна, чем внутриарготическая, внеарготических мотивированных глаголов больше в тех сферах словообразования, которые менее «грамматичны», менее регулярны, более «лексичны», индивидуализированы. Таковым является также отыменное суффиксальное словообразование глаголов: здесь 21 % внеарготических мотивированных, в то время как в отглагольном – всего 15 %.

Нами также выявлено *третье проявление* дупольности – противопоставление мутационных типов суффиксального словообразования существительных, отражающих профессиональную направленность лексики арго, словообразовательным типам неноминативной модификации как явлениям в большей степени экспрессивного характера.

В суффиксальном образовании существительных ЛЯ насчитывается 590 суффиксальных типов, т.е. имеется 590 суффиксальных морфов. У существительных арго нами выявлено 642 суффиксальных морфа. Эти суффиксальные типы неравномерно распределены по четырем семантическим сферам суффиксации в ЛЯ и в арго (рис. 2).

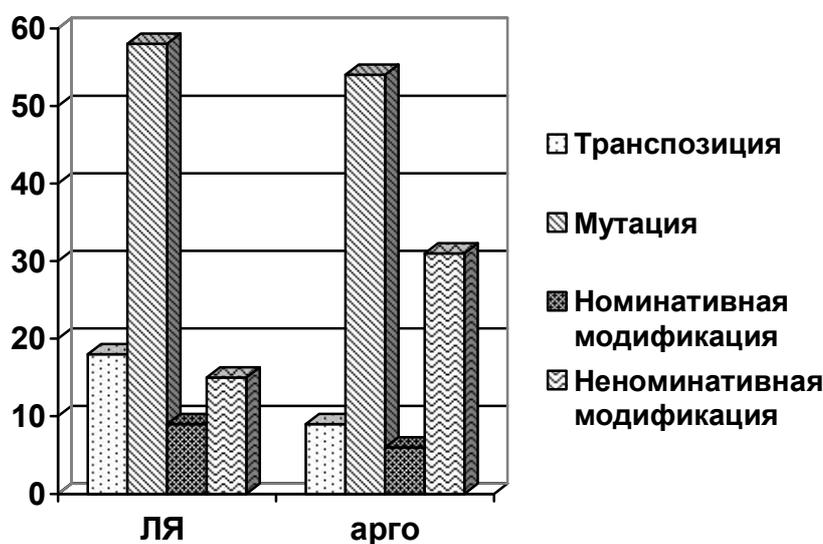

Рис. 2. Распределение суффиксальных типов по семантическим сферам суффиксации

На диаграмме отчетливо видна *дупольность* словообразовательной системы арго. С одной стороны, достаточно развито мутационное словообразование. В мутационных словообразовательных типах проявляется *профессиональная* направленность арготического словообразования. Эта сфера объединяет образование названий лиц (например, типов преступников или заключенных, работников правоохранительных органов и т.д.), предметов (в основном необходимых для преступных действий или важных для жизни в местах заключения) и т.п. Сфера неноминативной модификации, которая в арго представлена примерно в два раза большим процентом наименований, отражает *экспрессивную* составляющую арго. Наиболее упорядоченные, регулярные, «грамматичные» сферы словообразования – транспозиция и номинативная модификация – в арго развиты гораздо в меньшей степени, чем в ЛЯ.

Наше исследование, в котором содержится характеристика деривации современного русского криминального арготизма, предоставляет также и методику изучения субстандартной деривации, что было бы полезным при рассмотрении словообразования других внелитературных подсистем, например территориальных диалектов. Интересным было бы сопоставление деривации в социолектах со словообразованием в диалектах, что помогло бы выявить как черты сходства, так и значительные различия этих двух систем. Такая работа, в свою очередь, могла бы увенчаться целостным описанием системы русского словообразования во всех разновидностях русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика : в 2 т. / редкол. : Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 783 с.
2. Балдаев, Д. С. Словарь блатного воровского жаргона : в 2 т. / Д. С. Балдаев. – М. : Кампана, 1997. – 2 т.
3. Бурик, В. И. Жаргон преступников / В. И. Бурик, В. Г. Шелестюк. – Киев : НИИРИО, 1979. – 406 с.
4. Быков, В. Русская феня : словарь современного интержаргона асоциальных элементов / В. Быков. – Смоленск : ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994. – 222 с.
5. Грачев, М. А. Язык из мрака : блатная музыка и феня : словарь / М. А. Грачев. – Н. Новгород : «Флокс», 1992. – 207 с.
6. Словарь воровского языка : Выражения. Слова. Татуировки. Жесты. – [Б. м.] : НИЛПО, 1991. – 170 с.
7. Словарь жаргона, употребляемого преступным элементом / сост. А. Г. Бронников, Ю. Д. Федоров. – Пермь : НИИРИО, 1983. – 206 с.
8. Толковый словарь уголовных жаргонов / Ю. П. Дубягин [и др.] ; под общ. ред. Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова. – М. : Интер-ОМНИС ; РОМОС, 1991. – 207 с.
9. Жирмунский, В. М. Национальный язык и социальные диалекты / В. М. Жирмунский. – Л. : Худож. лит., 1936. – 297 с.
10. Бондалетов, В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев / В. Д. Бондалетов ; под ред. и с предисл. Ф. П. Филина. – Рязань : Рязан. гос. пед. ин-т, 1974. – Вып. 1 : Условные языки как особый тип социальных диалектов. – 111 с.

11. *Лукашанец, А. Г.* Беларускія сацыялекты XIX стагоддзя : Вопыт тыпалагічнага апісання / А. Г. Лукашанец. – Мінск : Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-т, 1999. – 207 с.
12. *Лукашанец, А. Г.* Фанетычна матываваныя намінацыі ў сацыяльных дыялектах / А. Г. Лукашанец // Весці АН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 1996. – №4. – С. 90–97.

The definite directions in bipolarity development of the argotic word-formation system have been determined. The opposition of the highly productive nucleus and the unproductive periphery, of intra-argotic and extra-argotic derivatives, of motivated jargon and expressive vocabulary have been revealed.

Е. И. Будникова

ЗНАЧИМОСТЬ КОМПОНЕНТОВ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В РАЗНЫХ ТИПАХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ (на материале имен существительных английского языка)

Статья посвящена выявлению организации семантических компонентов в структуре лексического значения с точки зрения их востребованности в разных условиях семантической экспликации: в лексикографических дефинициях слова, в его речевом употреблении и в значениях производных выражений разных типов. Установлены типы соотношения наиболее значимых семантических компонентов в указанных ракурсах объективации семантики ряда английских наименований животных, растений и лиц.

Как свидетельствует богатый опыт исследований в области лексической семантики, значение слова представляет собой целостную структуру, включающую совокупность взаимосвязанных семантических компонентов, которые, согласно общим принципам организации элементов в системе [1, с. 99], различаются своей ролью и местом, или значимостью, в данной структуре [2, с. 23–28; 3, р. 59; 4, с. 25–30; 5, с. 542–546; 6, с. 38; 7] и т.п. При этом, однако, если ведущее положение родового понятия (классифицирующего компонента, идентифицирующей семы, таксономического классификатора и т.д.), которое обуславливает принадлежность имени к определенному лексико-семантическому классу, не вызывает сомнений, то определить критерии структурирования других, дифференцирующих компонентов лексического значения является достаточно сложной задачей. Зачастую основаниями для определения места (значимости, центральности) того или иного семантического компонента в значении слова становятся

логические или психологические критерии: частота встречаемости и постоянство признака среди референтов лексической единицы (М. Бирвиш, Л. М. Васильев, Д. А. Круз, Д. Л. Медин, М. В. Никитин, А. Ортони, Э. Рош, Э. Э. Смит, И. А. Стернин, А. Тверски, Д. Н. Шмелев и др.), диагностичность признака для данного класса референтов (И. В. Арнольд, Р. Лангакер, Ю. Найда, А. Ортони, Э. Рош, А. Тверски и др.), неустранимость признака и зависимость от него других свойств референтов лексической единицы (В. К. Ан, Ф. Кайл, Б. С. Лав, М. В. Никитин, А. Ортони, С. А. Сломан, И. А. Стернин и др.) и пр. Однако учет лишь этих показателей позволяет, на наш взгляд, отнести соответствующий признак к прототипичным или непрототипичным и оценить его значимость для категоризации, оставляя в стороне вопрос о его месте в структуре лексического значения. Между тем определение значимости семантических компонентов лексического значения возможно и с опорой на факты языка, позволяющие установить разную степень востребованности, или, другими словами, *частотность профилирования*, семантических компонентов в процессе актуализации лексического значения.

Понятие профилирования, одно из ключевых для когнитивной лингвистики, связано с особенностью человеческого восприятия из всего обилия информации вычленять только ту, которая необходима или более важна в данный момент, а все остальное оставлять за кадром [8, с. 16]. При реализации значения слова в речи, аналогично указанному выше механизму распределения внимания, некоторая, наиболее важная часть (грань, профиль, аспект и пр.) концептуальной структуры, стоящей за языковым знаком, выходит на первый план, а остальная остается неактуализированной [9, р. 4; 10, р. 1; 11, с. 29–31; 12, р. 570; 13, р. 23] и т.п. Тот же процесс наблюдается и, например, при описании значения слова в разных словарных дефинициях: одни сведения о денотате рассматриваются лексикографами как более релевантные для определения области референции слова, нежели другие. Кроме того, профилирование отдельных компонентов лексического значения происходит и в деривации, когда в основании образования производного выражения лежит некоторая характеристика референтов исходной единицы и тем самым получает выделенность на фоне их других характеристик. Как подтвердило проведенное ранее исследование [14; 15], в указанных ракурсах объективации лексического значения: как объекта словарного описания, в речевом употреблении и как базы для образования производных выражений – наблюдается вариативность его компонентного состава и разная частотность актуализации компонентов, что позволяет количественно определить их значимость и, соответственно, место в структуре лексического значения.

Задача, которая решается в данной статье, заключается в выяснении того, насколько совпадают и совпадают ли вообще наиболее значимые семантические компоненты лексического значения в лексикографических дескрипциях соответствующего слова, его контекстной реализации и в значениях производных от него выражений разных типов. Исследование, проведенное на материале ряда имен существительных английского языка разной лексико-семантической отнесенности¹ (*creature* ‘животное’, *plant* ‘растение’, *bird* ‘птица’, *cat* ‘кошка’, *owl* ‘сова’, *grass* ‘трава’, *oak* ‘дуб’, *person* ‘человек; индивид’, *man* ‘мужчина’, *woman* ‘женщина’, *wife* ‘жена’, *friend* ‘друг’, *teacher* ‘учитель’ и т.д.), позволило сделать следующие выводы.

1. Компонентный состав значений исследуемых имен существительных по данным анализа их лексикографических дефиниций, свободной сочетаемости и значений производных выражений, будучи весьма широким, тем не менее ограничен определенными типами компонентов, формирующих в своей совокупности набор тесно взаимосвязанных характеристик обозначаемых сущностей. Таковыми являются, например, биологические (‘особенности жизнедеятельности’, ‘пол’ и т.д.), перцептивные (‘внешние особенности строения’, ‘размер’, ‘цветовые характеристики’ и т.д.), локативные (‘перемещение’, ‘среда обитания’ и т.д.) и другие компоненты.

Из этого числа наиболее значимыми в разных ситуациях реализации значений исследуемых единиц оказываются лишь *отдельные типы компонентов*. Например, среди многообразия типов информации о референтах слова *bird* ‘птица’ в лексикографических дефинициях (строение тела, принадлежность к семейству, внутренние особенности организма, особенности поведения и т.д.) наиболее значимыми и, следовательно, более частотными, являются лишь несколько типов: перцептивные, биологические, локативные и конструктивные. Ср. в данном отношении одну из дефиниций слова *bird* ‘a warm-blooded, feathered vertebrate provided with wings’ [17]/*птица* ‘теплокровное, покрытое перьями позвоночное с крыльями’ – которая опирается на биологические (‘особенности жизнедеятельности’), перцептивные (‘внешние особенности строения’) и конструктивные (‘внутренние особенности строения’) компоненты значения данной единицы.

¹ Источниками сведений о компонентном составе исследуемых имен послужили дефиниции 10 толковых словарей английского языка, 51 892 примера контекстных употреблений единиц из Британского национального корпуса текстов [16] и доступных электронных источников, а также 360 производных слов и выражений, отобранных из словарей разного типа.

В контекстной реализации значения слова *bird* круг реализованных компонентов еще более широк и включает, кроме уже отмеченных в словарях 4 типов, также и утилитарные ('опыт использования' и т.д.), темпоральные ('время активности', 'скорость перемещения' и т.д.), психологические ('характер') и социальные ('статус в обществе') компоненты. При этом наибольшей частотностью реализации из них характеризуются лишь перцептивные и локативные компоненты, как в следующих контекстах:

- *A bird had gained entry through one of the broken windows and flown helplessly around ...* [А6С 184]¹ 'Какая-то птица **прорвалась** в одно из разбитых окон и беспомощно **летала по кругу ...**' ('перемещение');

- *As he spoke I noticed, over his shoulder and out of his study window, a large grey bird go past, moving quickly with the wind* [А6Т 1764] 'Пока он говорил, он заметил, как мимо его плеча из окна его кабинета **со скоростью ветра вылетела большая серая птица**' ('скорость перемещения', 'размер', 'цветовые характеристики').

Наконец, в процессах деривации из всех реализованных компонентов значения слова *bird* наиболее значимыми, как и по корпусным данным, являются также лишь перцептивные и локативные компоненты. Например, перцептивные компоненты 'внешние особенности строения', 'цветовые характеристики' и 'форма' значения слова *bird* 'птица' профилируются в значении производного от него наименования *bird's-eye primrose* '(бот.) первоцвет мучнистый (*Primula farinosa*); досл.: первоцвет птичий глаз', что зафиксировано, в частности, в следующем описании данного растения:

- '...the divisions of the corolla spread out flat at the top of the tube and disclose a yellow eye with five stamens forming a dark "pupil" in the centre of it. Hence the name of Bird's Eye'²/ '... лепестки венчика распадаются вверху, открывая желтый «глаз» с пятью тычинками, формирующими темный «зрачок» в центре него. Оттуда и название Птичий Глаз'.

Другим примером может служить устойчивое выражение *a bird of passage* 'a person who moves from place to place frequently' [18]/*перелетная птица* 'человек, часто переезжающий с места на место', в основании которого лежат локативные характеристики референтов слова *bird*, мыслимые как общие с представителями класса людей.

¹ Буквенно-цифровой код указывает на место данного контекста в [16].

² [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://chestofbooks.com/flora-plants/flowers/North-American-Mountains/Bird-s-Eye-Primrose-Primula-farinosa-Primrose-Family.html#ixzz3x0ydW3Qg>. – Дата доступа : 12.02.2015.

Естественно, что значимость семантических компонентов в разных типах их семантической экспликации является своеобразной для значений разных единиц, и это, несомненно, представляет отдельный интерес. Однако, ориентируясь на задачи данной статьи, мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе и перейдем к сопоставлению компонентов в структуре значений исследуемых имен, наиболее значимых в трех типах их языковой реализации.

2. Сравнение количественных показателей значимости семантических компонентов значений исследуемых единиц по данным трех этапов анализа выявляет, с одной стороны, их тождество (или изоморфизм), а, с другой стороны, их несовпадение (или взаимодополнительность). *Изоморфизм* значимых компонентов в разных аспектах реализации значений исследуемых единиц проявляется в идентичности фиксируемой в них информации об описываемых сущностях и наблюдается в 19 % от их всех выявленных значимых компонентов (таблица).

Корреляция значимости семантических компонентов
в разных типах реализации значений исследуемых имен

Исследуемые единицы	Семантические компоненты значений исследуемых имен, наиболее значимые в		
	дефинициях	контексте	деривации
<i>Creature</i>	био, лок	перц, лок	-
<i>bird</i>	перц, био, лок	перц, лок	перц, лок
<i>cat</i>	перц, утил, сист	перц, био	перц, пов
<i>dog</i>	перц, утил, сист	перц, лок	перц, пов
<i>fish</i>	перц, лок, био	перц, лок	перц
<i>horse</i>	перц, утил, био, сист, темп	перц, лок	перц
<i>mouse</i>	перц, био, сист	перц, лок, био	перц
<i>owl</i>	перц, пов, темп, сист	перц	перц, пов, темп
<i>Plant</i>	перц, био, лок, сист, констр	перц, лок	-
<i>tree</i>	перц, темп	перц, лок	перц, констр
<i>grass</i>	перц, сист, констр	перц	перц
<i>oak</i>	перц, био, сист, темп	перц, лок	перц

<i>Person</i>	темп	пов	пов, констр
<i>man</i>	био, темп	пов	перц, пов, психол
<i>woman</i>	био, темп	перц, пов	пов, перц, психол
<i>husband</i>	био, темп, соц	пов, соц	пов, соц, перц
<i>wife</i>	био, темп, соц	лок, пов, соц	перц, пов, соц
<i>teacher</i>	пов	лок, пов	перц, пов
<i>friend</i>	пов, психол, био	пов	пов

Примечание. В таблице приняты следующие сокращения: перц – перцептивные, лок – локативные, темп – темпоральные, био – биологические, утил – утилитарные, констр – конструктивные, сист – систематизирующие, пов – поведенческие, психол – психологические, соц – социальные компоненты.

Например, как видно из таблицы, компонентами, совпадающими по значимости во всех трех ситуациях профилирования, в структуре значений подавляющего большинства исследуемых наименований животных и растений являются перцептивные. В структуре значений исследуемых наименований лиц такими компонентами являются социальные (в частности ‘другой партнер по браку’ для слов *wife* ‘жена’ и *husband* ‘муж’) и поведенческие (‘род занятий/профессия/специализация’ для слова *teacher* ‘учитель’ и ‘другой участник межличностных отношений’ для слова *friend* ‘друг’).

Взаимодополнительность наиболее значимых компонентов в структуре значений исследуемых единиц по данным трех этапов анализа заключается в том, что в них зафиксированы разные типы знания об обозначаемых сущностях. Другими словами, наиболее значимые компоненты в разных ситуациях профилирования дополняют друг друга. Данный тип корреляции является наиболее распространенным и наблюдается в 65 % от всех компонентов. Например, утилитарные (‘опыт использования’ и т.д.) и систематизирующие (таксономическая информация и т.д.) компоненты значения слова *cat* ‘кошка’ наиболее важны лишь для его лексикографических описаний, биологические характеристики референтов данного имени (‘особенности жизнедеятельности’, ‘продукты жизнедеятельности’, ‘пол’, ‘кровное родство’ и т.д.) наиболее частотны лишь в его контекстном употреблении, а поведенческие особенности (‘особенности поведения’, ‘оценка поведения’ и т.д.) отмечаются высокой значимостью лишь в деривации (см. таблицу).

3. Кроме того, как показало исследование, среди значимых компонентов семантики исследуемых имен есть и такие, которые характеризуются совпадением значимости лишь в двух из трех ракурсов анализа. Количественно данная группа невелика и составляет 16 % от всех компонентов. Например, биологические компоненты в структуре значения слова *mouse* 'мышь', частотные в лексикографических дефинициях и контексте, отмечаются низкой частотностью актуализации в процессах деривации.

Примечательно, что для значений большинства исследуемых наименований животных и растений (кроме слова *owl* 'сова') частичное совпадение значимости семантических компонентов наблюдается по линии «дефиниции – контекст», а для значений всех анализируемых имен лиц – по линии «контекст – деривация». Данный факт обусловлен тем, что значения наименований животных и растений как идентифицирующих имен зачастую представлены в дефинициях весьма широким набором компонентов, многие из которых являются достаточно частотными, но для образования производных выражений наиболее важными среди данных компонентов оказываются лишь единицы. Для наименований же лиц ситуация несколько иная. Их дефиниции как характеризующих имен ориентированы не на обобщенный образ представителя класса, как словарные описания зоонимов и фитонимов, а на один или два основных дифференцирующих признака (например, 'пол' и 'возраст' для значения слова *woman* 'женщина'). Вследствие этого все другие типы знания о референтах имен лиц (внешний вид, особенности поведения, статус в обществе, умственные способности и т.д.) реализуется преимущественно в контексте и процессах деривации, где они могут быть достаточно частотны.

Таким образом, проведенное исследование, еще раз подтвердив существование центральных, наиболее важных линий (рубрик, типов знания о денотате), по которым структурируются значения имен одной предметной области (см. работы Ю. Д. Апресяна, А. Вержбицкой, А. Д. Кошелева, У. Крофта, Д. А. Круза, А. М. Кузнецова, Дж. Пустейовского, Е. В. Рахилиной, И. А. Стернина, Ч. Филлмора, З. А. Харитончик и др.), показало и то, что в разных ситуациях объективации значения лексической единицы наиболее востребованными зачастую являются разные типы знания о ее обозначаемом. Характер структурирования семантических компонентов лексического значения зависит не только от типа контекста (в широком смысле), в котором происходит его реализация, но и от таких характеристик единицы, как лексико-семантическая принадлежность, гиперо-гипонимический ранг и т.п. Более детальное изучение влияния данных факторов на организацию компонентов лексического значения в его разных манифестациях является перспективой дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соссюр, Ф. де.* Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС, 2004. – 271 с.
2. *Никитин, М. В.* Лексическое значение слова (структура и комбинаторика) / М. В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1983. – 123 с.
3. *Wierzbicka, A.* Lexicography and conceptual analysis / A. Wierzbicka. – Ann Arbor : Karoma publish., Inc., 1985. – 36 p.
4. *Кузнецов, А. М.* От компонентного анализа к компонентному синтезу / А. М. Кузнецов. – М. : Наука, 1986. – 125 с.
5. *Кошелев, А. Д.* О схеме лексического значения предметного существительного и ее функционировании в акте коммуникации / А. Д. Кошелев // Вереница литер: сб. ст. к 60-летию В. М. Живова / Ин-т рус. яз. Рос. акад. наук; отв. ред. А. М. Молдован. – М. : Языки слав. культур, 2006. – С. 516–570.
6. *Рахилина, Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М. : Рус. словари, 2008. – 416 с.
7. *Kharitonchik, Z. A.* Lexical meaning as a dynamic entity of variant semantic components / Z. A. Kharitonchik // Probleme Actuale de Lingvistică, Glotodidactică și Știință Literară: actele colocviului internațional, Chișinău, 5–6 martie, 2009 / Univ. de stat din Moldova ; coord.: L. Zbanț, V. Păcuraru. – Chișinău, 2009. – Vol. IV, part. I. – P. 113–121.
8. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
9. *Langacker, R. W.* Foundations of cognitive grammar : Theoretical prerequisites / R. W. Langacker. – Stanford : Stanford Univ. press, 1987. – Vol. I. – 516 p.
10. *Allwood, J.* Semantics as meaning determination with semantic-epistemic operations [Electronic resource] / J. Allwood // Cognitive Semantics / ed.: Jens Allwood, Peter Gärdenfors. – Amsterdam. – Mode of access : <http://www.ling.gu.se/~jens/publications/docs076-100/085.pdf>. – Date of access : 30.09.2009.
11. *Болдырев, Н. Н.* Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. – 182 с.
12. *Taylor, J. R.* Cognitive linguistics and cognitive semantics / J. R. Taylor // Encyclopedia of Language and Linguistics. – 2006. – Vol. 2. – P. 569–582.
13. *Evans, V.* How words mean: Lexical concepts, cognitive models and meaning construction / V. Evans. – Oxford : Oxford Univ. press, 2009. – 271 p.
14. *Будникова, Е. И.* Лексикографические и корпусные данные как источники сведений о структуре лексического значения (на материале английских зоонимов и фитонимов) / Е. И. Будникова // Известия СмолГУ. – 2015. – Вып. 3(31) – С. 219–230.

15. *Budnikova, A.* On Derivational Salience of Semantic Features in Lexical Meaning / A. Budnikova // *Linguistics Beyond and Within: Mind, Language, Society: Towards a Unified Theory of Language Structure and Use* : book of abstracts of the International Linguistic Conference, Lublin, 22–23 October, 2015 / J. Paul II Catholic Univ. of Lublin; ed. W. Malec [et al.]. – Lublin, 2015. – P. 28–29.
16. The British National Corpus, version 3 [Electronic resource]. – BNC XML Edition (9 GB). – Oxford : Oxford Univ. Computing Services on behalf of the BNC Consortium, 2007. – 2 CD-ROM.
17. Webster's Revised Unabridged Dictionary. DICT Development Group [Electronic Resource]. – 1913. – Mode of access : <http://www.dict.org>. – Date of access : 24. 05. 2013.
18. American Heritage Dictionary of the English Language [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.ahdictionary.com>. – Date of access : 3.05.2014.

The aim of the article is to discover the organization of semantic components in lexical meaning on the basis of the frequency of their profiling in different linguistic contexts: in lexicographic definitions of the word, in its use in speech and via the meanings of its derivatives of various types. The research reveals different correlation patterns of the most frequent semantic components actualized in these types of context for some English nouns denoting animals, plants and people.

Е. А. Акуленко, В. В. Леонтьева

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ: ОТ НАУЧНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ К ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ

В статье рассматривается проблема детерминологизации – семантической трансформации лингвистических терминов *сложносочиненный* и *сложноподчиненный*, сопровождающейся расширением их синтагматических возможностей, а также активным выходом данных лексем в общее употребление. Анализируются качественные и количественные изменения компонентов в составе исследуемых именных коллокаций. Материалом послужили данные лексикографических источников, Национального корпуса русского языка, современных русскоязычных текстов.

Полисемия, или многозначность, является одним из результатов развития лексического значения слова. Многозначность типична для большинства общеупотребительных слов. Полисемия упрощает код говорящего и является ярким проявлением языкового закона экономии. Консервативность, устойчивость знака языка – неотъемлемое его свойство, однако открытая С. О. Карцевским асимметрия языкового знака делает языковую

реальность более сложной. Идеальные знаки, представляющие собой эталонное единство плана содержания и плана выражения, крайне редки. Функционируя, знаки, как правило, стремятся расширить либо формальную сторону, либо семантическую. До недавнего времени в качестве идеального образца однозначной лексемы с предсказуемой синтагматикой и сферой употребления рассматривали термин.

Сегодня одним из наиболее активных процессов в лексике современного русского языка становится детерминологизация – выход научного термина за рамки специальной лексики в общее употребление и приобретение им нового, обычно метафорического, значения [1, т. 1, с. 412]. Чаще всего подобное происходит с терминами точных и естественнонаучных дисциплин, например: физ. *атмосфера, масса, энергия*, хим. *реакция, брожение, элемент*, биол. *организм, патология* [2]. XXI век отмечен экспансией терминологической лексики прежде всего из сферы экономики. Для нас наибольший интерес представляют термины лингвистики. В качестве объекта анализа нами избраны составные компоненты *сложносочиненный, сложноподчиненный* привычных лингвистических терминов *сложносочиненное предложение, сложноподчиненное предложение* (в учебно-методической литературе отмечены также термины *сложноподчиненный союз, сложноподчиненный период* и т.д.).

В терминологической классификации избранные составные термины относятся к фразеологическим сочетаниям, понятным всем образованным носителям языка, но употребляющимся только в профессиональной речи наряду с *безударный слог, односоставное предложение, часть речи, член предложения* и т.п. Сегодня все без исключения словари фиксируют лишь терминологическое значение лексических единиц *сложносочиненный* и *сложноподчиненный* (даны с пометами *лингв.* либо *грам.*).

Интересно проследить, как шла кодификация интересующих нас лексем в лексикографических источниках. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слова *сложносочиненный* и *сложноподчиненный* отсутствуют [3]. Однако данные лексемы уже отмечены в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова (1935–1940) [4, с. 961]: *сложносочиненный* – в значении ‘прилаг., по значению связанное с построением сложных предложений по способу сочинения’, *сложноподчиненный* – в значении ‘прилаг., по значению связанное с построением сложных предложений по способу подчинения’. Современные лексикографические источники также фиксируют данные лексемы лишь в терминологическом понимании. Так, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1995) [5, с. 720–721] лексемы *сложносочиненный* и *сложноподчиненный*

даются как термины: *сложносочиненный* – ‘В грамматике: относящийся к построению сложных предложений по способу сочинения. *Сложносочиненное предложение*’; *сложноподчиненный* – ‘В грамматике: относящийся к построению сложных предложений по способу подчинения. *Сложноподчиненное предложение*’. В «Новом словаре русского языка: толково-словообразовательном» Т. Ф. Ефремовой *сложносочиненный* присутствует как ‘построенный по принципу сочинения двух или нескольких равноправных предложений’, *сложноподчиненный* – как ‘построенный по принципу подчинения придаточного главному (о предложении – в лингвистике)’ [1, т. 2, с. 558]. В «Большом толковом словаре русского языка» (2000) под ред. С. А. Кузнецова [6, с. 1212] лексемы имеются в значениях ‘построенный по принципу грамматического сочинения (о сложном предложении)’; ‘построенный по способу грамматического подчинения (о сложном предложении)’ и даются с пометой *лингв.*, что снова свидетельствует о терминологическом статусе единиц.

В основном подкорпусе Национального корпуса русского языка [7] единица *сложносочиненный* встречается в произведениях более 20 авторов и выявлена в 33 документах: в 8 из них зафиксировано прямое (терминологическое) значение лексемы *сложносочиненный* (24 % от общего числа употреблений интересующей нас лексемы в текстах), в 25 – переносное (76 %). Обнаруживается данная лексема в текстах начиная с 1944 года. В газетном подкорпусе (2000–2014) выявлено 60 документов: в 9 примерах лексема *сложносочиненный* отмечена в прямом (терминологическом) значении (15 %), в 51 – в переносном (85 %). Налицо неожиданное преимущество именно нестандартного (нетерминологического) употребления лексемы *сложносочиненный* в текстах: в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка таких случаев более $\frac{3}{4}$ от общего числа (76 %), а в языке газеты *сложносочиненный* в переосмысленном значении – абсолютный фаворит (85 %).

Материалы Национального корпуса русского языка свидетельствуют о расширении сочетаемостных возможностей прилагательного *сложносочиненный*: начиная с 1987 г. в текстах публицистического (в первую очередь газетного) и художественного стилей, синтагматика данного слова выходит за рамки привычной. Сложносочиненными теперь могут быть не только предложения, но и костюмы, гримасы, соусы, обстоятельства, комплименты, спектакли, проекты и многое другое: *В этот раз у команды Азербайджана никакого пафоса и сложносочиненных светящихся костюмов* (Лаптева, Е., Ремизова, М. Скандалы «Евровидения» 2011 // Комсомольская правда, 14.05.2011); *Второй шоумен Максим Reality тоже выказывал большую*

*прыть: высоко махал ногой, подавал публике таинственные знаки и постоянно строил какие-то **сложносочиненные** тревожные гримасы* (Зайцев, А. Глухие и мокрые // Труд-7, 13.10.2009); *Эми Ли тащится от китайской еды, острых экзотических блюд и **сложносочиненных** соусов* (Evanescence vs Nightwish (2004) // «Твой курс» (приложение к «Аргументам и фактам»), 10.11.2004); *В силу ряда **сложносочиненных** обстоятельств ... душа эта – совершенно никчемная, пропитая и забубенная – оказывается в роли той самой единственной акции, которая решает, у кого на самом деле контрольный пакет* (Волобуев, Р. Божья роса // Известия, 28.07.2002); *Лучше всего не говорить **сложносочиненных** комплиментов. Во-первых, сами запутаетесь в формулировках, и шеф просто не поймет, то ли вы издеваетесь, то ли несете чушь* (Миронова, М. Как правильно льстить начальнику // Велес Персонал, 2009.10.09); *Открыл фестиваль **сложносочиненный** спектакль «Корова» по Андрею Платонову...* (Ким, А. Лучшее – детям на «Радуге» // РБК Daily, 13.05.2009).

В качестве основного компонента в словосочетаниях с прилагательным *сложносочиненный* выступает достаточно широкий спектр имен существительных: в иллюстративном материале Национального корпуса русского языка их количество достигает 70. Данные существительные относятся к различным тематическим группам: наименованиям продуктов питания и приемов пищи (*кофе, салат, паста, яичница, соус, торт, жир, горячительные напитки, обед, состав (пищевой добавки), блюда*), наименованиям одежды и ее деталей, а также аксессуаров (*костюм, деталь (купальника), колье, украшения*), наименованиям развлекательных мероприятий (*спектакль, фильм, шоу, квест, фест, лента ‘кинолента’, полотно ‘кинофильм’, фестиваль, альбом (музыкальный), выставка, выход (солистов), декорации, персонаж, действие, мастер-класс*), наименованиям человека (включая его имя) и частей человеческого организма (*человек, семейство, кожа, имя, прозвище, Золотухин*), наименованиям артефактов (*памятник, светофор, солярий, натюрморт, пазл*), к наименованиям из сферы социальных отношений (*контракт, комплимент*), административной сферы (*субъект (федерации), проект (руководящий), аппарат*), эмотивной сферы (*гримаса*), технической сферы и пространственного мышления (*конструкция, геометрические линии*), интеллектуальной сферы (*обстоятельства, действие, название, уверения, психология, метафорический мир, замысел, умствование, взгляд на мир*), к группе лингвистических терминов (*термин, метафора, слово, фраза*). Наиболее частотными являются словосочетания с наименованиями *конструкция* (3 документа), *гримаса, соус, субъект (РФ), название* (по 2 документа). Еще одним свидетельством явной семантической трансфор-

мации лексемы *сложносочиненный* служит ее попадание в русскоязычный политический дискурс, весьма далекий от жанра лингвистической литературы: *Сложносочиненный союз ЕАЭС может оказаться лишь проверкой на прочность партнерских отношений* (Сложносочиненный союз // Независимая газета, 18.03.2015).

Интересно, что, по данным Национального корпуса русского языка, составная часть параллельного термина *сложноподчиненное предложение* прилагательное *сложноподчиненный* пути, по которому прошла и продолжает двигаться лексема *сложносочиненный*, не повторяет или, возможно, *сложноподчиненный* находится в самом начале этого пути. Семантических трансформаций с ним, казалось бы, не происходит, свидетельства расширения его синтагматических возможностей в тексте минимальны. Так, в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка единица *сложноподчиненный* встречается в произведениях 18 авторов и выявлена в 16 документах: в 15 из них зафиксировано прямое (терминологическое) значение лексемы *сложноподчиненный* (94 %) и лишь в 1 – переносное (6 %). Обнаруживается данная лексема в текстах начиная с 1942 г. (в нетерминологическом значении – с 1998 г.) Все дальнейшие попытки обнаружить контексты выходящего за рамки ставшего уже привычным профессионального использования лексемы *сложноподчиненный* дали отрицательный результат, хотя теоретически потенции в системе языка для реализации подобных семантических преобразований, на наш взгляд, имеются.

В газетном подкорпусе (2000–2014) нами обнаружено 14 документов: в 11 из них лексема *сложноподчиненный* отмечена в прямом (терминологическом) значении (79 % от общего числа употреблений данной лексической единицы в текстах), в 3 – в переносном (21 %). Наличие 3 зафиксированных случаев употребления интересующей нас лексемы в переносном значении доказывает большую мобильность языка СМИ в сопоставлении с литературным языком, его большую открытость и готовность к изменениям.

Тем не менее обращает на себя внимание резкое отличие данной узуальной картины от рассмотренной ранее, которая описывает употребление лексемы *сложносочиненный*. В основном подкорпусе Национального корпуса русского языка единица *сложноподчиненный* отмечена, как правило, в терминологическом значении; случай переосмысления есть, однако он единичный. В газетном подкорпусе случаи выхода лексемы *сложноподчиненный* за рамки терминологического употребления нами выявлены, но их частотность не сопоставима с частотностью нетерминологического использования лексической единицы *сложносочиненный* (21 % против 85 %). Анализ фактического материала, предоставленного Национальным корпусом,

позволяет обнаружить значительно большую активность лексемы *сложносочиненный* «в деле» семантических трансформаций в сопоставлении с лексемой *сложноподчиненный*. Единица *сложноподчиненный*, ассоциативно связанная с первой, также пытается вырваться из терминологических «оков» и встать на тот же путь семантических трансформаций.

Данный факт заставляет нас продолжить поиски свидетельств семантических сдвигов в ходе контекстного употребления единицы *сложноподчиненный* в современных русскоязычных текстах, несмотря на отсутствие не только кодификации в современных лексикографических источниках в нетерминологическом значении, но и репрезентативной фиксации в Национальном корпусе русского языка. Полученные результаты убедительно свидетельствуют, что факты использования лексемы *сложноподчиненный* в общеупотребительном, вовсе не терминологическом значении, – отнюдь не редкость. Использование лексемы *сложноподчиненный* в качестве общеупотребительного слова, лишённого терминологического содержания, существенно меняет парадигму ставших привычными коллокаций и радикально расширяет синтагматику данной лексической единицы.

Начиная с 2000 г. авторы смело используют недавний термин как весьма информативный атрибутивный компонент в сочетаниях типа *сложноподчиненный текст/ контекст/ подтекст (картины), сложноподчиненная фраза, сложноподчиненный оборот, сложноподчиненное название, сложноподчиненный ответ, сложноподчиненный вопрос, сложноподчиненный роман, опус, сложноподчиненный жанр (спектакля), сложноподчиненный формат (кинокартины), сложноподчиненный организм* и т.п.: *Открывает номер статья Зары Абдуллаевой и Алексея Медведева «Здесь и теперь», которая обостряет профессиональные проблемы сегодняшней отечественной кинокритики и киножурналистики – стереотипы сознания, инерцию подходов, поверхностный анализ, нежелание, а то и неумение увидеть сложноподчиненный текст/ контекст/ подтекст той или иной картины.* (Искусство кино, № 3, 2015); *Будучи человеком скептически настроенным, в особенности к сетевому маркетингу и технике «активных продаж», а пуще того – не желая становиться объектом чьих-либо исследований, я уже изобретал в уме витиеватый сложноподчиненный ответ...* (Чугуев, А. Развод чистой воды // Вечерний Бобруйск, 02.11.2014); *Это был такой сложноподчиненный организм, можно сказать больше – огромный генератор, энергетикой которого питался и насыщался весь мини-футбол...* (Козлов, С. А. И.С.К. «Дина» // Городской ритм, 01.09.2011); *«Мастер и Маргарита» – роман сложноподчиненный, в нем смешались все жанры: триллер, мистика, мелодрама, драма, античная трагедия, комедия и откровенный фарс* (Лузина, Л. «О боги мои! Яду мне, яду!» // Бульвар Гордона,

№ 2 (38), 2006); Алексей Гарбузь продолжает свой традиционнo **сложно-подчиненный** вопрос, начатый здесь. Напоминаем тему: «Какой патрон лучше – ТК или Браунинга? (Гарбузь, А. И опыт, сын ошибок трудных... // Вооружен.ру, 12.02.2015); ...третье слово взято из словаря практических терминов, а значит, предполагает **сложноподчиненный** государственный организм, трудно соединяемый с эфемерными «литературными мечтаниями» (К. Питоева. «Дом», 2009).

В отдельных контекстах **сложноподчиненный** стремится закрепиться в значении очень близком к исходному, расширяя синтагматику языка лингвистики, но сохраняя «лингвистический» привкус по сути: «Ах ты, волчья сыть», – подумал и благополучно докрутил особенно **сложно-подчиненный** оборот про то, как я люблю живую журналистику и ненавижу всякую мертвечину (Ш. Идиатуллин. «Татарский удар», 2005); Суть его философии можно выразить одной **сложноподчиненной** фразой: мир, во-первых, всегда нов (в нем как бы ничего еще не случилось, а только случится вместе с тобой), и, во-вторых, в нем всегда есть для тебя место, и оно тебя ожидает (М. Мамардашвили. «Картезианские размышления», 1993). В других контекстах **сложноподчиненный** резко меняет исходную сферу использования, проделывая долгий путь из одного языка для специальных целей (лингвистического) в другой или даже другие (языки политики, экономики и народного хозяйства, физико-математического цикла наук и т.д.): **сложноподчиненные субъекты РФ** (3 иллюстрации), **сложно-подчиненный механизм действий**, **сложноподчиненный элемент**, **сложноподчиненный комплекс** (баз данных и моделей). См. контексты: *Отраслевая модель социального, природно-ресурсного развития представляет собой иерархически **сложноподчиненный** механизм действий...* (И. Калининкова. «Управление социально-экономическим потенциалом региона», 2009); *При сохранении **сложноподчиненных** субъектов РФ (автономных округов в составе краев и областей) необходимо в дальнейшем...* (В. Лысенко. «Федерация в начале XXI века», 2000); ...**сложноподчиненный** характер по времени и частоте отрывов (О. Н. Синчук і др. «Электромагнитные переходные процессы в тяговых электротехнических комплексах с IGBT преобразователями двухосных промышленных электровозов» / <http://ir.nmu.org.ua/bitstream/handle/123456789/591/27.pdf>); *Новая высокотехнологичная модель BIM-проектирования – **сложноподчиненный**, взаимосвязанный комплекс различных баз данных и моделей, разрабатываемых и соединенных воедино с помощью различных программ. BIM – это информационная база в числовом выражении, предоставляющая максимум информации о проектируемом или уже действующем объекте (BIM-проектирование – современные технологии проектирования сооружений / <http://dom-na-bumage.ru/BIM-technology>].*

Крайне интересным, на наш взгляд, является обнаружение контекстов, свидетельствующих о том, что лексема *сложноподчиненный* начинает использоваться в современной поэзии, а в также литературной, театральной, музыкальной среде и кинокритике как яркое выразительное средство, средство характеристики. Оценочно-коннотативный компонент, казалось бы, начисто отсутствующий в оригинальном терминологическом употреблении, на равных соперничает с денотативным компонентом ЛЗС в ходе передачи информации: так рождаются *сложноподчиненный блюз*, *сложноподчиненный человек (существо)*, *народ*, *сложноподчиненный взгляд*, *сложноподчиненный талант* и т.д.: *И сложноподчиненный блюз / Все ждет, когда же я напьюсь* (В. Разебаев. «Блокнотики, тетрадки, ручки», 2014); *Тут же обнаружил свойство народа, он у нас сложноподчиненный. Не просто раб там или крепостной, а раб с идеей: так, мол, мне и надо! И детям моим...* (Г. Щербакова. «Смерть под звуки танго», 2007); *Пехота, она и есть пехота, взгляд у нее «сложноподчиненный». Она, конечно же, вооружена. Но старший запросто и сортир драить может послать...* (В. Болучевский. «Трубка Сталина», 2006); *Ретроспективная выставка Галаджева, открытая в Московском доме фотографии при поддержке «Альфа-банка», дает возможность и нам наконец-то разглядеть сложноподчиненный талант, незаслуженно оставленный в тени патриархов русского авангарда* (Н. Савоськина. Над его Москвой летала Маргарита // Новая газета, 29.09.2003); *Сюжет нового «Маленького принца» представляет собой «рассказ внутри рассказа»: выбранный постановщиком сложноподчиненный формат положительно сказывается на качестве картины, подчеркивая ее многофункциональность и обширность среди возрастных групп* (Журнал «365», 24.12.2015).

В языке художественной литературы, в критике, публицистике, бытовой речи появляются *сложноподчиненные ноги*, *сложноподчиненный город*, *сложноподчиненное будущее*, *сложноподчиненный жанр*: *Из лиловых и желтых одежд выглядывали длинноносые красавицы с почти сросшимися глазами под одной, с изгибом над переносицей, бровью. Замершие жесты их вывернутых рук и сложноподчиненных ног были гимнастическими и неестественными* (Л. Улицкая. «Ветряная оспа», 1998); *Жанр у спектакля, по определению его создателей, сложноподчиненный: «хроника повседневности одного московского двора времен секретной корейской войны»* (З. Апостольская. О чем волнуются подруги: все о женщинах в театре Et Cetera // Российская газета, 13.11.2015). Кстати, в ближайшем окружении обнаруживаем: *Сложносочиненное название – дань всем будням задворок истории сразу* (З. Апостольская. Чадотворец со двора // Российская газета, 27.10.2015). Сохраняющееся взаимное притяжение и парность, параллелизм

в употреблении лексических единиц *сложносочиненный* и *сложноподчиненный* вне терминологических рамок налицо. Обращает на себя внимание контекст, в котором интересующие нас лексемы образуют антонимическую пару: *А что, если просто попросить снять нас с пьедестала, или хотя бы сделать его пониже? Уж больно лезть на него тяжело и стоять затруднительно. Мы лучше просто удобно устроимся рядом с этим красивым постаментом, положим на него локотки и честно посмотрим в будущее. Может, окажется оно все-таки не **сложноподчиненным**, а **сложносочиненным**? Тогда, глядишь, и слово «женщина» станет звучать посвежее, пооптимистичней...* (Н. Грачёва. Это страшное слово «женщина» // Комсомольская правда, 03.09.2013). Схожие отношения отмечены в следующем контексте: *Принято считать, будто в человеке соединяются два начала – добро и зло. Однако, я, позаимствовав термин из лингвистики, смею заявить, что человек **сложносочиненное** и **сложноподчиненное** существо, следовательно, было бы слишком примитивно делить его на *доброе* и *злого* (Человек: сложносочиненный и сложносочиненный (Анонимный комментарий на форуме), 13.12.2013). *Улицы, дома пустые. Переулок темный, сонный. Предложения простые. Город **сложноподчиненный**...* (М. Юрковецкий. «Диктант», 2006). Последняя иллюстрация также порождает контекстуальную антонимию, а сам текст содержит отсылку к первоначальному терминологическому значению лексемы.*

В интернет-реальности появляются *сложноподчиненные* запросы, *сложноподчиненные* элементы, «*которые стоит добавить к цели при запуске сервера*» (М. Поляруш. Запуск Selenium тестов, 01.06.2011), извинения за *сложноподчиненный* вопрос: *Заранее извиняюсь за **сложноподчиненный**, возможно сумбурный опус* (Анонимный комментарий на сайте *autolada.ru*, 18.09.2006).

Результаты контекстного анализа, направленного на выявление особенностей использования лексических единиц *сложносочиненный* и *сложноподчиненный* в современном русскоязычном дискурсе, свидетельствуют о том, что в общем употреблении терминологическое значение данной лексемы обогащается новыми, ранее отсутствовавшими, семами. Подобная семантическая инновация приводит к тому, что в современной письменной русской речи лексема *сложносочиненный* реализуется в значениях ‘сложный’, ‘комбинированный’, ‘замысловатый’, ‘изоощренный’, ‘многосоставный’, ‘многокомпонентный’, ‘многослойный’, а *сложноподчиненный* – в значениях ‘глубокий’, ‘неоднозначный’, ‘объемный’, ‘двойственной природы’, ‘витиеватый’, ‘сумбурный’, ‘многоуровневый’, ‘иерархически организованный’. Обращает на себя внимание тот факт, что контекстные значения исходных

лексем в современной языковой реальности существенно расходятся. Однако коммуниканты каждый раз без видимых усилий актуализируют нужные компоненты смысла, опираясь на контекст и затекст (презумпированные факты, знание которых необходимо для правильного понимания текста), с учетом которых самостоятельно реконструируют подтекст. Использование лексем *сложносочиненный* и *сложноподчиненный* в данных значениях, в о - п е р в ы х , лишает их статуса исключительно терминологических элементов языковой системы, однозначных и узкоспециальных, употребляющихся лишь в рамках профессионального общения, а в о - в т о р ы х , делает их различные лексико-семантические варианты полноправными членами разных синонимических рядов с привычными общеупотребительными доминантами, что кардинально расширяет их синтагматические возможности как единиц лексической системы современного русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ефремова, Т. Ф.* Новый словарь русского языка : Толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000.
2. *Валгина, Н. С.* Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие [Электронный ресурс] / Н. С. Валгина. – М., 2001. – Режим доступа : <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/>. – Дата доступа : 07.02. 2016.
3. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1989.
4. *Ушаков, Д. Н.* Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт, 2005. – 1216 с.
5. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : АЗЪ, 1995. – 944 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
7. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.ruscorpora.ru/. – Дата доступа : 12. 02. 2016.

The article describes the problem of determinologization – the semantic transformation of linguistic terms *compound* and *complex* accompanied by an extension of their syntagmatic features as well as an active output of these lexemes in general use. Qualitative and quantitative changes of components as a part of being investigated nominal collocations are analyzed. The research materials are the data of the lexicographic resources, Russian National Corpus and current Russian language texts.

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА АНГЛИЙСКИХ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ

В статье анализируются английские глаголы с перцептивной семантикой. Изучение имеющихся в современной лингвистике сведений о данной лексической группе позволило автору представить в обобщенном виде семантико-синтаксические свойства рассматриваемых глаголов, дополнив их собственными наблюдениями. Рассмотрены три наиболее часто выделяемые классы глаголов, составляющих лексико-семантическое поле «Перцептивные признаки»: LISTEN-класс, HEAR-класс, SOUND-класс. Первые две группы глаголов репрезентируют субъектный план глаголов восприятия, третья группа – объектный. Имеются основания полагать, что перцептивные глаголы, объединенные родственной семантикой, будут проявлять и общность синтаксических свойств. На раскрытие данных свойств и направлена данная статья.

Несмотря на достаточную изученность *перцептивных глаголов* (в другой терминологии – глаголов перцепции или глаголов восприятия) в разных языках по-прежнему остаются нерешенными вопросы их семантической и синтаксической природы, взаимодействия их семантики и синтаксиса, возможности прогнозирования синтаксических свойств данных глаголов на основе знания об их семантической структуре. Так, Н. Гисборн отмечает, что семантика глагола накладывает ограничения на его синтаксические свойства. При этом имеет место несоблюдение ожидаемых семантико-синтаксических соответствий, что тормозит разработку теории глагольной семантики, позволяющей предсказывать синтаксические свойства рассматриваемых глаголов [1, р. 1]. Призывом продолжить исследования в области семантики перцептивных глаголов звучат слова ученого о том, что глаголы восприятия по-прежнему требуют серьезного изучения и представляют собой сложный объект для анализа: для того чтобы выдвинуть убедительную версию о закономерностях их функционирования, необходимо еще раз пристально посмотреть на их значение [1, р. 2–3].

В данной работе мы делаем попытку обобщить накопленные современной лингвистикой сведения о семантико-синтаксических особенностях основных глаголов восприятия (*look, see, listen, hear, feel, sound*), рассматриваемых разными авторами. Полученные данные позволят нам в дальнейшем понять, насколько возможна экстраполяция полученных результатов на другие перцептивные глаголы. Знание таких особенностей позволит определить принадлежность глагольных лексем к семантическому

классу и прогнозировать их синтаксическое поведение. Необходимость наличия таких формальных критериев косвенно упоминалась лингвистами: так, В. В. Макаров, занимаясь построением лексико-семантического поля восприятия в латинском языке, отмечал трудность в определении лексической единицы, воплощающей в себе основные черты глаголов активного восприятия, так как на эту роль претендовало сразу несколько глаголов. Ср.: «В самом деле, латинский язык предоставляет развернутый набор глаголов, функционально-семантическое назначение которых состоит в выражении активного аспекта восприятия. Среди них мы видим глаголы *cernere* “различать”, *considerare* “осматривать”, *contemplari* “созерцать”, *lustrare* “обозревать”, *servare* “наблюдать” и др. Очевидно, что ни один из них, в силу специфичности своего значения, не может претендовать на то, чтобы в наиболее полной и нейтральной форме выразить интересующий семантический элемент поля. С этой точки зрения ближе всего к искомой единице глагол *aspicere*» [2, с. 59]. Аналогичная проблема возникает, по словам ученого, и с глаголами тактильного восприятия.

Анализ работ лингвистов, в которых рассматриваются особенности глаголов чувственного восприятия в современном английском языке, показывает, что, как правило, выделяются три группы перцептивных глаголов. Разница в их семантике хорошо прослеживается в следующих примерах: (1) *I looked at the painting*; (2) *I saw the painter's signature*; (3) *The painting looked damaged* [1, p. 4]. Как указывает Н. Гисборн, в примере (1) речь идет о действии, выполненном определенным субъектом. Пример (2) представляет визуальное восприятие воспринимающего субъекта. В примере (3) объект восприятия воздействует на органы чувств воспринимающего и тем самым становится осязаемым. Отличия в семантике трех данных глаголов сказываются на их синтаксических свойствах. Например, *look* в (1) имеет агентивную модель комплементации, а именно: может употребляться с предлогом *at* и следующим за ним дополнением. У глагола *see* в (2) имеется прямое дополнение (которое может быть заменено на THAT-clause). И за *look* в (3) в качестве именного предикативного компонента следует прилагательное (причастие). Гисборн предлагает *look* в (1) обозначить look/A (agentive verb); для глагола *see* в (2) предлагается обозначение see/E (experiencer verb); и глагол *look* в (3) именуется look/P (with percept Subject). В группах глаголов восприятия другой перцептивной модальности могут быть предусмотрены отдельные лексемы для каждого обозначенного глаголом вида восприятия, например, для глаголов слуха: *listen – hear – sound*. Н. Гисборн называет стоящие за данными глаголами группы LISTEN-класс, HEAR-класс, SOUND-класс

(LISTEN-class, HEAR-class, SOUND-class). Данные обозначения позволяют маркировать всю группу глаголов каждого из пяти классов, соответствующих пяти основным перцептивным модальностям (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и проявляющих себя сходным образом (таблица) [1, p. 7].

Т а б л и ц а

Распределение глаголов восприятия
по основным семантическим классам

LISTEN-class	HEAR-class	SOUND-class
(agentive) verbs	(experiencer) verbs	(percept) verbs
look/A	see/E	look/P
listen/A	hear/E	sound/P
feel/A	feel/E	feel/P
smell/A	smell/E	smell/P
taste/A	taste/E	taste/P

Первые две группы глаголов репрезентируют субъектный план глаголов восприятия, третья группа – объектный.

Исходя из предположения, что семантические особенности классов основных глаголов восприятия накладывают отпечаток на некоторые синтаксические свойства данных слов, рассмотрим семантику данных классов. Классы I и II демонстрируют *применение* субъектом чувствительной способности (см. [2, p. 56]).

Класс I: LISTEN-класс

В качестве основной семантической особенности данного класса глаголов отмечается их *агентивный* (активный) характер [3, p. 943], «подчеркнуто активная направленность восприятия» [2, с. 59]. Агентом действия выступает одушевленный объект. Подробно результаты компонентного анализа значения глаголов восприятия мы излагали ранее в [4]. Анализ показал разнообразие зафиксированных в семантике глагольных наименований сем, описывающих субъект. Интересно, что объект восприятия, обозначаемый дополнением, которое следует за глаголом, не предполагает изменяющийся объект (как в случае с глаголом *watch*).

Вытекающие из данного семантического свойства синтаксические характеристики глагола можно свести к следующим положениям.

1. Высказывания с агентивным глаголом, например, глаголом *look/A* могут быть перефразированы с помощью конструкции *do sth* [3, p. 943].

2. Отличием глаголов типа *look/A LISTEN*-класса, репрезентирующих восприятие как активный процесс, от глаголов типа *see/E HEAR*-класса выступает возможность их употребления с обстоятельством образа действия, например, с наречием *deliberately*: *He was **deliberately** listening to the music* [1, p. 6] или с наречием *carefully* [3, p. 942].

3. Высказывания с агентивным *look* могут быть дополнены обстоятельством цели *in order to*.

4. Глаголы данного типа часто употребляются в форме Continuous.

Класс II: HEAR-класс

Значение глаголов данного класса построено вокруг семы 'пассивное восприятие', 'непроизвольность действия'. По словам В. В. Макарова, в семантике глаголов данного класса «восприятие раскрывается как спонтанно осуществляемая способность субъекта, без признаков сознательно направленного действия» [2, с. 57]. Данный факт определяет следующие свойства глаголов рассматриваемого класса.

1. Невозможность употребления глаголов HEAR-класса с наречием *deliberately*. Однако они употребляются с наречиями *nice, clearly, perfectly*, роль которых, по словам Е. В. Ильчук, «показать, насколько точно удалось сформировать мысленную копию объекта» [5, с. 307].

2. Глаголы данного типа не употребляются в форме Continuous. Более того, и форма Simple для них не всегда приемлема. Наилучший способ передачи процесса восприятия с глаголами HEAR-класса – с помощью модального глагола *can*: *I can hear you well*.

3. Следует отметить, что глаголы данной группы могут репрезентировать два разных аспекта ситуации восприятия – процесс восприятия, когда субъект восприятия воспринимает объект восприятия (лицо, предмет, свойство) прямо и когда восприятие объекта происходит косвенным образом. На уровне поверхностной структуры это находит свое выражение в двух видах комплементации глаголов HEAR-класса: *I saw **the flowers***; *I saw **that the flowers had grown***. В последнем случае такой вывод можно было сделать на основании восприятия тени, которую откидывают цветы (см. примеры для остальных глаголов данного класса в [1, p. 7]).

В работе Е. В. Ильчук имеется указание на тот факт, что глаголы данного класса часто употребляются в высказываниях, «целью которых является сообщение о том, что данный объект удалось или не удалось отобразить в сознании» [5, с. 308].

Глагол *see* может варьировать, репрезентируя воспринимаемые динамические свойства объектов. Ср.: *Jane saw Peter cross the road*; *Peter saw Jane crossing the road* [1, p. 10]. Причем, Н. Гисборн отмечает зависимость

семантики перцептивного глагола от семантики сложного дополнения. Это значит, что сам глагол данного класса безотносителен к характеру протекания действия. Ср. также: *I saw him drop a pencil. I heard him hum an aria* [1, p. 18].

Отметим еще одну семантическую особенность глаголов первых двух классов. Революционным на момент выхода статьи Дж. Грубера можно считать тезис о наличии в семантике глаголов восприятия *look* и *see* инкорпорированной семы движения. Наличие семы движение тесно связано с двумя другими семами – ‘цель’ и ‘направление’.

Класс III: SOUND-класс

Глаголы данного класса характеризуются наличием семы ‘воспринимаемый объект’.

В качестве синтаксических свойств, присущих данному классу слов, упоминается, что эти глаголы легко модифицируются именным компонентом *nice*: *The tablecloth felt nice* [1, p. 7].

Необходимо отметить, что сходство поведения глаголов рассматриваемых классов имеет свои пределы. Согласно Н. Гисборну, *look/A* регулярно сочетается с *at*, однако, наряду с таким употреблением, встречаются сочетания: *look under the chair, look through a dirty window, а также look into a darkened room*. В случае с *look/A*, таким образом, содержится указание на направление взгляда. Комплементация глагола *listen*, напротив, содержит указание на объект восприятия: *listen to an aria. A listen to an aria over a humming sound* – и не только о нем, но и о препятствии на пути восприятия. Вывод, к которому приходит ученый – отношения глаголов LISTEN-класса со своими комплементами не имеют регулярного характера [1, p. 7].

В целом упомянутые выше синтаксические свойства глаголов восприятия могут служить «мерилом», когда решается вопрос о принадлежности того или иного перцептивного глагола к одному из трех классов. Так, глаголы *perceive, observe, notice, glimpse* и *spot* принадлежат к HEAR-классу, поскольку ни один из них не может быть употреблен с наречием *deliberately* [1, p. 9], так как процесс, репрезентированный данными глаголами, представляет собой произвольное восприятие.

Анализ семантико-синтаксические свойств глаголов, входящих в рассмотренные выше классы, показал, что между ними и основными глаголами восприятия наблюдается как сходство, так и различие. При сходстве интегральной семы значения в каждом классе глаголы восприятия отличаются вторичными семантическими компонентами. Так, например, глагол *gape* толкуется в словаре Cambridge Learner’s Dictionary (CLD) как ‘to look at someone or something **with your mouth open because you are so surprised**’ (‘глазеть, смотреть в изумлении’); глагол *examine* – ‘to look at

someone or something **very carefully, especially to try to discover something**' ('обследовать, рассматривать'); *sight* – 'to see something **that is difficult to see or that you have been looking for**' ('заметить, обнаружить') и т.п.

Наряду с описанной выше семантической особенностью глаголы типа *examine* могут проявлять еще одну, часто отмечаемую особенность – возможность развивать значение ментального глагола. Ср. примеры, отобранные из Национального корпуса английского языка (British National Corpus, BNC) [7]: *Jack walked over to **examine** it. 'Well, they inspected it; they'd go along and pull a piece out and **examine** it, smell it* и *This option aims to promote study of the mass media in society and to encourage students **to examine** the problems encountered by professional workers in the field.* В терминологии Е. В. Ильчук такие глаголы именуются глаголами «проецируемого отображения» [5].

Частым явлением у глаголов зрительного восприятия, входящих в LISTEN-класс, выступает наследование предлога *at* (аналогично глаголу *look*): *gape at, gawp at, leer at, glance at, glare at: The old slate quarry here is one of the largest man-made holes in Britain, and such is the fascination that holes in the ground exercise on the mind of man that there are special viewing platforms where visitors may stand **to gape at** the awesome chasm* (BNC). Допускается также употребление обстоятельства образа действия, описывающего характер протекания действия: *We stood there **gaping in wonder** at the beautiful landscape* (CLD).

Глаголы, принадлежащие к LISTEN-классу, действительно, актуализируют сему движения, причем это происходит иногда за счет указания на движение органа восприятия, соответствующего той или иной перцептивной модальности. Ср.: *Last year she had come to his school for the first time, and **every eye had turned to gape at** her long red hair and golden earrings as she swept into the assembly-hall wearing one of her special dresses* (BNC).

В этом плане английские глаголы восприятия проявляют сходство с русскими глаголами восприятия. Как отмечает Е. В. Урысон, в репрезентации семантики восприятия в современном русском языке для зрения, слуха, обоняния и восприятия на вкус можно указать такие органы: это глаза, уши, нос и язык. Все эти органы в современном русском языке выступают как *видимые* [6, с. 83].

Следует отметить еще одну особенность рассматриваемых глаголов. Так, например, глаголы SEE-класса часто употребляются в форме пассивного залога: *The ship **was last sighted off** the French coast at 8 o'clock yesterday evening* (CLD).

Анализ деривационной парадигмы перцептивных глаголов показал наличие у многих из них (независимо от принадлежности к семантическому классу) парных существительных, образованных путем конверсии: *blink, eye, gape, glance, glare, glimpse, leer, notice, peek, regard, scan, sight, spot, spy* и т.п.

В данной статье мы лишь наметили ориентир дальнейшего исследования семантико-синтаксических свойств перцептивных глаголов, входящих в три основных семантических класса. Однако даже первое приближение показывает, что имеются основания полагать, что перцептивные глаголы, объединенные родственной семантикой, будут проявлять и общность синтаксических свойств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gisborne, N.* The Event Structure of Perception Verbs [Электронный ресурс] / N. Gisborne – Oxford, 2010. – Режим доступа : <http://www.oxfordscholarship.com>. – Дата доступа : 16.01.2014.
2. *Макаров, В. В.* Проблемы лексико-семантической дифференциации романских языков / Л. М. Макаров ; Минск. гос. пед. ин-т иностр. яз.; редкол.: З. Н. Левит (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1972. – 383 с.
3. *Gruber, J. S.* Look and See / J. S. Gruber // *Language*. – 1967. – Vol. 43, № 4. – P. 937–947.
4. *Карапетова, Е. Г.* Особенности субъектно-объектного плана семантики глаголов восприятия / Е. Г. Карапетова // *Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология*. – 2012. – № 6 (61). – С. 73–79.
5. *Ильчук, Е. В.* Представление когнитивных процессов в семантике английских глаголов : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Ильчук. – М., 2005. – 468 л.
6. *Урысон, Е. В.* Проблемы исследования языковой картины мира : Аналогия в семантике / Е. В. Урысон ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. – М. : Яз. слав. культуры, 2003. – 224 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

BNC – *British National Corpus* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>. – Дата доступа : 29.09.2015.

The article focuses on English verbs of perception. The study of the existing data as well as the conducted research enables the author to analyze and present properties of English perception verbs. The material deals with the most frequently used classes building up the lexico-semantic field of perception: LISTEN-class, HEAR-class, SOUND-class. The author concludes that perception verbs, belonging to the same class, possess the same properties.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ В. ПОЛОЗКОВОЙ

Статья посвящена исследованию индивидуально-авторских новообразований в поэтическом языке В. Полозковой как представительницы современной женской поэзии. Анализ поэтических контекстов позволил выявить и провести систематизацию лексических новообразований с точки зрения частеречной принадлежности производящей основы и деривационного форманта. Собранный языковой материал свидетельствует о разнообразии в создании авторских слов, способствующих формированию ярких художественных образов.

Особенным видом речевой деятельности по праву считается деятельность поэтическая. Это связано с тем, что ей присущи особые характеристики. «Главные отличия от обычной, повседневной речевой деятельности в том, что поэтическая речевая деятельность обладает эстетической функцией, определяющей ее неповторимость и обращенность на совершенствование самого орудия речевой деятельности – поэтического языка, в том, что она неповторима, хотя и тиражируема; как производство, так и восприятие поэтического текста – суть творческие акты, в поэтическом тексте в особой гармонии сопряжены план содержания и план выражения, эмоциональная и рациональная стороны речевой деятельности. Именно поэтому поэтическую речевую деятельность можно рассматривать как квинтэссенцию речевой деятельности, как высшее ее проявление, как одно из высших воплощений человеческого гения» [1, с. 232].

Под поэтическим языком Г. О. Винокур понимает «прежде всего язык, употребляемый в поэтических произведениях», который представляет собой в этом смысле «особый стиль речи в ряду других». Однако язык лирики «поэтичен» сам по себе, то есть поэтичность в данном случае, по выражению Г. О. Винокура, – «особое экспрессивное качество языка», основывающееся на том, что в стихотворениях перед читателем предстает «поэтический мир», выражается «поэтическое настроение» автора [2, с. 25–26].

Поэтический текст считают одним из основных источников лингвокреативной деятельности художников слова. Яркой особенностью поэтического языка можно считать создание индивидуально-авторских слов, которые не только наполняют текст особым смыслом, но и позволяют автору передать особенности его миропонимания. «Необходимость сказать новое слово побуждает авторов искать необычные формы выражения. Особенность отбора

лексических средств создает особую картину мира поэта» [3, с. 213]. В данной работе используется термин «индивидуально-авторские новообразования» (ИАН), которые понимаются нами как авторские слова, созданные с определенной художественной целью и отсутствующие в языковой традиции.

Современная поэзия представляет собой значимый пласт литературы конца XX – начала XXI века. Основными языковыми особенностями современной поэзии исследователи считают откровенную детализацию образов, особые цветосветовые характеристики при визуализации картин, использование многообразных смыслов одного и того же слова, тончайшую лексическую игру, графическое оформление стиха, разнообразие авторских слов. Объектом нашего исследования явились особенности словотворчества в современной женской поэзии, в которой отмечены многочисленные факты авторских лексических новообразований.

Ярким представителем современной поэзии является Вера Полозкова, творчество которой литературные критики и читатели считают феноменом современной литературной жизни. Так, Д. Быков, анализируя творчество В. Полозковой, пишет, что «живую традицию русской литературы продолжает сейчас она, и от этой девушки во многом зависит, куда история нашей поэзии повернет вообще» [4]. Анализ поэтических текстов В. Полозковой позволил выявить интересные примеры индивидуально-авторских новообразований. Созданные В. Полозковой слова, на наш взгляд, являются удачно построенными новообразованиями, они вполне уместны, ярки, образны и выражают подчас идейную основу всего произведения. Во многих стихотворениях ИАН являются опорными элементами, на которых строится поэтика всего произведения («Люболь», «Осточерчение», «Ис-комы-е»). Следовательно, чтобы глубоко и точно понять смысл и идею того или иного стихотворения, необходимо выявить специфику и функцию каждого из авторских слов – носителей определенной идеи.

Остановимся на группе ИАН-существительных, которая является самой многочисленной и отличается разнообразием деривационных способов и средств.

Анализ индивидуально-авторских новообразований, извлеченных из поэтических текстов В. Полозковой, показал, что значительная часть ИАН-субстантивов образована суффиксальным способом. Языковой материал позволил провести их систематизацию в зависимости от частеречной принадлежности производящей основы и деривационного форманта. Так, в текстах современной женской поэзии отмечены имена существительные, **мотивиро-**

ванные существительными. Зафиксированы примеры ИАН-субстантивов, образованных с помощью продуктивного префикса *не-*, который вносит значение противоположности тому, что названо производящей основой:

*Раз охотник – ищи овцу, как у Мураками;
Кулаками – бумага, ножницы или камень –
Провоцируй, блефуй, пытай меня **не-звонками**;
Позвонками моими перебирай в горсти [5, с. 67];
Резал сыр тупой стороной ножа.
За три года **не-встречи** дадут медаль нам [5, с. 83].*

Интересным примером лексических новообразований может послужить созданное В. Полозковой слово *богинность*, отмеченное в стихотворении «Лунная соната»:

*Я не то чтобы ставлю все – тут у нас не ралли, Хотя зрелищности
б завидовал даже Гиннесс. Не встречаю, под нос не тычу свою **богинность** –
Но хочу, чтоб давали больше, чем забирали [5, с. 62].*

Нам представляется, что создание данного новообразования обусловлено стремлением обозначить необычное свойство лирической героини, не присущее, по мнению автора, другим литературным образам.

Среди зафиксированного языкового материала выделяется группа ИАН-существительных, **мотивированных прилагательными**, например:

*Гениям чувство кем-то **любимости** – Даже вот Богом при входе
в храм – Дорого: смерть за грамм [5, с. 32].*

Созданное с помощью продуктивного в современном русском языке суффикса *-ост'* ИАН *любимость* выражает значение особого состояния. Данный аффикс активно используется автором при создании других новообразований. Так, в стихотворении «Письмо далекому другу» отмечена целая серия новообразований, обозначающих отвлеченные понятия, с указанным формантом:

*Связь, **тесность**, **струнность**, музык помесь –
неважно, что мы говорим;
как будто давняя **искомость**
вдруг стала ведома двоим... [6].*

Интересными представляются лексические новообразования с суффиксом *-ц-*, который привносит в ИАН значение небольшой степени проявления признака, названного мотивирующим именем прилагательным. С помощью данного суффикса образовано слово *виноватца* в сюжетном стихотворении «Говард Кнолл»:

*Я понимаю, трудно с собой бороться, –
И такая, в глазах его легкая **виноватца**, –
Но стоит ли плакать из-за моего уродца?
Милочка, полно, глупо так убиваться [7, с. 30].*

В поэтических текстах В. Полозковой отмечены ИАН-существительные, **мотивированные местоимениями**. Подобного рода новообразования приобретают значения свойства, если к основе добавляется регулярный суффикс *-ост'*-, например: «*лишь бы билась внутри, как пульс, нутряная чьятость*» [5, с. 62]. Значение ИАН *чьятость* довольно прозрачно: оно обозначает свойство, характеризующее принадлежность кому-то, в данном случае вместо развернутого описания автор создает компактное и емкое по значению слово.

В этом же произведении отмечено ИАН с суффиксом *-зн'*-:

Я найду, добуду – назначат казнь, А я вывернусь, и сбегу, да и обвенчаюсь С царской дочкой, а царь мне со своего плеча даст... Лишь бы билась внутри, как пульс, нутряная чьятость. Долгожданная, оглушительная твоязнь.

Анализ языкового материала позволил говорить о том, что ИАН-субстантивы В. Полозковой создаются на базе местоимений и префиксально-суффиксальным способом словообразования, например:

Я картограф твой: глаз – Атлантикой, скулу – степью, А затылок – полярным кругом: там льды; that's it. Я ученый: мне инфицировали бестебье. Тебядефицит. [5, с. 54]

Последний пример интересен тем, что в нем отмечено еще одно новообразование – *тебядефицит*, созданное способом сращения двух узуальных слов.

Довольно разнообразно среди ИАН-существительных представлены **сложные слова**. Так, в сложном существительном *баблоделы* первый компонент представлен жаргонным словом *бабло* (деньги), что способствует созданию образа современного «дельца»:

Глаз трагические

Круги –

Баблоделы; живые трупы.

Летаргические

Торги,

Разбивайтесь на таргет-группы [5, с. 72].

Особый интерес представляют разнословные сложения, объединяющие в одно слово с дефисным написанием два узуальных слова, например:

Тэмури – риф-кораблекрушитель,

за дальним мысом, за зеленеющим маяком.

Ему наплевать, что вы ему разрешите,

не разрешите – он потрошитель,

он поступает со здоровым смыслом,

как с тем окурком – в кусты зашвыривает щелчком [5, 143].

Отмечен пример ИАН, созданного повторением одного и того же корня для обозначения точного направления, в стихотворении «Last summer evening»:

*Чтоб профилем в синь, а курсом на юго-юг,
Чтоб если поодиночке – то всем каюк... [5, 79].*

Наиболее яркими примерами можно считать *контаминированные* образования. В стихотворении «Люболь» уже в самом названии отмечается яркий пример словотворчества Веры Полозковой. Данное слово является результатом наложения фрагмента одного слова и основы другого слова: *любовь* + *боль*. В результате получилось авторское слово, которое не только вбирает в себя значения составляющих его компонентов, но и умножает их смыслы:

*Неба льдистого литр –
В капельницу
Через стекла налить позволъ.
Влагой ночи чуть-чуть отплакивается
Моя проклятая
Люболь [8].*

Подобного рода слова помогают поэту в создании особых образов, они заставляют читателя размышлять, проникать в творческую лабораторию автора.

В стихотворении «Эрзац» примером *контаминации* является слово *осточертёжник*:

*Я осточертёжник в митенках –
худ и зябок, с огромным таким планшетом переносным.
Я жалобицик при Судье,
не берущем взятки, судебными исполнителями тесним [5, с. 144].*

Созданное автором слово *осточертёжник* можно считать результатом наложения слов *осточертело* и *чертёжник*, в результате чего создается необычное слово как свидетельство креативной языковой деятельности автора.

Интересным авторским образованием, на наш взгляд, является ИАН *конкистадурень*, отмеченное в стихотворении «Или, к примеру, стоял какой-нибудь поздний август»:

*А он, значит, конкистадурень, так жизнерадостен и рисков,
Что то ни посмотрит – сразу благоговейно
Режет медиаторы из своих недействительных пропусков,
И зубы всегда лиловые от портвейна [5, с. 154].*

Созданное на основе слова *конкистадор* и просторечного слова *дурень* ИАН в данном контексте передает особую авторскую экспрессию.

В стихотворении «Шарлатаинство» в заголовок вынесено новообразование, созданное на базе слов *шарлатан* и *таинство*, что позволяет поэту транслировать двойственность воспринимаемого события, создает ощущение игры со словом. Здесь же отмечено и ИАН *шарлатанцы*:

... да, мы слышали: хрипнет мир, и земля шатается, как дурное корыто, стремится в небытие. Шарлатаны вершат свои **шарлатанцы** и **шарлатаинства**. Может, только это удерживает ее [9].

Таким образом, анализ поэтических текстов В. Полозковой с позиций словотворчества позволяет говорить о том, что созданные автором слова являются одним из ярких средств художественной выразительности. В данной работе отмечены примеры ИАН-субстантивов. Однако собранный языковой материал свидетельствует о разнообразии и многообразии авторских слов, созданных в пределах существительных, прилагательных, глаголов и наречий. Каждое из них отличается необычностью, «свежестью», новизной, способствует созданию ярких художественных образов, отражает особое видение мира.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Супрун, А. Е. Лекции по теории речевой деятельности / А. Е. Супрун. – Минск : Бел. Фонд Сороса, 1996. – 287 с.
2. Винокур, Г. О. О языке художественной литературы / Г. О. Винокур. – М. : Высш. шк., 1991. – 448 с.
3. Плотникова, Л. И. Словотворчество как феномен языковой личности: монография / Л. И. Плотникова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – 332 с.
4. Быков, Д. Немаленькая Вера [Электронный ресурс] / Д. Быков. – Режим доступа : <http://vera-polozkova.ru/articles/kriticheskaya-statya-dmitriya-bykova>.
5. Полозкова, В. Непозмание / В. Полозкова. – М. : Гаятри / Livebook, 2009. – 240 с.
6. Полозкова, В. Письмо далёкому другу [Электронный ресурс] / В. Полозкова. – Режим доступа : <http://mantrabox.livejournal.com/224277.html?thread=2846741>.
7. Полозкова, В. Фотосинтез / В. Полозкова. – М. : Гаятри/Livebook, 2014. – 112 с.
8. Полозкова, В. Блики тишины [Электронный ресурс] / В. Полозкова. – Режим доступа : http://kornetka.ru/bliki/polozkova/polozkova_62_.php.

9. *Полозкова, В. Шарлатаинство [Электронный ресурс] / В. Полозкова. – Режим доступа : <http://vera-polozkova.ru/poetry/sharlatainstvo/>.*

The article is focused on the research of individual neologisms in the poetic works of V. Polozkova, a representative of modern female poetry. The analysis of poetic contexts made it possible to single out and systematize lexical neologisms from the point of view of part-of-speech properties of derivational bases and derivational means. The data demonstrate a variety in the formation of the authoress' words which help create bright artistic images.

Гэн Цзянь (Китай, университет Ху Нань)¹

СЕМАНТИКО-ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЕ ГНЕЗДА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье проводится аналогия между словообразовательными и иероглифическими гнездами как объединениями слов, в основе которых лежит формально-семантическая общность корневой морфемы в первом случае и радикала во втором. Демонстрируется семантическая связь единиц, объединенных в написании единством радикала, и специфика иероглифических гнезд, объединяемых разными радикалами.

Наличие некоторого числа примарных единиц, которые в сочетаниях друг с другом способны породить бесконечность языковых выражений, необходимую для репрезентации нашей мысли и передачи наших интенций, лежит в основе успешного функционирования языка. Данный принцип есть не только организующее начало синтаксиса, но и словообразования, которое предстает как синтаксис слов (показательным в этом плане является название книги по словообразованию английского языка Э. Селкерк – «Syntax of Words» 'Синтаксис слов' [1]), и иероглифического письма. Задача данной статьи заключается в установлении семантической организации слов на основе их иероглифической записи в китайском языке.

С древнейших времен в китайском языке, как известно, используется система иероглифов, единицей которой выступает элемент 字 *zì*. Эта китайская иероглифическая единица характеризуется не только формой, но и определенной семантикой. В контексте данной статьи важно подчеркнуть, что она функционирует в качестве формально-семантического основания для объединения лексических единиц китайского языка в определенные подсистемы, которые мы предлагаем назвать иероглифическими гнездами, или

¹ Выполнено при финансовой поддержке Фонда фундаментальных исследований для центральных университетов Китая (Supported by the Fundamental Research Funds for the Central Universities).

семантико-иероглифическими гнездами. Они в какой-то степени аналогичны словообразовательным гнездам в индоевропейских языках, для которых структурно-семантическое тождество исходной первообразной единицы выступает объединяющим и скрепляющим воедино группы слов [2; 3], разнородных как по своим грамматическим, так и лексико-семантическим свойствам.

Соответственно, несмотря на кажущуюся и все возрастающую сложность китайского иероглифического письма, оно оказывается тем не менее достаточно экономно устроенной системой, поскольку каждый иероглиф есть не что иное как сочетание некоторых исходных элементов – радикалов. Характеризуемые в китайской лингвистической литературе как 偏旁部首 *pian pang bu shou* (главный радикал), 基础字符 *ji chu zi fu* (основной символ 字 *zi*), 汉字部件 *han zi bu jian* (структурная часть китайского 字 *zi*), 字根 *zi gen* (корневой 字 *zi*) и т.д., радикалы имеют свои собственные значения и потому функционируют как семантические символы ‘语义符号 *yu yi fu hao*’.

Первый словарь иероглифических единиц китайского языка «Шо Вэнь Цзе Цзы», в котором классификация единиц была проведена на основе радикалов, был составлен Сюй Шэнем еще в 121 г. н.э. Более поздние грамматики китайского языка, например, Ма Ши Вэнь Тун, которую написал Ма Цзянь-чжун в 1898 году, также исходят из того, что основной единицей в китайской грамматике является 字 *zi*. В 1998 году Китайским государственным комитетом по языкам был опубликован труд «Обработка информации GB13000.1 – спецификация набора символов и частей китайских 字 *zi*» [4]. В нем проведена классификация более чем 20000 современных китайских иероглифов, выделены 560 основных частей, и из них только 393 символа рассматриваются как ядерные. Это число ядерных символов не абсолютно и может варьироваться у разных авторов. Так, в Словаре китайских иероглифических единиц приводится 201 основной радикал [5].

Благодаря им иероглифическая запись десятков тысяч иероглифических единиц китайского языка предстает как комбинаторика этих основных, ядерных форм с определенными значениями, и главной задачей при усвоении этой системы оказывается усвоение системы радикалов, которые различаются своей продуктивностью. Так, согласно данным Гун Цзя-чжэня, в более чем 70 % 7000 современных китайских иероглифов используются всего лишь 52 радикала, образуя, по словам автора, основное и наиболее жизнеспособное корневое ядро иероглифической системы китайского языка с мощной

выразительной функцией [6, с. 193]. По своим семантическим свойствам эти 52 радикала разделяются Гун Цзя-чжэнем на три вида: 1) связанные с человеком и человеческим телом (например: 人 ren (человек), 女 nv (женщина), 目 mu (глаза), 口 kou (рот), 手 shou (рука), 足 zu (ноги), 心 xin (сердце), 肉 rou (мясо), 力 li (сила) и т.д.); 2) артефакты, т.е. то, что создано человеком (например: 衣 yi (одежда), 食 shi (еда), 门 men (дверь), 穴 xue (гнездо), 车 che (машина), 火 huo (огонь), 刀 dao (нож) и т.д.); 3) натурфакты, т.е. связанные с природой и природными явлениями (например: 日 ri (солнце), 雨 yu (дождь), 水 shui (вода), 土 tu (земля), 鸟 niao (птица), 鱼 yu (рыба), 虫 chong (насекомое/червяк), 石 shi (камень) и т.д.) [6, с. 194–197].

Данные радикалы функционируют в качестве категоризаторов, указывая на принадлежность обозначаемого к тому или иному роду. Так, с древних времен для обозначения разновидностей птиц на письме обязательно добавляется радикал 鸟 niao ‘птица’, рыб – радикал 鱼 yu ‘рыба’, насекомых – радикал 虫 chong ‘насекомое/червяк’ и т.д.

Важной при иероглифической записи становится таким образом семантическая связь записываемой единицы с логикой семантической конфигурации радикала. Исходя из этого, мы поставили своей задачей раскрыть, каким образом осуществляется организация слов по их письменной репрезентации. С этой целью мы отобрали слова китайского языка, в записи которых имеется радикал 女 nv ‘женщина’.

Следует сразу же отметить, что в китайском языке письменная форма слова 女 nv ‘женщина’ является радикалом. В названном выше словаре китайских иероглифических единиц [5] нами было найдено 178 слов-иероглифов, в состав которых входит радикал 女 nv ‘женщина’. Рассмотрим, какие семантические классы слов формируются на основе общности их иероглифической записи.

Анализ показывает, что слова, в письменной форме которых присутствует радикал 女 nv ‘женщина’, семантически тесно связаны. Прежде всего данный радикал присутствует в написании названий родства по женской линии: 妈 ma ‘мама’, 母 mu ‘мать’, 婆 po ‘бабушка’, 姑 gu ‘тетя’, 姨 yi ‘тетя’, 婶 shen ‘тетя’, 嫂 sao ‘жена старшего брата’, 姐 jie ‘старшая сестра’, 妹 mei ‘младшая сестра’, 妻 qi ‘жена’, 媳 xi ‘жена сына’. К ней могут быть отнесены также 妇(婦) fu ‘женщина’, 娃 wa ‘ребенок’, 婴 ying ‘ребенок’, 妃 fei ‘наложницы императора’, 妾 qie ‘наложницы’, 孀 shuang ‘вдова’, 妪 yu ‘старуха’.

Брачные отношения – еще одна семантическая сфера, названия в которой (например: 娶 *qu* ‘жениться’, 嫁 *jia* ‘замуж’, 婚 *hun* ‘свадьба’¹, 姻 *yin* ‘брак’, 媒 *mei* ‘сваха’, 姓 *xing* ‘фамилия’ и др.) на письме предстают как сочетания радикала 女 *nv* ‘женщина’ с другими радикалами.

Слова-характеристики женщины по разным параметрам: конституирующим (奶 *nai* ‘молоко/груди’, 妊 *ren* ‘беременная’), поведенческим (嬉 *xi* ‘смеяться/играть’), 妆 *zhuang* ‘украшать/нарядиться’), оценкой положительной (嫩 *nen* ‘нежный’, 娇 *jiao* ‘изнеженность/кокетливый’, 好 *hao* ‘хороша’, 媚 *mei* ‘привлекательный/льстивый’, 妙 *miao* ‘прелестный/умный’, 姿 *zi* ‘осанка/фигура/жест’, 婵 *chan* ‘красота/красавица’, 妍 *yan* ‘красота’, 娥 *e* ‘красивая осанка/красавица’, 嫣 *yan* ‘красота/яркий цвет’, 娴 *xian* ‘благовоспитанный/спокойный’) или отрицательной (嫌 *xian* ‘антипатия/недовольство’, 妒 *du* ‘ревнивый’, 妄 *wang* ‘самонадеянный/нереальный’, 婪 *lan* ‘жадный/алчный’) также на письме предстают как связанные с радикалом 女 *nv* ‘женщина’.

Используется данный радикал и при написании обозначений женщин-проституток и обозначений связанного с ними поведения (слова 妓 *ji* ‘проститутка’, 婊 *biao* ‘шлюха / уличная девка’, 嫖 *piao* ‘развратничать с проституткой’, 奸 *jian* ‘прелюбодеяние/изнасиловать/коварный’), а также лиц с низким социальным статусом. Таковы 奴 *nu* ‘раб/служащий’, 妖 *yao* ‘кикимора/вакханка’, 娱 *yu* ‘увеселение’, 婢 *bi* ‘служанка’ и др.

Очевидно, что выделяемые нами семантические группы образуют единый фрейм, отражающий разные, но сопричастные стороны существования и жизнедеятельности женщины.

Интересно, что по характеру иероглифической записи слово 男 *nan* ‘мужчина’ в китайском языке кардинально отличается от слова 女 *nv* ‘женщина’, не являясь радикалом, а подчиняясь радикалу 力 *li* ‘сила’. То есть 男 *nan* ‘мужчина’ в написании предстает как двухкомпонентная структура, имеющая две части: 力 *li* ‘сила’ и 田 *tian* ‘земля’. Соответственно, 男 *nan* ‘мужчина’ – это человек, которые работает на земле [4, с. 1992]. В словаре

¹ В данной работе при переводе мы ориентируемся на значение слова в современном китайском языке, не принимая во внимание иную его семантику в древнем китайском языке. На этом основании *-hun* переводится нами как ‘свадьба, жениться или выходить замуж’, хотя в древнем китайском языке это слово означало ‘семья жены’.

китайских иероглифических единиц нами найдено 42 иероглифа с радикалом 力 *li* ‘сила’ [5]. По своим семантическим характеристикам они формируют две группы:

1) обозначения лиц, связанных родством (семейными отношениями), например: 幼 *you* ‘малый / ребенок’, 甥 *sheng* ‘сын у сестер’;

2) обозначения черт или видов деятельности, присущих мужчинам: 力 *li* ‘сила’, 勇 *yong* ‘храбрый / мужественный / смелый / дерзкий’, 勤 *qin* ‘трудолюбивый’, 劳 *lao* ‘труд’, 动 *dong* ‘двигаться’, 励 *li* ‘поощрить / побудить’, 功 *gong* ‘стараться / успех’, 务 *wu* ‘дела / делать’, 助 *zhu* ‘помочь / помогать’, 劣 *lie* ‘плохой / злодеяние’, 劫 *jie* ‘грабить / разбойничать’.

Как явствует из приведенных данных, иероглифическая репрезентация слова 男 *nan* ‘мужчина’, с одной стороны, строится по тому же семантическому принципу, что и 女 *nv* ‘женщина’, но связи этого слова, выводимые из общности радикала, иные и гораздо более ограниченные по сравнению со словом 女 *nv* ‘женщина’. Различия в статусе элементов иероглифической записи позволяют противопоставить данную пару слов по признаку первичности и производности. Первичность элемента иероглифической записи (его статус как радикала) 女 *nv* ‘женщина’ и вторичность иероглифической записи 男 *nan* ‘мужчина’ оказываются важными факторами, предопределяющими как семантико-иероглифические гнезда, которые они образуют или в которые входят, так и широту и специфику семантических связей и, следовательно, объем семантико-иероглифического гнезда.

Интересно, что в китайском языке слово 夫 *fu* ‘муж’ не входит в состав семантического иероглифического гнезда, к которому принадлежит слово 男 *nan* ‘мужчина’. Согласно данным словаря, 夫 *fu* ‘муж’ – это взрослый и высокий мужчина [4, с. 1430], и по своей записи слово 夫 *fu* ‘муж’ подчинено радикалу «大 *da* ‘большой’, попадая соответственно в его иероглифическое гнездо, в которое входят также 天 *tian* ‘небо’, 头 *tou* ‘голова’, 夺 *duo* ‘грабить’, 奔 *ben* ‘бегать’, 奋 *fen* ‘стараться’, 美 *mei* ‘красивый’ и некоторые другие.

Таким образом, формальные (начертательные) и семантические свойства элементов иероглифического письма в китайском языке лежат в основе своеобразной формально-семантической классификации словарного состава китайского языка, в которой общность начертательных знаков в иероглифической записи слов ведет к образованию семантически связанных подсистем

лексических единиц – семантико-иероглифических гнезд, не связанных в звуковом плане, но формирующих тем не менее достаточно тесно спаянные единства. Словесное наполнение этих семантико-иероглифических гнезд демонстрирует еще один, весьма примечательный тип категоризации и концептуального членения окружающего нас мира и тем самым многогранность путей языковой структуризации знания, получаемого в результате нашей познавательной деятельности. Насколько специфичной может оказаться эта структуризация, можно увидеть на примере иероглифической записи наименований эмоций, которые на письме оказываются связанными с радикалом 心 xīn ‘сердце’ (например, 怒 nù ‘гнев/сердиться/раздражаться’ и 急 jí ‘спешить/ торопиться/волноваться’, 怨 yuàn ‘ненависть/вражда’, 恐 kǒng ‘бояться’, 悲 bēi ‘печальный/горе/ пессимизм’, 愁 chóu ‘горевать/тоска/ беспокоиться’), в то время как 哀 āi ‘печаль/горько/грусть’, 喜 xǐ ‘радость/ веселье’ по своему начертанию связаны с радикалом 口 kǒu ‘рот’, потому что выражения печали и радости – плач и смех, связаны с движениями рта.

В заключение хотелось бы подчеркнуть следующее. Иероглифическое письмо в китайском языке, являясь богатейшим историческим наследием и гордостью китайской нации, представляет собой достаточно четко организованную семиотическую систему с практически неограниченными выразительными возможностями. В основании ее прочности и незыблемости или, как отмечает Цао Сянь-чжо, крови китайского иероглифа – качества выразительности [7] лежит семантический фундамент радикалов, на котором строится иероглифическое письмо в китайском языке. Когнитивная значимость информации о человеке и основополагающих объектах окружающего мира и их свойствах, передаваемой радикалами, приводит не только к сохранению китайской иероглифической системы в течение тысячелетий, но и, как мы старались продемонстрировать выше, к формированию тесно связанных формально-семантических единств – семантико-иероглифических гнезд, в своем своеобразном переплетении передающих бесценный опыт систематизации знаний, полученных в результате человеческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Selkirk, E. The Syntax of Words / E. Selkirk . – Cambridge, Mass, 1982. – 135 p.*
2. *Тихонов, А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка / А. Н. Тихонов. – Самарканд, 1971. – 387 с.*

3. *Соболева, П. А.* Аппликативная грамматика и моделирование словообразования: автореф... дис. д-ра филол. наук: 10.677 / П. А. Соболева; Моск. гос. пед. ин-т ин. яз. им. Мориса Тореза. – Москва, 1970. – 60 с.
4. 国家语委发布:《信息处理用GB13000.1字符集汉字部件规范》, 语文出版社1998年版。(В Китайском государственном комитете по языкам «Обработка информации GB13000.1 – спецификация набора символов и частей китайских 字zì», 1998 г.)
5. 说文解字今释(上下), (东汉)许慎著, 汤可敬编撰, – 长沙: 岳麓书社, 1997. – 2489 с. (Специализированный словарь по семантическому значению китайского иероглифа – объяснение по «Шо Вэнь Цзе Цзы», 1997 г.)
6. 龚嘉镇, 汉字核心字根的构形表意及其历史演变, 中国文字研究, 第十八辑, 2013年02期, с. 193–204. (Гун Цзя-чжэнь, Форма и значение основного корня китайских иероглифов и его исторической эволюции, 2013 г.)
7. 先擢《汉字的表意性和汉字简化》, 载中国社会科学院语言文字应用研究所编:《汉字问题学术讨论会论文集》, 语文出版社1988年版, с. 23. (Цао Сянь-чжо, Выразительность китайского иероглифа и современные упрощенные китайские иероглифы, 1988 г.)
8. 新华字典, 第11版. – 北京: 商务印书馆, 2013. – 711 с. (Словарь китайских иероглифических единиц “字zì”, 2013 г.)

In the paper an analogy between word formation and hieroglyphic word nests as groups of words united by formal-semantic ties is drawn. In the first case it is the root morpheme, in the second –the radical that bring words together. The semantic ties of lexical items grouped in their written forms into hieroglyphic nests by the identity of the radical as well as specificity of hieroglyphic nests based on different radicals are demonstrated.

Ю. И. Петракова

ВЛИЯНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА АКТИВНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ВО ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ

(на материале наименований частей тела в современном немецком языке)

В статье представлены результаты анализа лексических единиц, участвующих в словообразовании и семантической деривации. Установлено, что данные способы номинации могут задействовать как общие, так и специфические единицы. В настоящей статье рассматривается степень влияния стилистических характеристик исходных единиц

на возможность их использования в словообразовании и семантической деривации. Установлено, что несовпадение производящих единиц для исследуемых способов номинации в некоторой степени обусловлено способностью словообразования избирательно вовлекать в процесс вторичной номинации термины, в то время как в семантической деривации данный пласт стилистически окрашенной лексики не участвует.

Как известно, участие единицы в качестве производящей в номинативном процессе регулируется, наряду с внеязыковыми механизмами номинации, рядом языковых факторов, среди которых, например, фонологические, структурные, стилистические, этимологические, лексико-семантические, общекатегориальные, синтаксические характеристики единиц¹. Данные факторы, действуя в тесной взаимосвязи, способствуют активному использованию единицы во вторичной номинации или, наоборот, ограничивают его, при этом их роль в отдельных процессах вторичной номинации – словообразовании и семантической деривации – может быть неодинаковой. Для того чтобы установить, какое значение имеет то или иное свойство единицы для ее участия в словообразовании и семантической деривации, необходимо рассмотреть с позиций выбранной характеристики источники данных способов номинации. В настоящей статье представлены результаты анализа стилистических характеристик исходных единиц как фактора, влияющего на возможность их использования в качестве производящих баз в словообразовании и семантической деривации.

Языковым материалом для исследования послужили наименования частей тела современного немецкого языка. Почти треть 100-словного списка М. Сводеша [2], представляющего собой минимальный инвентарь «стержневых», базовых единиц, формируют наименования частей тела (29 единиц из 100), что свидетельствует о важной роли данных единиц в лексической подсистеме языка. Естественным следствием этого является и высокая активность наименований частей тела в процессе номинации [3, с. 702], которая делает их «благодарным» материалом для настоящего исследования.

Отбор исследуемых единиц проводился на основе семантического словаря Ф. Дорнзайффа «Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen», в котором количество наименований частей тела составило 345 единиц. Для того чтобы установить, как данные наименования участвуют в словообразовании и семантической деривации, были проанализированы образованные от них

¹ Влияние ряда языковых характеристик производящей основы на ее участие в суффиксальном словообразовании рассматривается, например, при составлении так называемой анкеты суффикса [1, с. 202–233].

имена, представленные словообразовательными производными в словаре под ред. Й. Шплетта «Deutsches Wortfamilienwörterbuch» и вторичными значениями в толковом словаре немецкого языка «Duden. Das große Wörterbuch». Несмотря на то, что словари не в состоянии охватить все возможные производные единицы, вследствие чего их список является открытым, мы считаем полученные данные показательными, и представляется возможным опираться на них в нашем анализе.

Поскольку составители словаря Ф. Дорнзайффа в качестве основополагающего критерия для отбора материала выбрали частотность единиц в корпусе немецкого языка [4, S. 198], количество стилистически маркированных единиц, представленных в данном словаре, ограничено. Однако такие единицы не исключены из него полностью, что позволяет проверить влияние стилистического фактора на активность единицы во вторичной номинации.

Стилистическая классификация лексических единиц традиционно предполагает противопоставление нейтральным (общеупотребительным) словам единиц со «специфическим употреблением», ограниченным тем или иным стилем [5, S. 364–365]. Последняя группа единиц представлена словами с функционально-стилистической, экспрессивно-стилистической и социальной окраской [6, с. 12; 7, с. 453–456]. Принимая во внимание отсутствие единой стилистической классификации, существование разногласий относительно типологии стилистических средств [6, с. 4], мы, тем не менее, считаем возможным привлечь для нашего анализа стилистическую информацию, представляемую специальными пометами в словаре Duden, например: *derb* ‘грубый, вульгарный’, *scherzhaft* ‘шутливый’, *Med.* ‘медицина’, *Geometrie* ‘геометрия’ и др. Это решение обусловлено предположением о том, что ограничительные пометы, использованные даже в одном лексикографическом источнике, уже сообщают о высокой вероятности «употребления слова в какой-либо одной «среде», в одном круге текстов» и свидетельствуют о его стилистической маркированности [8, с. 55].

В ходе исследования были выделены наименования, деривационно пассивные, не участвующие во вторичной номинации, и активные, т.е. задействованные в процессах словообразования и/или семантической деривации, в количестве 108 и 237 единиц соответственно. На первом этапе исследования было выявлено, как стилистическая маркированность единицы влияет на возможность ее использования в качестве источника номинации.

Среди наименований частей тела, не участвующих в словообразовании и семантической деривации, более трети (42 из 108) представлены

единицами с ограниченным употреблением – терминами¹ (*der Brustkorb* ‘(анат.) грудная клетка’, *der Lauscher* ‘(охот.) ухо зверя’) и единицами с эмоцио-нально-экспрессивной окраской (*die Fresse* ‘(груб.) рожа’, *die Pranke* ‘(груб., фам.) лапа (о руке человека)’).

Однако действие стилистического фактора не исключает полностью участие стилистически маркированных единиц во вторичной номинации. Несмотря на то, что такие единицы, как правило, составляют периферию ЛСГ² [12; 13] и значительно реже задействуются в качестве производящих баз, среди наименований, участвующих в дальнейшей номинации, наряду с нейтральными присутствуют и 52 стилистически маркированные единицы, которые входят в производящие области как словообразования, так и семантической деривации: *das Bindegewebe* ‘(анат.) соединительная ткань’ – *die Bindegewebefaser* ‘(анат.) волокно соединительной ткани’, *die Pfote* ‘(груб.) лапа (о руке)’ – ‘(пренебр.) плохой почерк’.

Полученные данные позволяют предположить, что, хотя стилистическая окраска лексической единицы и не способствует ее активности в качестве источника номинации, действие данной характеристики как ограничительного фильтра не абсолютно. Более того, участие или пассивность исходной единицы во вторичной номинации определяется, как отмечалось выше, и иными ее свойствами. Так, среди деривационно пассивных единиц есть 66 стилистически нейтральных наименований, неучастие которых во вторичной номинации объясняется другими причинами. Правомерным представляется предположение о том, что языковые и внеязыковые факторы действуют в совокупности,

¹ В настоящем исследовании используется широкая трактовка понятия «термин», в которой между собственно терминами и профессионализмами, по сути, поставлен знак равенства: «Термин – это слово или словосочетание «...», имеющее профессиональное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе (и для) познания и освоения некоторого круга объектов и отношений между ними под углом зрения определенных профессий» [9, с. 9]. П. Фабер также не проводит разграничения между терминами и профессионализмами, обозначая их как единицы специального знания – *specialized knowledge units* [10, p. 13] и тем самым подчеркивая присущую им ограниченность определенным набором контекстов. Исходя из того, что в рамках производящей области изучается активность стилистически маркированных единиц в их противопоставлении нейтральным, а также учитывая сходства профессионализмов и терминов (специализация значения, ограниченная сфера употребления), мы не считаем разграничение данных пластов лексики принципиально важным для данного исследования. Вторая трудность при выделении терминов состоит в пограничном положении общеупотребительных стилистически нейтральных единиц, напр. *die Nase* ‘нос’, которые в определенной ситуации также могут быть названы терминами. Однако такие единицы не обозначают понятия из области специального знания, могут употребляться во всех контекстах и потому в настоящем исследовании не были отнесены к терминам.

² Несмотря на то, что с позиций конструктивистского подхода правомерность понятий «центр» и «периферия» оспаривается [11, p. 222–223], такое различение языковых единиц в функциональном плане представляется нам релевантным.

детерминируя номинативную активность или пассивность исходной единицы. Однако неразрывное действие ряда причин одного феномена не исключает их поочередного рассмотрения [14, с. 32], что позволяет на данном этапе сконцентрироваться на стилистических характеристиках исходного наименования.

Среди единиц, вовлеченных в номинативный процесс и составляющих производящие области исследуемых способов номинации, есть источники, как общие для словообразования и семантической деривации, так и специфические, проявляющие избирательность по отношению к одному из способов. Таким образом, производящие области словообразования и семантической деривации частично пересекаются.

В результате рассмотрения специфических источников с позиции их стилистических характеристик установлено, что различие производящих областей словообразования и семантической деривации отчасти обусловлено неодинаковой способностью данных способов номинации использовать в качестве производящих баз стилистически маркированные единицы.

Так, участие терминов во вторичной номинации возможно только посредством их вовлечения в словообразование, в то время как единицы с эмоционально-экспрессивной окраской активны как в словообразовании (СО), так и в семантической деривации (СД) (см. рис. 1).

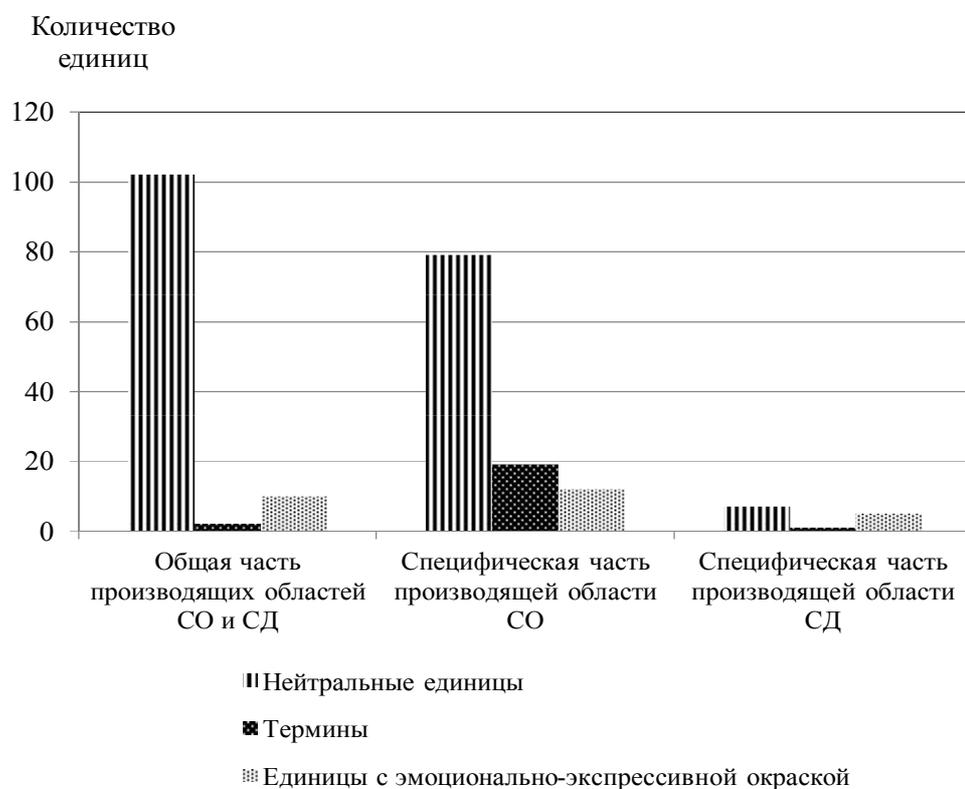

Рис. 1. Стилистические характеристики единиц, входящих в общую и специфические части производящих областей словообразования и семантической деривации

Для того чтобы выявить значимость стилистических характеристик производящей единицы для каждого способа вторичной номинации, было установлено соотношение нейтральных единиц, терминов и единиц с эмоционально-экспрессивной окраской внутри каждой производящей области (см. рис. 2 и 3).

Рис. 2. Стилистические характеристики единиц производящей области словообразования

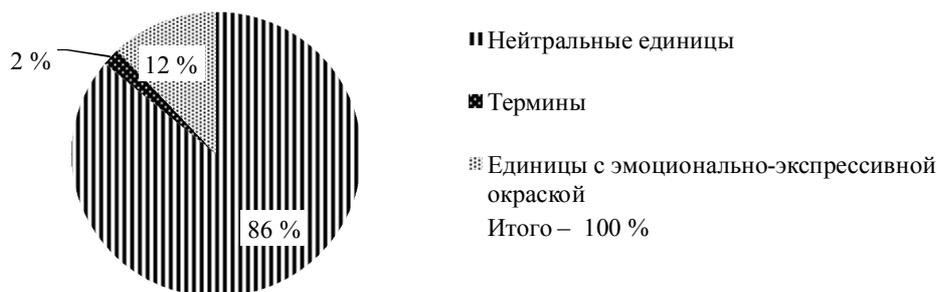

Рис. 3. Стилистические характеристики единиц производящей области семантической деривации

Как видно, стилистически маркированные единицы используются в качестве производящих обоими способами номинации, на основании чего можно констатировать отсутствие жесткой связи между стилистически маркированной единицей и каким-либо одним способом номинации.

В пределах производящих областей словообразования и семантической деривации нейтральные единицы и единицы с эмоционально-экспрессивной окраской обнаруживают приблизительно сходную значимость (81 %, 10 % и 86 %, 12 % соответственно), в то время как использование терминов более характерно для словообразования, нежели для семантической деривации (9 % и 2 %). Так, термины активно задействованы в дальнейшем терминообразовании посредством словосложения: *die Bindehaut* '(анат.) конъюнктив' – *die Bindehautentzündung* '(мед.) конъюнктивит', *das Fell* '(анат.) покров, оболочка' – *das Zwerchfell* '(анат.) диафрагма', *die Speiche* '(анат.) лучевая кость' – *die Speichenarterie* 'лучевая артерия'.

Анализ производных единиц показывает, насколько значима для результатов номинации стилистическая маркированность исходных наименований: она не только ограничивает способность единиц участвовать во вторичной номинации, но затрагивает и производные единицы. Если термины, как показано выше, участвуют только в терминообразовании, то результат участия производящих единиц с эмоционально-экспрессивной окраской – наименования, сообщающие идентичную стилистическую информацию: *die Klaue* ‘(фам., пренебр.) лапа (о руке)’ – ‘(фам., пренебр.) плохой почерк’; *der Kolben* ‘(фам.) носище’ – *der Riechkolben* ‘(фам.) носище’; *der Leib* ‘(выс.) живот’ – *der Mutterleib* ‘(выс.) материнское лоно’.

Таким образом, наименования частей тела в немецком языке, формируя производящие области словообразования и семантической деривации, обнаруживают неодинаковую активность, которая наряду с другими факторами обусловлена их стилистическими характеристиками. Если нейтральные единицы и единицы с эмоционально-экспрессивной окраской используются в качестве источников номинации и словообразованием, и семантической деривацией, то термины проявляют избирательность практически только по отношению к словообразованию, отчасти обуславливая разницу в объемах производящих областей способов вторичной номинации. Участие терминов и единиц с эмоционально-экспрессивной окраской в процессах словообразования и семантической деривации всегда влечет за собой возникновение стилистически маркированных единиц, что демонстрирует особый статус исследуемых источников номинации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е. С. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа / Е. С. Кубрякова, З. А. Харитончик // Принципы и методы семантического исследования : сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1976. – С. 202–233.
2. Списки Сводеша для германских языков // Википедия – свободная энциклопедия. [Электронный ресурс] – 2016. – Режим доступа : <https://ru.wiktionary.org/wiki/>. – Приложение: Списки_Сводеша_для_германских_языков. – Дата доступа : 15.03.2016.
3. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
4. Quasthoff, U. Methodologische Einführung / U. Quasthoff // Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen ; Hrsg. F. Dornseiff, U. Quasthoff, H.E. Wiegand. – 8. Auflage. – Berlin : De Gruyter, 2004. – S. 193–206.

5. *Sowinski, B.* Dimensionen der Bedeutung IV : Stilistische Aspekte / B. Sowinski // Lexikologie : Ein internationales Handbuch zur Natur und Struktur von Wörtern und Wortschätzen / D. A. Cruse [u.a.]; hrsg. D. A. Cruse, F. Hundsnurscher, M. Job, P. R. Lutzeier. – Berlin : de Gruyter, 2002. – 1. Halbband. – S. 363–370.
6. *Петрищева, Е. Ф.* Стилистически окрашенная лексика русского языка / Е. Ф. Петрищева. – М. : Наука, 1984. – 222 с.
7. *Кожина, М. Н.* Стилистический энциклопедический словарь / М. Н. Кожина. – М. : Флинта, 2011. – 696 с.
8. *Денисов, П. Н.* Лексика русской разговорной речи / П. Н. Денисов, Г. Ф. Кузьмина // Проблемы учебной лексикографии / П. Н. Денисов [и др.]; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. – С. 43–72.
9. *Головин, Б. Н.* Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, П. Ю. Кобрин. – М. : Высшая школа, 1987. – 105 с.
10. *Faber, P.* Terminology and specialized language // A cognitive linguistic view of terminology and specialized language / P. Faber [et al.]; ed. P. Faber. – Berlin : de Gruyter, 2012. – P. 13–33.
11. *Goldberg, A. E.* Constructions : a new theoretical approach to language / A. E. Goldberg // Trends in cognitive sciences. – Vol. 7. – 2003. – No. 5. – P. 219–224.
12. *Банкевич, В. В.* К вопросу о соотношении лексико-семантических и тематических групп / В. В. Банкевич // Семантика слова и предложения : межвуз. сб. науч. тр. / Ленингр. гос. пед. ун-т ; под ред. В. М. Аринштейн [и др.]. – Л. : ЛГПИ, 1985. – С. 30–35.
13. *Козельская, Н. Д.* Лексико-семантическая группа глаголов изменения функционального состояния в современном русском языке : (К проблеме формирования) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. Д. Козельская ; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 1984. – 24 с.
14. *Ginzburg, R. S.* A course in modern English lexicology : учебник / R. S. Ginzburg, S. S. Khidekel, G. Y. Knyazeva, A. A. Sankin. – 2nd edition, revised and enlarged. – М : Высшая школа, 1979. – 269 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СЛОВАРЕЙ

Dornseiff : Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen [Электронный ресурс]. – Электр., текстовые дан. и прогр. (18,7 Мб). – Berlin : De Gruyter, 2004. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Duden : Das große Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. – Электр., текстовые дан. и прогр. (280 Мб). – Berlin : De Gruyter, 2012. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Splett, J. Deutsches Wortfamilienwörterbuch : 19 Bde / J. Splett. – Berlin : De Gruyter, 2009. – 19 Bde.

The article focuses on the interaction of word formation and semantic transfer in the sphere of naming sources. Both ways of naming can share the sources but there are also specific units used by word formation or by semantic transfer only, which is caused to some extent by stylistic characteristics of the naming sources.

А. В. Любецкая

ТИПЫ ИДИОМАТИЧНОСТИ СЕМАНТИКИ ОТЫМЕННЫХ ГЛАГОЛОВ

Семантическое описание конверсии как одного из наиболее продуктивных способов словообразования в современном английском языке усложняется идиоматичностью семантики производных единиц, образованных данным путем словообразования. Формирование семантики образованных по конверсии слов может быть обусловлено воздействием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, вследствие чего не всегда возможно предсказать направление развития значения дериватов. Наша работа направлена на выявление типов идиоматичности отыменных глаголов, образованных по конверсии, в современном английском языке.

Понятие ‘идиоматичность’ является достаточно непростым для описания и определения. В первую очередь оно характерно для комплексных языковых единиц, а именно: свободных и фразеологических сочетаний. Комплексные единицы, согласно З. А. Харитончик, это «единицы, формально и семантически образованные и, следовательно, зависимые от соответствующих исходных производящих единиц» [1, с. 110]. Однако в ходе их образования возникает частичная невыводимость значения единицы из значений входящих в ее состав компонентов, так как может иметь место «сдвиг в значении хотя бы одного компонента сочетания» [2, с. 84]. Наиболее наглядно данное явление представлено у фразеологических единиц, для которых идиоматичность является основной и наиболее яркой характеристикой. Идиоматичность свойственна для устойчивых сочетаний лексем с полнотью или частично переосмысленным значением [3, с. 26]. Это означает, что совокупность значений слов, входящих в состав фразеологизма, не отражает его конечное значение (*be born with a silver spoon in one's mouth* –

‘в сорочке родиться’; *carry the guns* – ‘быть хорошо подготовленным’ и др.). Идиоматичность может быть присуща также некоторым свободным словосочетаниям, когда уровень мотивированности и, соответственно, выводимости значения словосочетаний различен (ср. *deep river* – *deep trouble*), что позволяет говорить о некоторой переносности значения, вызывающей трудности его определения.

Наряду со словосочетаниями разного типа существуют комплексные единицы по своей структуре более простого порядка, а именно сложные и аффиксальные слова, которым также свойственна идиоматичность. Например, как указывает профессор А. И. Смирницкий [4, с. 117], при расчленении слова *blackboard* на составляющие мы получим комбинацию значений ‘черный’ + ‘доска’, что не имеет ничего общего с доминирующим значением ‘классная доска’, которым данное слово обладает. Рассматривая вопрос идиоматичности в аффиксальных словах, И. Г. Милославский также отмечает, что помимо ‘инвариантных’, то есть постоянно присущих, типичных значений, существуют также так называемые ‘приращенные значения’ [5, с. 9]. Это происходит оттого, что «слово означает больше, чем сумма значений составляющих его морфем» [Там же], и, как подчеркивает И. Г. Милославский, не всегда представляется возможным вывести значение слова, опираясь исключительно на семантику его составляющих морфем. Аналогичную идею проводит и И. С. Улуханов [6, с. 97], отмечая, что даже в случаях тождества мотивирующей части (напр., *невец* – *невун*) семантика производных значительно отличается, что происходит именно благодаря определенной коннотации, то есть ‘дополнительному семантическому компоненту’.

В лингвистической литературе указываются следующие причины возникновения идиоматичности у производных слов. Во-первых, идиоматичность может развиваться в результате транспозиции, имеющей место при образовании производного слова. «В ходе транспозиции единиц из одной категории в другую достигается новое видение обозначаемого» [1, с. 248]. Это предполагает, что в образованном слове, как правило, присутствует свой элемент, оттенок значения, который не прослеживался в производящем его слове. Идиоматичность возникает, кроме того, в ходе лексикализации, когда «наблюдается полная либо частичная потеря исконной мотивации слова, в результате чего возникают новые значения производного слова, однако прямо не связанные с семантикой его производящей базы» [1, с. 253]. Произойти подобное может в результате исторического развития производного слова, в том числе и образованного по конверсии глагола. Как указывает Е. Кларк, Г. Кларк, «Каждый глагол, следовательно, приобрел свое настоящее значение в ходе сложного исторического процесса, который мы будем

называть идиоматизацией» [7, р. 804]. Рассматривая аспект возникновения идиоматичности с позиции диахронии, авторы подчеркивают, что глаголы проходят путь своего развития от состояния 'инноваций' до 'идиом' (важно, что не все глаголы четко проходят ступеньки развития последовательно, а также необязательно все из них). В результате прохождения данных этапов, в ходе достаточно длительного и глубинного процесса трансформации внутренней семантики глагола зачастую связь с породившим его словом становится все слабее, а нередко может быть утеряна вовсе. «Приращение» к значению производного слова дополнительных коннотаций, оттенков значения делает его более специфическим или же, наоборот, более широким, что может привести к невыводимости значения, или идиоматичности.

Еще одной причиной возникновения идиоматичности производных отыменных слов является тот факт, что имя существительное по своей сути представляет собой комплексное образование, т.е. обладает не одним, но целым рядом признаков, одни из которых являются доминирующими, другие – второстепенными, «периферийными». Соответственно, «...для семантического моделирования словообразовательных явлений требуется учет не только доминирующих, ведущих семантических признаков лексической единицы, но и их потенциальных сем, актуализируемых в определенных ситуациях и определяющих словообразовательную активность слова» [1, с. 244]. Таким образом, множество признаков, присущих имени существительному, обуславливает широкий простор для действия процесса конверсии. Предсказать, в каком направлении данный процесс будет развиваться в каждом отдельном случае, едва ли возможно. Именно по этой причине глаголы, образованные по конверсии, очень часто обладают столь разветвленной структурой многозначности и идиоматических значений.

Наконец, необходимо отметить случаи, когда в ходе развития семантики глагола возникающие новые значения могут быть не в полной мере связаны с производящим существительным, но быть результатом развития семантической структуры самого глагола. Семантическое развитие в лингвистической литературе рассматривается как отдельный случай лексикализации.

В рамках данной работы мы рассматриваем причины возникновения идиоматичности у слов, образованных по конверсии, пытаюсь выяснить, насколько идиоматичность характерна для глаголов, образованных по конверсии от имен существительных, и какие типы идиоматичности встречаются у отыменных глаголов.

При отборе материала для определения семантической зависимости одного слова от другого мы руководствовались словообразовательными и семантическими критериями, представленными в лингвистических работах

Г. Маршана, А. И. Смирницкого, П. А. Соболевой и др. Проведенное нами исследование показало, что значительное число отыменных глаголов (69 % из 268 единиц, выбранных из словаря Longman Dictionary of Contemporary English (New Edition, for advanced learners, fifth edition, 2009) характеризуется наличием идиоматичных значений. В их число входят, например: *ace, arm, assault, axe, bloom, bomb, breast, bruise, delegate, doubt, discipline, etc.* Это означает, что в ходе конверсии либо одно, либо несколько значений глагола, в случае его многозначности, при их соотнесении с первоначальной производящей базой – существительным, содержат дополнительный невыводимый компонент, предопределяющий возникновение идиоматичности с разной степенью проявления. Были установлены следующие типы идиоматичности отыменных глаголов в современном английском языке.

Первый тип идиоматичности отыменных глаголов связан с **невыводимостью объекта/субъекта** действия (напр., у локативных, инструментальных и др. глаголов). При данном типе идиоматичности в значении(ях) производного глагола наблюдается сужение значения до конкретного объекта/субъекта действия, выбор которого объяснить не всегда представляется возможным. Например: *beach (v) – 1) to pull a boat onto the shore from the water; 2) if a whale beaches itself or is beached, it swims onto the shore and cannot get back in the water.* Оба значения многозначного глагола связаны с семантикой производящего существительного *beach (n) – an area of sand or stones at the edge of the sea or a lake* благодаря сохранению компонента ‘песчаная или каменистая поверхность у края моря или озера’, т.е. ‘песчаный или каменистый берег’. В дефинициях обоих значений сохранена локация – берег, однако возник объект, над которым совершается действие – лодка в первом и кит во втором, чего нет в значении существительного. Во втором случае кит может также выступать и как субъект действия – выбрасываться на берег. Кроме того, значения глагола отличаются и в том плане, что в первом акцент сделан на действии – *to pull a boat onto the shore* ‘тянуть лодку на берег от воды’, во втором – на результат – кит *cannot get back in the water* ‘не может вернуться в воду’.

Аналогичная картина наблюдается и в семантике глагола, образованного от существительного *bottle* ‘бутылка’ – ‘a container with a narrow top for keeping liquids in, usually made of plastic or glass’. Наряду с сохранением семы «инструмента» действия в значении глагола *bottle* ‘*to put a liquid, especially wine or beer, into a bottle after you have made it*’ присутствуют дополнительные, уточняющие факторы – поместить в бутылку ‘в частности, вино или пиво после того, как напиток изготовлен’. Таким образом, акцент делается на объект – вино или пиво, т.е. алкогольный продукт, следовательно, глагол

сужает сферу своего применения. Второе значение глагола ‘to put vegetables or fruit into special glass containers in order to preserve them’ является еще более переосмысленным, поскольку объектом выступают фрукты или овощи, а не «жидкость», сама бутылка рассматривается с точки зрения тары, контейнера, используемых для их сохранения.

Невыводимость значения может быть связана с **невыводимостью цели** применения предмета, обозначаемого именем существительным, которая сужается либо расширяется в зависимости от каждого отдельного глагола. При этом, в отличие от первого типа, объект/субъект может оставаться неизменным. Например: **document**(n) – 1) *a piece of paper that has official information on it*; 2) *a piece of written work that is stored on a computer*; **document** (v) – 1) *to write about something, film it, or take photographs of it, in order to record information about it* ‘написать о чем-либо, записать на пленку, снять фотографии, с целью записать/сохранить конкретную информацию о чем-либо’. В паре **airbrush** (n) – *a piece of equipment that uses air to put paint onto a surface*; **airbrush** (v) – *to use an airbrush to make a picture or photograph look better* идиоматичность наблюдается в конкретизации цели использования пульверизатора: ‘чтобы улучшить внешний вид картины или фотографии’.

Другой тип идиоматичности является результатом процесса лексикализации и реализуется в виде **метафорического переноса и переосмысления значения по отношению к производящей основе**.

В конверсионной паре **barge** (n) – *a large low boat with a flat bottom, used for carrying goods on a canal or river*; **barge** (v) – *to move somewhere in a rough careless way, often hitting against things* семантика глагола сформирована на основе смежной характеристики. Несмотря на то, что она не указана в дефиниции существительного, общеизвестно, что баржи (‘большие низкие лодки’), как правило, перемещаются медленно, неуклюже. В соответствии с подобной характеристикой образовалось переосмысленное значение глагола ‘неуклюже передвигаться, зачастую наталкиваясь на предметы’.

Направление развития данного типа идиоматичности предсказать достаточно трудно, поскольку производный от существительного глагол за основу своего значения может взять лишь отдельный компонент семантического значения производящей основы. В конверсионной паре **breeze** (n) – *a gentle wind*; **breeze** (v) – 1) *to walk somewhere in a calm confident way*; 2) *to do very well in a test, a piece of written work, etc. with very little effort*. Компонент ‘легкий ветер’ вовсе отсутствует в значениях производного глагола, значения которого переняло лишь качество, характеризующее производящее – компонент ‘легкости’. Достаточно проблематично объяснить, почему значения

глагола сузились именно до манеры человека идти – ‘пройти куда-то легкой уверенной походкой’, куда, более того, добавился компонент «уверенно», и до успеха в написании работы – ‘очень хорошо справиться с тестом, письменной работой и т.д.’, с дополнительным компонентом ‘с приложением минимальных усилий’.

Идиоматичность данного типа представлена также примерами, где глагол отражает значение **выполнять действие, схожее по функции, либо характеризующее данное существительное.**

Например, у глагола *anchor* одним из значений является ‘to fasten smth firmly so that it cannot move’. В данном случае не актуализируется значение производящего существительного ‘якорь’ (*anchor (n) – a piece of heavy metal that is lowered to the bottom of the sea, a lake etc. to prevent a ship or boat moving*), однако имеет место аналогия по функции ‘надежно закрепить нечто’.

Значение глагола *ace (v) – to do very well in an examination, a piece of written work, etc.* возникло на основе одного из двух значений существительного: *ace (n) – 1) playing card – a playing card with a single spot on it, which usually has the highest value in a game; 2) skilful person – someone who is extremely skilful at doing something.* Семантика глагола является метафорическим применением существительного в его первом либо втором значении. В первом случае для успешной сдачи экзамена у человека в рукаве должен быть ‘туз’, а именно: хорошая подготовка, возможность списать и т.д. В другом случае успех экзамена зависит от мастерства сдающего.

В конверсионной паре *brain (n) – 1) the organ inside your head that controls how you think, feel, and move; 2) the ability to think clearly and learn quickly; 3) inf someone who is intelligent, with good ideas and useful skills; 4) the brain of an animal, used as food; brain (v) – inf to hit someone very hard on the head (used humorously)* метафорическое использование производного глагола проявляется в его использовании в юмористическом контексте. Имеет место частичная идиоматичность, поскольку, несмотря на сдвиг в значении, возможно проследить связь между ‘мозг’ – ‘ударить кого-то сильно по голове’.

У существительного *axe (n) – 1) a tool with a heavy metal blade on the end of a long handle, used to cut down trees or split pieces of wood* существуют несколько других значений: *2) the axe informal if someone gets the axe, they are dismissed from their job; 3) the axe informal if a plan, system, or service gets the axe, someone gets rid of it.*

Им соответствуют значения глагола: *1) to suddenly dismiss someone from their job; 2) to get rid of a plan, system, or service, especially in order to save money.*

Использование существительного в переносном смысле ‘обрубить, как топором’ в семантике глагола получило дополнительные коннотации ‘внезапно уволить кого-либо’ и ‘избавиться от плана/системы, особенно с целью сохранить деньги’.

Проследить данный тип идиоматичности возможно также на следующем примере: *belly (n) – 1) a) your stomach; b) the front part of your body between your chest and your legs; 2) literary a curved or rounded part of an object; belly(v) – to fill with air and become rounder in shape*. В данном примере прослеживается метафорическое употребление глагола, т.к. подобному тому, как живот округляется во время дыхания, то и глагол, который употребляется безотносительно живота, приобрел свое значение (v) наполнять воздухом по характерному признаку – становиться круглым.

Следующий тип идиоматичности проявляется в том, что значение глагола-derivата может становиться ‘интегрированным’, «вбирая» в себя несколько признаков или значений производящего слова. Существительное в данном случае многозначно.

Например, семантика глагола следующих значений существительного: *branch (n) – 1) a part of a tree that grows out from the trunk; 2) a local business, shop etc that is part of a larger business etc*. Глагол *branch (v) – to divide into two or more smaller, narrower, or less important parts* расширяет свою семантику, т.к. употребляется уже безотносительно только дерева или бизнеса, однако вобрал в себя значение ветки как части дерева и менее важного бизнеса в сравнении с большим – (v) *разделять на две или более мелкие, узкие, менее важные части*.

Еще одним примером может выступать глагол *drug (v) – to give a person or animal a drug, especially in order to make them feel tired or go to sleep, or to make them perform well in a race*. Глагол образован в результате слияния второго и третьего значений производящего существительного *drug (n) – 2) a medicine, or a substance for making medicines; 3) a substance that people doing a sport sometimes take illegally to improve their performance*, и приобрел дополнительный компонент значения ‘чтобы вызвать чувство усталости или сонливость’.

Наименее предсказуемым оказывается тип идиоматичности в семантике глаголов, отдельные значения которых образуются в результате семантического развития внутри структуры самого глагола, например, *air, anchor, assault, bath, bay, beam, bristle, date, ditch, doctor, dog, etc*. При этом разные образованные значения глагола могут подпадать под различные вышеупомянутые типы идиоматичности. Первые значения отыменных глаголов возникают в результате словообразовательного акта. Однако вторые

значения глаголов настолько далеко уходят от семантики производящего существительного, что зачастую связь между ними возможно проследить лишь посредством ссылки на первое значение самого же глагола. Как правило, они практически всегда являются переосмысленными. Например, в конверсионной паре **bristle (n)** – *a short stiff hair that feels rough*; **bristle (v)** – 1) *if an animal's hair bristles, it stands up stiffly because the animal is afraid or angry*; 2) *to behave in a way that shows you are very angry or annoyed* первое значение глагола ‘шерсть животного встает дыбом’ образовано, безусловно, в ходе словообразовательного акта, причем в отношении животного, которое либо напугано, либо злится. Следовательно, имеет место частичная идиоматичность. Однако второе значение глагола ‘вести себя образом, указывающим, что вы очень разозлены или раздражены’ в сравнении с семантикой существительного представляется полностью переосмысленным, т.к. развитие произошло внутри семантической структуры самого глагола. В отношении существительного семантика глагола во втором значении является невыводимой, и имеет место большая степень идиоматизации.

Примером могут служить также **ditch (n)** – 1) *a long narrow hole dug at the side of a field, road etc. to hold or remove unwanted water*; **ditch (v)** – 1) *informal to stop having something because you no longer want it*; 2) *informal to end a romantic relationship with someone*; etc. Связкой в значениях существительного и глагола выступает идея разделения, в семантике глагола трансформировавшаяся до «прекращения» (‘ров’ – ‘прекращать делать что-либо’). Первое значение возникает в результате словообразовательного акта и имеет место полная переосмысленность значения. Во втором значении глагола еще более сужается сфера его применения, т.к. прекращение касается именно ‘романтических отношений’, связь которого с существительным реализуется посредством ссылки на первое значение глагола.

Также от существительного **ape (n)** – *an animal that is similar to a monkey but has no tail or only a very short tail* по конверсии образовался глагол с двумя идиоматическими значениями: 1) *to copy the way someone speaks or behaves in order to make fun of them*; 2) *to copy someone's way of doing something, so that what you do or produce is not good or original*.

Данные значения отражают черты, присущие обезьяне. Первое можно рассмотреть как случай частичной идиоматичности и перенос по функции, т. к. оно отражает манеру поведения обезьяны, и по цели, т.к. трансформируется в ‘копировать речь или поведение кого-либо с целью высмеять’. Второе значение глагола предположительно в большей степени опирается на первое значение самого же глагола, т.к. сохраняется аспект ‘копировать кого-то’ и проявляется дополнительный ‘таким образом, что ваши действия или результат недостаточно хороши или оригинальны’.

Таким образом, при образовании отыменных глаголов по конверсии в большинстве случаев сопутствующим аспектом выступает явление идиоматичности. Идиоматичность отыменных глаголов подразделяется на несколько типов. Наиболее представлен тип идиоматичности в семантике глаголов, отдельные значения которых образуются в результате семантического развития внутри структуры самого глагола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харитончик, З. А. Прилагательное: значение, словообразование, функции: дис. ...д-ра филол. наук: ...: 10. 02. 19 / З. А. Харитончик. – Минск, 1986. – 334 л.
2. Плотников, Б. А. Основы семасиологии : учеб. пособие для филол. фак. вузов / Б. А. Плотников; под ред. А. Е. Супруна. – Мн. : Выш. школа, 1984. – 223 с.
3. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Высшая школа, 1986. – 336 с.
4. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий, В. В. Пассек. – М. : Изд-во лит. на ин. яз., 1956. – 260 с.
5. Милославский, И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза / И. Г. Милославский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 296 с.
6. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. – 2-е изд., стереотип. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
7. Clark, E.V. When Nouns Surface as Verbs / E. V. Clark, H. H. Clark // Language. – Vol. 55. – № 4 [Electronic resource]. – 1979. – P. 767–811. – Mode of access: <http://web.stanford.edu/~clark/1970s/Clark.Clark.79.pdf>. – Date of access: 05.09.2015.
8. Definitive online dictionary based on the Random House Unabridged Dictionary, originally The Century Dictionary [Electronic resource]. – Copyright 2015. – Mode of access: <http://dictionary.reference.com/>. – Date of access: 05.09.2015.
9. Longman dictionary of contemporary English / ed. dir. : M. Mayor. – 5th ed. – Harlow : Longman, 2009. – 2081 p.

The article describes denominative verbs formed by conversion in the English language. The processes of formation of derived verb semantics which can be determined by both linguistic and extra linguistic factors are analyzed. Types of idiomaticity of meanings of denominative verbs formed by conversion are singled out.

МИКРОСТРУКТУРА ОНЛАЙН-СЛОВАРЯ СЛЕНГА (на материале итальянского языка)

Статья посвящена изучению онлайн-словарей сленга и разговорной лексики. На примере италоязычного словаря Slangopedia выявляются существенные характеристики онлайн-словарей, особое внимание уделяется исследованию микроструктуры онлайн-словаря: лексической единице и ее значению, авторству и тегам (меткам), отличающим данный тип словаря от обычных лексикографических источников. Выделены теги трех типов: названия областей Италии, тематические теги и теги языковых подсистем, из которых наиболее часто встречаются первые. Установлены также частотные характеристики тегов: от наиболее часто встречающихся (Qualita/difetti, Lombardi, Droga, Azioni, Aspetto) до малоупотребительных.

Онлайн-словари сленга и разговорной лексики являются не просто новым видом словарей, размещенных в сети Интернет. Эти словари никогда не были напечатаны на бумаге, и само их существование стало возможно только с появлением Интернета. Дело в том, что онлайн-словари сленга и разговорной лексики создаются не специалистами-филологами – их авторами являются обычные люди, пользователи Интернета. Любой человек, зарегистрировавшийся на сайте (а в некоторых случаях – даже просто заходящий на него), может добавить слово, выражение или их значение в такой словарь. По мнению Б. Л. Бойко, желание пользователей сети Интернет участвовать в создании онлайн-словарей обусловлено «потребностью в самореализации, желанием ... быть прочитанным». Принимая участие в создании словаря, пользователь чувствует себя значимым, «равным среди равных», независимо от социальных статусов, возраста, образования [1, с. 64].

Именно в этом и состоит принципиальная новизна онлайн-словарей сленга и разговорной лексики, позволяющая говорить о возникновении нового типа лексикографических источников. Помимо этого, словарные статьи онлайн-словарей отличаются от словарных статей академических словарей: обычно после заглавного слова указывается авторство, дата добавления слова, рейтинг среди пользователей, иногда содержатся иллюстрации, теги, указывающие на сферу употребления [2, с. 29].

Первым таким словарем явился англоязычный словарь Urban Dictionary; впоследствии были созданы французские (www.laparlure.com, www.dictionnaire-urbain.fr), польские (www.miejski.pl), русские онлайн-словари (www.slovonovo.ru, www.teenslang.su, www.slovoborg.su). Интерес

лингвистов к словарям такого типа объясняется тем, что они становятся популярными среди все большего количества людей, но до сих пор возможности электронных словарей не изучены в полной мере, и необходимость их исследования остается актуальной.

Существует и италоязычный онлайн-словарь сленга Slangopedia, который размещен на сайте <http://temi.repubblica.it/espresso-slangopedia>. Однако, несмотря на достаточное число работ итальянских лингвистов по сленгам [3; 4; 5; 6], этот словарь еще не привлек внимания сленгологов. Поэтому целью данного исследования мы ставим выявление специфики этого словаря. Поскольку рамки статьи не позволяют этого сделать в полной мере, мы остановимся только на микроструктуре словаря – т.е. на строении его словарных статей. Так как данный словарь постоянно обновляется, мы рассмотрим только те слова и выражения, которые были добавлены не позднее сентября 2014 года, что составило 1282 лексические единицы.

Статьи словаря имеют следующую структуру: слово, значение, автор (в некоторых случаях указан также возраст человека, добавившего данное слово), тег, иногда упоминается область Италии, в которой используется это слово.

Не все из этих компонентов обязательны. Так, среди всех лексических единиц всего лишь в 23,5 % (302 единицы) указан возраст добавившего данное слово человека. Область Италии, в которой употребляется данный сленгизм, указана в 13 % случаев. Подчеркнем, что информация о месте употребления сленгизма может быть помещена в словарной статье в разных местах: в составе тега (о чем речь пойдет ниже) и отдельно: *marocchino* ‘**a Milano** и l’equivalente dell’ *espressino*, **al Sud** significa il caffè con cacao e latte mosso mosso – cappuccino’ ‘в Милане используется для обозначения эспрессо, на юге Италии – для обозначения капучино’, *masticone* ‘chewingum’ (‘жевательная резинка’, *si usa solo nella provincia aretina* ‘используется только в провинции Ареццо’).

Рассмотрим эти компоненты статьи более подробно.

1. Дефиниции лексических единиц.

Несмотря на то, что данный словарь создается не специалистами, а обычными пользователями, мы можем выделить такие же типы дефиниций, какие обычно указываются в научной литературе: 1) описательную, 2) синонимическую, 3) отсылочную (деривационную) [7].

Например, в исследуемом нами словаре примером первого типа дефиниции является слово *penzo* ‘situazione o oggetto pesante nel senso di impegnativo, o noioso’ (‘трудная ситуация, надоедливая или требующая затрат и усилий’), второй – *battente* ‘orologio’ (‘часы’), *biga* ‘bicicletta’ (‘велосипед’),

balino ‘letto’ (‘кровать’). Третий тип дефиниции (значения слов сохраняют смысловую связь с теми словами, от которых они образованы) представлен, например, при словах *marpionare* ‘deriva dal termine ‘marpione’ e significa provarci con una ragazza o con un ragazzo’ (‘пытаться заводить отношения с человеком противоположного пола; от слова ‘marpione’). Больше всего (48 %) в словаре Slangopedia оказалось дефиниций второго типа, что объясняется тем фактом, что сленг выполняет чаще всего функцию реноминации, т.е. сленговые слова служат лишь вторичными наименованиями того, что уже получило свое название в общелитературном языке.

2. Авторство.

В словаре Slangopedia указано также и авторство. Оно включает в себя имя добавившего человека, иногда его возраст, город или регион, в котором он проживает, а также адрес электронной почты.

Возраст добавившего данное слово человека варьируется от 12 до 53 лет. Больше всего людей, отметивших свой возраст, принадлежит к группе 19–25 лет (52,5 %). Это вполне объяснимо, так как носителями такой лексики являются по большей части молодые люди. Иногда при указании возраста не очень молодых пользователей Интернета есть уточнения. Например, *capata* ‘indica una qualunque cosa o situazione molto piacevole o che provoca intense emozioni’ (‘любая очень приятная вещь или ситуация, которая вызывает положительные эмоции’). В строке авторства указано следующее уточнение: *proposta da Salvatore, 44 anni, da Pozzuoli, a nome dei figli di 13 e 16 anni* ‘единица добавлена Сальваторе, 44 лет, житель города Поццуоли, от имени своих детей, 13 и 16 лет’. Есть также и другие уточнения: *smagare* ‘disgustare’ (‘вызывать отвращение’) – *proposta da Daniela Goldoni, 53 anni, insegnante, di Forlì* ‘единица добавлена Даниэлой Гольдони, 53 года, преподаватель из города Форли’. Она уточняет, что слышала данную единицу в речи своих студентов. Еще пример: *Da dieci* (‘quando una cosa è fatta davvero bene’, ‘когда что-то сделано действительно хорошо’) – *proposta da Riccardo Robotti, 45 anni ma lui scrive: «nel mio gruppo di lavoro ci sono anche ragazzi molto giovani pertanto ogni giorno ascolto lo slang», da Genova* ‘единица добавлена Риккардо Роботти, 45 лет из Генуи, который пишет: «среди моих коллег много молодых людей, и поэтому я каждый день слышу сленг»’. Эти факты свидетельствуют о том, что, скорее всего, большинство людей данной возрастной категории сами не являются носителями данного сленга, а просто людьми, которые добавили ту или иную единицу сленга и которые, в силу определенных причин, являются свидетелями употребления такого рода лексики.

3. Теги.

Важной частью статьи рассматриваемого нами словаря являются теги. Под тегами в онлайн-словарях имеются в виду метки – своеобразные ключевые слова, объединяющие слова и выражения, сгруппированные в словаре в определенные классы. Эти классы могут быть разного характера, как и сами теги. Всего в данном словаре выделено 43 тега. Некоторые лексические единицы попадают сразу в несколько тегов.

Все теги мы разделили на три группы. Первую группу составили **названия областей Италии** (Abruzzo ‘Абруццо’, Basilicata ‘Базиликата’, Calabria ‘Калабрия’, Campania ‘Кампания’, Lazio ‘Лацио’, Liguria ‘Лигурия’, Lombardia ‘Ломбардия’, Marche ‘Марке’, Molise ‘Молизе’, Piemonte ‘Пьемонт’, Sicilia ‘Сицилия’, Toscana ‘Тоскана’, Umbria ‘Умбрия’, Veneto ‘Венето’ и др.). Следует отметить, что в названную группу тегов входят абсолютно все области Италии без исключения.

В данной группе больше всего лексических единиц попали в тег *Lombardia* ‘Ломбардия’ (17 %): *fettone* ‘personaggio che abitualmente non dice la verita e racconta le “fette” (bugie)’ (‘человек, который никогда не говорит правду, обманщик’), *fulminante* ‘fiammifero’ (‘спичка’). В группу с тегом *Lazio* вошли 10 % лексических единиц: *abbozzare* ‘nel Lazio corrisponde a sopportare’ (‘в области Лацио означает переносить, терпеть’). Большое количество лексических единиц (9,3 %) входят в группу с тегом *Emilia-Romagna*: *flower* ‘spinello’ (‘сигарета’, от английского *flower* ‘цветок’), *allokare* ‘dall’inglese to look: dare un’occhiata’ (от английского *to look* ‘смотреть, осматривать’).

7 % лексических единиц – в группе с тегом *Toscana*: *fare sale* ‘прогуливать школу’.

Тегами, называющими другие области Италии, помечено мало единиц – обычно меньше процента.

Наличие большого количества тегов, называющих регионы Италии, обусловлено тем, что до сегодняшнего дня в Италии существует множество различных диалектов, они разнятся от одной области до другой. Часто свой диалект, отличный от других, встречается даже в маленьких провинциях. Это является особенностью языковой ситуации в Италии, так как данные диалекты широко используются в повседневной коммуникации, диалектные элементы попадают в литературный итальянский язык и, в целом, являются важной, неотъемлемой частью итальянской языковой ситуации [8, p. 54].

Во вторую группу мы включили т.н. **тематические теги** (*alcol/alcool* (‘алкоголь’), *aspetto* (‘внешность, внешний вид’), *azioni* (‘действия’), *droga* (‘наркотики’), *famiglia* (‘семья’), *fortuna/sfortuna* (‘везение, удача/несчастье,

неудача'), *look* ('внешний вид'), *luoghi* ('места'), *malesseri* ('недомогание, плохое самочувствие'), *oggetti* ('предметы'), *qualita/difetti* ('качество, свойство/недостаток, дефект'), *quantita* ('количество'), *relazioni* ('отношения'), *scuola* ('школа'), *Sesso* ('секс'), *soldi* ('деньги'), *stati d'animo* ('настроение, душевное состояние'), *tempo* ('время'), *esortazioni* ('уговоры, увещания').

Что касается числа получивших соответствующую метку слов и выражений словаря, то больше всего единиц насчитывается в группе, помеченной тегом *qualita/difetti* (*qualita* ('качество, свойство'), *difetti* ('недостаток, дефект')) – почти 26 % лексических единиц. Сюда попадают слова, описывающие внешность или характер человека либо качество объекта или предмета, к тому же в большинстве случаев данные лексические единицы носят негативную окраску: *flashato* 'deriva da flash, indica una persona un po' fuori di testa' ('от англ. *flash* вспышка; человек, который немного не в себе, странный'), *flebo* 'noioso' ('скучный'), *frallimone* sinonimo di stupido, idiota, scemo ('глупый, дурачок'), *babbo di minnchio* 'idiota' ('идиот, слабоумный'), *lambascione* 'uno stupido' ('глупый человек'), *lao* 'persona imbranata, tonta. Deriva dal videogioco Mortal Kombat, dal personaggio Kung Lao che non era molto forte nei combattimenti' ('неуклюжий, глупый, слабый. От имени Кун Лао – персонажа видеоигры *Mortal Kombat* 'Смертельная битва', который не отличался смелостью и способностью к сражениям').

Присутствуют также и единицы, которые дают позитивную оценку человеку, предмету или действию: *firizzuolo* 'sta ad indicare un uomo dall'indiscussa generosità, con un innato senso dell'umorismo' ('очень щедрый человек, с врожденным чувством юмора'), *fogo* 'quando una persona, per esempio nella musica, si esibisce e tira fuori il meglio di si, si dice che e fogo' ('человек, который полностью отдается своему делу'), *fissa* 'cosa o persona interessante, attraente' ('интересный предмет или привлекательный человек').

Достаточно большой процент (14,5 %) лексических единиц вошел в группу с тегом *droga* ('наркотики'), что свидетельствует о том, что в Италии молодежь использует много слов и выражений для названия наркотиков и всего, что с ними связано: *accannarsi* 'fumarsi una canna, uno spinello (nel centro-meridione, Basilicata)' ('курить травку', регион Basilicata), *sbugba* 'eroina' ('героин', регион Veneto), *bob* 'termine che identifica in quasi tutta la provincia di Napoli lo spinello' ('в Неаполе это слово используется в значении 'сигарета с «начинкой»', регион Campania).

12,7 % лексических единиц вошли в группу с тегом *azioni*. Например: *battere i pezzi* 'corteggiare' ('ухаживать'), *ammugghiare* 'rollare una canna' ('скручивать сигарету'), *googlare* 'l'azione indica la ricerca on line di qualsiasi informazione' ('поиск информации в интернете, «гуглить») и так далее.

12 % лексических единиц – в группе с тегом *aspetto* ('внешность, внешний вид'). Сюда включаются лексические единицы, которые называют качества предмета или человека и описывают его внешний вид. Здесь встречаются лексические единицы как с положительной окраской, так и с негативной: *fagiana* 'bella ragazza' ('красивая девушка'), *sarchiapone* 'tipo apparentemente intelligente, ma mezzo imbecille' ('человек, который кажется умным, но на самом деле является глупым'), *flettosa* 'ragazza piatta, senza seno e senza curve' ('«плоская» девушка, без округлостей'), *biga* 'uomo o donna particolarmente robusti e alti' ('крепкий, мощный и высокий человек'), *buea* 'ragazza sexy' ('сексуальная девушка'), *buzzicona* 'donna grassa' ('полная женщина'), *ciospa* 'ragazza davvero brutta' ('очень некрасивая девушка') *mastrolindo* 'persona molto lecchina; uomo calvo' ('подлиза; лысый мужчина').

10 % лексики включает в себя группа с тегом *stati d'animo* ('настроение, душевное состояние'): *ammaturpito* 'rimasto senza parole, particolarmente meravigliato, imbambolato. In uso nell'alta Umbria' ('опешить, быть очень удивленным; используется в регионе Умбрия'), *sboldra* 'ragazza dai facili costumi' ('девушка легкого поведения'), *lumacone* 'colui che sbava dietro una ragazza e fa l'appiccicoso' ('тот, кто ходит следом за девушками, пристаёт к ним').

Следует отметить, что, на наш взгляд, большинство тегов второй группы представляют собой области, которые наиболее волнуют молодежь (*alcool/alcool, droga, relazioni, scuola, sesso, soldi*), а также те области жизнедеятельности человека, с которыми он встречается каждый день и без которых не может обойтись в быту (*azioni, famiglia, luoghi, oggetti, soldi*).

Третья группа – это **теги языковых подсистем** (*texting language* ('язык текстовых сообщений'), *slanglish* ('единицы, которые объединяют в себе черты английского и итальянского языков'), *frasario* ('фразеология; жаргон, разговорные выражения'). Интересно, что первые два тега из трех имеют англоязычную форму, что свидетельствует, на наш взгляд, о высокой степени проникновения английского языка в молодежную речь Италии. 10,2 % лексических единиц вошли в группу с тегом *frasario* ('фразеология; жаргон, разговорные выражения'): *fare chiodo* 'saltare la scuola' ('прогуливать школу'), *babbo di minchia* 'idiota' ('идиот'), *dargliela su* 'rinunciare, come give up in inglese' ('отказываться, в английском give up').

3,5 % лексических единиц включает в себя группа с тегом *slanglish*. Чаще всего такие единицы образуются путем добавления к основе английских слов итальянских суффиксов и окончаний (для глаголов это окончание *-are*, которое в итальянском языке указывает на первое спряжение глаголов)

и приставок: *flashato* ‘deriva da flash, indica una persona un po’ fuori di testa’ (‘от англ. *flash* вспышка; человек, который немного не в себе, странный’; английское существительное *flash* + итальянский суффикс *-ato*), *flettosa* ‘ragazza piatta, senza seno e senza curve’ (‘«плоская» девушка, без округлостей’; английское прилагательное *flat* + итальянский суффикс *-oso*); глаголы, образованные путем объединения основы английского глагола и итальянского окончания *-are*: *jumpare* ‘bigiare la scuola’ (‘прогуливать школу’; английский глагол *to jump*), *drinkare* ‘bere, ubriacarsi’ (‘пить, напиваться’; английский глагол *to drink*).

В группу с тегом *texting language* ‘язык текстовых сообщений’ вошли разного рода сокращения: *TVB* ‘ti voglio bene; ti voglio bastonare’ (‘я люблю тебя; я хочу тебя убить’), *UB* ‘un bacio’ (‘целую’), *Lol* ‘lot of laugh’ (‘громко смеяться, вслух’). Такого рода сообщения вполне объяснимы стремлением упростить процесс коммуникации.

Не все лексические единицы в рассматриваемом нами словаре получили какой-либо тег. 2 % лексических единиц не отмечено ни одним из тегов. Например: *accavallata* ‘ragazza vanitosa’ (‘тщеславная девушка’), *gine* ‘ginecologo’ (‘гинеколог’), *mozz* ‘motorino’ (‘мопед’) и другие.

19 % лексических единиц получили 1 тег. Например: *gongione* ‘stupidotto, credulone’ (‘глупый человек, простак’, тег *qualita/difetti*), *amedeo* ‘gay’ (‘гомосексуалист’, тег *Campania*).

Больше всего лексических единиц (48 %) получили по 2 тега. В данном случае одним из тегов, как правило, становится тег из группы **названия областей Италии**: *Lombardia*, *Emilia-Romagna*, *Piemonte*.

23 % лексических единиц получили по 3 тега. Например: *starci dentro* ‘essere alla moda’ (‘следить за модой’), теги *aspetto*, *look*, *stati d’animo*, *sorko* ‘ragazzo carino’ (‘симпатичный парень’), теги *aspetto*, *Lazio*, *qualita/difetti*, *trippabbozzio* ‘uomo panciuto’ (‘толстый мужчина’), теги *aspetto*, *Campania*, *qualita/difetti*.

Есть также лексические единицы, которые получили по 4–7 тегов, и одно слово помечено 21 тегом: *Maria* (o *erba*) ‘in uso in tutta Italia per dire marihuana’ (‘используется во всей Италии для обозначения марихуаны’), из которых 20 – это теги, называющие все области Италии, а также тег *droga* (‘наркотики’).

Все сказанное отражено в таблице. Теги даны по убыванию числа лексических единиц.

Таблица 2

Процентное соотношение лексических единиц, входящих в состав лексических групп, объединенных одним и тем же тегом

Название тега	Количество лексических единиц	
	число	%
Qualita/difetti	332	26
Lombardia	223	17
Droga	186	14,5
Azioni	164	12,7
Aspetto	154	12
Frasario	132	10,2
Lazio	132	10
Stati d'animo	128	10
Emilia-Romagna	120	9,3
Relazioni	109	8,5
Toscana	90	7
Sesso	85	6,6
Campania	82	6,3
Veneto	78	6
Look	76	5,9
Liguria	74	5,7
Piemonte	67	5,2
Oggetti	60	4,7
Scuola	57	4,5
Sicilia	56	4,3
Alcol/alcool	52	4
Puglia	48	3,7

Friuli-Venezia Giulia	46	3,5
Slanglish	45	3,5
Malesseri	34	2,6
Soldi	25	1,9
Texting language	23	1,8
Quantita	22	1,7
Sardegna	22	1,7
Umbria	17	1,3
Calabria	17	1,3
Abruzzo	15	1,2
Trentino-Alto Adige	15	1,2
Marche	13	1
Esortazioni	12	0,9
Fortuna/sfortuna	11	0,8
Basilicata	9	0,7
Politica	6	0,5
Luoghi	6	0,5
Tempo	5	0,4
Molise	4	0,3
Famiglia	3	0,2
Valle d'Aosta	2	0,2

Таким образом, словарные статьи в онлайн-словарях имеют ряд особенностей: наряду с самой лексической единицей и ее значением, они часто включают структурные части, не представленные в обычных, «традиционных» словарях, напечатанных на бумажных носителях: авторство и теги. Наличие первой из них является следствием того, что онлайн-словари создаются непрофессионалами. Вторая – теги – возникла как результат электронной, виртуальной формы существования онлайн-словарей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бойко, Б. Л.* Самодеятельный онлайн-словарь современной лексики жаргона и сленга «Словоново» как форма общения в Интернете / Б. Л. Бойко // *Вопр. психолингвистики.* – 2010. – № 12. – С. 64–70.
2. *Лукашанец, Е. Г.* Сленговые словари как результат металингвистической деятельности пользователей интернета / Е. Г. Лукашанец // *Науч. диалог.* – 2012. – № 8. – С. 28–48.
3. *Ambrogio, R.* Scrostati Gaggio: dizionario storico dei linguaggi giovanili / R. Ambrogio, G. Casalegno. – Torino : UTET, 2004. – 518 p.
4. *Cortelazzo, M.* Il parlato giovanile / M. Cortelazzo // *Storia della lingua italiana. II, Scritto e parlato*, a cura di Luca Serianni e Pietro Trifone / Michele Cortelazzo. – Torino : Einaudi, 1994. – P. 291–317.
5. *Lingua Giovani.* Centro di documentazione sul linguaggio giovanile [Electronic resource]. – Mode of access : www.maldura.unipd.it/linguagiovani. – Date of access : 26.11.2014.
6. *Radtke, E.* Varieta giovanili / E. Radtke // *Introduzione all'italiano contemporaneo. La variazione e gli usi* / a cura di Alberto A. Sobrero. – Roma-Bari : Latenza, 1993. – P. 191–235.
7. *Заваруева, И. И.* Словарная статья как особое лексикографическое построение (на примере электронных словарей) / И. И. Заваруева // *Граматичні читання : матеріали міжнародної науково-практичної конференції.* – Серія: Філологічні науки. – ДонНУ, 2011. – С.125 – 128.
8. *Coveri, L.* Le varieta dell'italiano. Manuale di sociolinguistica italiana / L. Coveri, A. Benucci, P. Diadori. – Roma : Siena, 1998. – 322 p.

The article is dedicated to the research of online slang dictionaries and conversation vocabulary. On the example of Slangopedia, a dictionary of the Italian language, intrinsic features of online dictionaries are revealed, special attention is paid to the research of the microstructure of online slang dictionary: lexical unit and its meaning, authorship and tags that distinguish this type of dictionaries from traditional lexicographical sources. Three types of tags: names of the regions of Italy (the most frequent type), thematic tags and tags of language subsystems, were revealed.

A. Lavrovski, R. Akhramenko

“FAMILY” METAPHORS IN BUSINESS ENGLISH

В статье рассматривается концептуальная метафора «компания есть семья», широко используемая работодателями в целях повышения лояльности сотрудников. Особо отмечается тот факт, что, несмотря на полемику в печати, метафора до сих пор не изучалась

с лингвистической точки зрения. Приводится анализ языковых метафор семантического поля «семья», составляющих концептуальную метафору «компания есть семья». Подчеркивается, что в случае с метафорой «компания есть семья» лингвистическое моделирование по Дж. Лакофф не представляется возможным, что доказывает искусственность ее происхождения в английском языке.

In recent years, much research has demonstrated that metaphors play an important role in business English. Business involves strategy, planning, losing and winning as warfare and fighting does, hence, the metaphors of war are numerous in this sphere [1]. Other metaphors used in business English refer to the fields of sport and gambling [2; 3].

One of the semantic fields the constituents of which act as sources for metaphors in business English is *family*. The use of family metaphors in business English has been a matter of a large dispute over the recent years. The growing necessity to control workers and work processes gave rise to using the conceptual metaphor *a company (firm, etc.) is a family*.

Business leaders took to family metaphors because the family terminology provided a safe alternative to authoritative language and class terminology when talking about labor relations.

This notion engendered a range of polemical articles stating that it is inadmissible to associate a company with a family in any way. The arguments on both sides, however, employed little or nothing from the linguistic researches on the use of metaphors in the language and their impact on human behaviour. Speaking about these researches we mean first and foremost the writings of George Lakoff. George Lakoff and Mark Johnson's theory of metaphor [4] provides a basis for describing everyday cognitive strategies in using linguistic models and thus, making it possible to uncover both individual and collective patterns of thought and action. Lack of supporting material on both sides in the controversy surrounding family metaphors in business English has created an opportunity to investigate the family metaphors in business English from the points of statistics, semantics and frequency of occurrence in business discourses.

According to the modern publications, the conceptual metaphor *a company is a family* is currently used by business authorities to serve the purpose of understanding family relations in terms of business realities. In other words, employees are encouraged to view their company as a kind of a family unit, thereby treating the authorities as “parents” and expressing loyalty. Nikki Mandell [5] describes the institution of “welfare managers” and argues that

they looked to the Victorian family as a model for workplace relationships and adopted family metaphors to regulate the relationship between employers and employees.

The opponents of use of the conceptual metaphor *a company is a family* point out a lot of discrepancies in the essence of this metaphor and its semantic associations [6].

However, in the publications we have studied on the topic in question, we found no mention of research of language metaphors which form the conceptual metaphor *a company is a family*.

The Combinatory Dictionary of the English Language [7] offers a number of word combinations used with the lexemes *family*, *company* and *firm*. The analysis of the given word combinations, however, has shown no coincidence in lexical compatibility of these concepts.

The defining of the lexical components of the semantic field *family* in the modern English language was the next stage of our research. For this purpose we used the Oxford Dictionary of the English Language [8]. As a result we received a list of 18 lexemes directly concerning the semantic field *family*: *father/dad/daddy*; *mother/mum*; *husband*; *wife*; *son*; *daughter*; *brother*; *sister*; *grandfather*; *grandmother*; *aunt*; *uncle*; *child/baby/kid*.

After we received the list of lexemes of the semantic field *family* we started identification of language metaphors in the business English language which included the aforementioned lexemes. Our basic source of information was The English-Russian Dictionary of Modern Business Language [9], containing more than 18 000 entries. As a result we received a database of 52 positions – the language metaphors containing the lexemes from the semantic field *family*, such as: *aunt Millie* ‘inexperienced investor’; *baby billboard* ‘advertising poster panel in public transport (i.e. small)’; *big daddy* ‘the most important person among similar people’; *daughter company* ‘subsidiary’; *divorce* ‘separation of previously merged companies’; *father and sons* ‘a bonded stock with subsequent emission of new tranches’; *granny bond* ‘an index-linked savings certificate, formerly only available to persons over retirement age, hence the name’; *mother’s day* ‘a day, usually once a month, when hardship allowances are given out’.

Our next step was to carry out language modelling of the metaphors (after George Lakoff) to confirm or disprove the conceptual metaphor *a company is a family*. A careful study of 143 authentic business-related texts found in different Internet sources showed that the family lexemes in the metaphors merely replace the corresponding business terms but allow no language modelling. For example, the expression *my dear old father* cannot stand for *my dear old boss*. Our attempts

proved the language modelling in the sphere of family metaphors in business English ineffective, thus suggesting the artificial character of the conceptual metaphor *a company is a family*.

Our search for verification of the results of our research encouraged us to turn to bi-nominative constructions after A. Wierzbicka [10]. We assumed that bi-nominative constructions would help us clarify the reasons why the above-mentioned family lexemes appeared in the metaphors by establishing their semantic associations. Thus, on the next stage of our research with the help of The Oxford Dictionary of the English Language and The Combinatory Dictionary of the English Language we worked out semantic associations of the given metaphors. The semantic associations then were presented in the form of bi-nominative constructions N_1 is N_2 , where N_1 stands for a lexeme from the semantic field family, and N_2 – its semantic association. So the lexeme *dad* associates with the concept *authority*, hence the construction *dad–authority*.

On the following stage of our research it was necessary to verify the conformity of the semantic associations to the linguistic-cultural realities of the modern English language. Thus we applied to philology students of Birmingham University (via the Internet), as well as MSLU students of the modern English language, requesting them to participate in a survey. We drew up a questionnaire which contained the list of lexemes from the semantic field *family* as well as the list of semantic associations obtained as the result of our research. The participants were asked to match the family lexemes from the offered list and the corresponding semantic associations and to generate bi-nominative-type constructions N_1 is N_2 based on their own feeling of the language. The results show 93,2 % and 89,7 % of coincidence respectively. This allows us to conclude that the semantic associations obtained as the result of our research reflect the actual perception of the abovementioned metaphors in the linguistic-cultural realities of the modern English language.

Now when we could be sure about the consistency of our associations we were able to draw conclusions about the role of family metaphors and the conceptual metaphor *a company is a family*, in particular, in business English communication. The results show that family metaphors do not employ the meanings of loyalty, common goal or team work. Instead, they serve as explanations of random business facts through something close and clear to all people – family relations. In other words, the conceptual metaphor *a company is a family* should be understood as family relations help us illustrate and thus better understand certain business realities. This means that, according to the English language, a company is not actually perceived as a family unit in any way. Thus,

the conceptual metaphor *a company is a family* has an artificial origin and family metaphors are used for better understanding business realities in terms of family relations.

REFERENCES

1. Svobodová, L. Metaphors of War in Business English / L. Svobodová. – Prague, 2012. – 38 p.
2. Goatly, A. The Language of Metaphors [Electronic resource] / A. Goatly. – Mode of access : <http://journals.cambridge.org>. – Date of access : 13.08.2015.
3. Hawkes, T. Metaphor [Electronic resource] / T. Hawkes. – Mode of access : <http://www.jstor.org>. – Date of access : 07.07.2015.
4. Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – London: The University of Chicago Press, 2003. – 414 p.
5. Mandell, N. The Corporation as Family: The Gendering of Corporate Welfare, 1890–1930 / N. Mandell. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2002. – 381 p.
6. Hoffman, R. [Electronic resource] / R. Hoffman. – Mode of access : – Date of access : 20.08.2015.
7. Combinatory Dictionary of the English Language. – М. : «Иностранная литература», 1997. – 278 с.
8. Oxford Dictionary of the English Language. – London, 2012. – 1214 p.
9. Нешумаев, И. В. Англо-русский словарь современной деловой разговорной лексики / И. В. Нешумаев. – М. : «Русский язык», 2003. – 680 с.
10. Вержбицка, А. Язык. Культура. Мышление / А. Вержбицка. – М. : «Слово», 1997. – 217 с.

The article deals with the conceptual metaphor *a company (firm, etc.) is a family* and language metaphors which form this conceptual metaphor. The article provides arguments that the conceptual metaphor *a company is a family* has an artificial origin and that *family* metaphors are used for better understanding business realities in terms of family relations.

Е. С. Колб

ФРЕЙМОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (на примере фрейма «судебный процесс/разбирательство»)

В статье рассматривается идея организации юридической терминологии с позиции фреймового подхода, и на примере фрейма «судебный процесс/разбирательство» описывается структура и лексическая наполняемость фрейма в юридической терминологии.

Терминология как специальная область знания всегда находилась под пристальным вниманием ученых и исследователей. Это связано как с международным характером современных научных знаний и стремлением к унификации терминов, так и тем фактом, что существование и развитие любой современной науки невозможно без терминологии. Термины определяют суть научных открытий, передают созданные и существующие понятия, служат названием новых предметов и явлений.

Говоря о юридической терминологии, следует отметить, что язык права и закона предполагает как строгую выдержанность, так и простоту, понятность, доступность населению. Язык юриспруденции – это язык законодательства и права, нормативно-правовых документов, язык протокольных речей работников данной профессиональной сферы. Поэтому трудно переоценить значение правильного использования юридической терминологии в законотворческой деятельности. По словам А. В. Черкаева, «юридические термины призваны сэкономить язык законодательного акта, они удобны для применения в юридической практике, информативны для профессионалов, так как представляют собой сжатую и концентрированную форму выражения знания» [1, с. 23].

При анализе любой отраслевой терминосистемы возникает необходимость определения концептуально-языковой структуры терминов. Одним из наиболее подходящих подходов является фреймовый анализ, которые приобрел в последнее время значительную популярность в связи с универсальностью представления различной информации. Тем не менее, к настоящему времени вопросы фреймовой организации лексики, в частности юридической терминологии, не получили достаточного освещения в научной литературе.

Фреймовая теория была впервые представлена в начале 70-х гг. XX в. американским кибернетиком М. Минским. Им была выдвинута идея о том, что части информации, использующиеся в определенной модели, должны носить более общий и четко организованный характер. В таком случае фреймы выполняют функцию иерархически организованной структуры данных, которая накапливает знания об определенной стереотипной ситуации или классе ситуаций. Согласно Минскому, структура фрейма имеет два уровня: в верхний включены данные, всегда справедливые для подвергаемой анализу ситуации; нижний уровень представляет собой пустые узлы («slots») и заполняется конкретными данными из практической ситуации [2, с. 7].

При помещении какой-либо ситуации во фрейм исследователь пытается предугадать ее возможное развитие, рассмотреть все то, что может встретиться в данной ситуации или тексте, который ее описывает.

Непосредственно в лингвистику фреймовый подход был внедрен Ч. Филлмором, который рассматривал фреймы как когнитивные структуры, которые «обеспечивают понимание концептов, представленных словами» [3, p. 75]. Ученый заложил основы фреймовой семантики, определяя фрейм как любую совокупность лингвистических выборов, которые могут ассоциироваться с так называемыми сценами. По Филлмору, фреймы в языке – это лексические ряды, постигаемые человеком как одно целое. Компоненты таких рядов называют отдельные части понятийных структур, отражающих определенные отрезки действительности. Сами же ряды, в свою очередь, определяются и формируются конструкциями знаний или схематизациями опыта. Они и образуют термин «фрейм». При этом Филлмор акцентирует внимание на том факте, что термин «фрейм» может быть использован, когда «...имеется в виду специальное лексико-грамматическое обеспечение, которым располагает данный язык для наименования и описания категорий и отношений...» [4, с. 110]. Таким образом, семантическое описание фрейма становится возможным только в условиях детализации концептуальной схемы, которая лежит в его основе.

Сферой нашего научного интереса является фреймовая организация юридической терминологии. В рамках данной работы мы описываем такой фрейм юридической терминологии как «судебный процесс/разбирательство» («criminal process/procedure»).

Опираясь на информацию, полученную из правовых источников («Большой юридический словарь» под ред. А. В. Малько [5], «Большой юридический словарь» под ред. А. Я. Сухарева [6], электронные правовые ресурсы «Энциклопедия юриста» [7] и «Большой юридический словарь» [8]), можно утверждать, что с позиции права понятие «судебный процесс/разбирательство» представляет собой важнейшую стадию уголовного процесса, заключающуюся в рассмотрении на судебном заседании уголовных дел, которая структурно состоит из нескольких установленных частей: подготовительной части судебного заседания, судебного следствия, прений сторон и последнего слова подсудимого, постановления приговора.

Англоязычные словари юридической лексики («Dictionary of Legal Terms» by S. H. Gifis [9], «Black's Law Dictionary» (7th edition) [10], «Dictionary of Law» by P. H. Collin [11], «Nolo's Plain-English Law Dictionary» [12])

и электронная база данных фреймов английского языка «FrameNet» [13] дают нам как схожее представление о термине «criminal process/procedure», так и представление, включающее аспекты, отличные от русскоязычного толкования данного понятия. Так, термин «criminal process/procedure» представляет собой *legal method* ‘судебную процедуру’ и *the machinery for carrying on the suit, including pleading, process, evidence and practice* ‘процедуру ведения судебного дела, включающую защиту, судебный процесс, дачу показаний и судебную процедуру’, что по своей сути сходно с толкованием в русскоязычных правовых источниках. Однако стоит отметить, что в русскоязычной версии отсутствует такой аспект, как *the legal rules dealing with investigating, prosecuting, adjudicating, and punishing individuals for violating criminal laws* ‘правовые нормы, касающиеся расследования, преследования в судебном порядке, вынесения решения и наложения взыскания на лиц за нарушение уголовного права’, что делает понятие «criminal process/procedure» более широким по значению в английском языке.

Исходя из приведенных выше определений, фрейм «судебный процесс/разбирательство» может быть описан следующим образом. Нам известно, что любой фрейм структурно состоит из определенного набора слотов. Соответственно, в составе фрейма «судебный процесс/разбирательство» можно выделить ядерные слоты, являющиеся обязательными, и слоты неядерные. В нашем случае ядерными слотами будут являться:

- слот «лица»;
- слот «процесс»;
- слот «результаты заседания».

Кроме того, возможно выделить и неядерные слоты: слот «место» и слот «время», которые, в свою очередь, реализуются по-разному.

При описании процесса судебного разбирательства задается сценарий, что, по Филлмору, представляет собой «знание условных или обычных последовательностей» [4, с. 80]. Заполнение фрейма «судебный процесс/разбирательство» происходит в соответствии с конкретным судебным процессом.

При сравнении процесса судебного разбирательства в белорусской судебной практике и англоязычной обнаруживаем, что в обоих случаях происходит заполнение одних и тех же слотов, а именно ядерных слотов «лица», «процесс», «результаты заседания» и неядерных – «место» и «время». Присутствует лишь незначительное несовпадение объема слота «лица», связанное с определенными различиями судебных систем. При этом в обоих языках мы видим, что в первую очередь заполненными оказываются ядерные слоты, и только потом – слоты неядерные.

Поскольку в сферу интересов нашего исследования входили ядерные слоты данного фрейма, более подробно остановимся на их лексическом наполнении.

Ядерный слот «лица» в составе фрейма «судебный процесс/разбирательство» охватывает 14 лексических единиц, которые обозначают всех непосредственных участников судебного процесса, включая лиц, прямо или косвенно (например, по долгу службы) связанных с данной стадией уголовного процесса. Среди лексических единиц, наполняющих данный слот, можно выделить как облигаторные, так и необлигаторные элементы. Это еще раз доказывает тот факт, что лексическая наполняемость слота «лица» в составе данного фрейма целиком и полностью зависит от уголовного дела, с которым мы имеем дело. Лексическое наполнение данного слота показано на рис. 1.

Лексический состав ядерного слота "лица"		
<i>jury</i> 'присяжные'	<i>criminal defendant</i> 'подсудимый'	<i>prosecution</i> 'сторона обвинения'
<i>judge</i> 'судья'	<i>accomplice</i> 'сообщник'	<i>defence</i> 'сторона защиты'
<i>public prosecutor</i> 'государственный обвинитель'	<i>victim</i> 'жертва'	<i>witness for prosecution/defence</i> 'свидетель обвинения/защиты'
<i>minute-taker</i> 'секретарь заседания'	<i>attorney/barrister/solicitor</i> 'адвокат'	

Рис. 1. Лексическое наполнение ядерного слота «лица».

В свою очередь ядерный слот «процесс» состоит из 10 лексических единиц, которые описывают все установленные законом части судебного разбирательства, такие как подготовительная часть судебного заседания, судебное следствие, прения сторон и последнее слово подсудимого, постановление приговора. Здесь абсолютно все лексические единицы в составе слота являются облигаторными. Это обусловлено сущностью самого слота «процесс», который строго предписывает нам свое лексическое наполнение. Соответственно, мы можем утверждать, что лексическая наполняемость слота «процесс» в составе данного фрейма строго обусловлена, т.е. никак не зависит от тонкостей конкретного уголовного дела. Рис. 2 демонстрирует лексическое наполнение данного слота.

Лексический состав ядерного слота "процесс"		
<i>offense</i> 'преступление' <i>procedure/process</i> 'разбирательство/ процесс' <i>preparatory part</i> 'подготовительная часть'	<i>trial</i> 'слушание дела' <i>judicial enquiry</i> 'судебное следствие' <i>pleadings</i> 'судебные прения'	<i>prosecution</i> 'обвинение' <i>defence</i> 'защита' <i>pre-imposition statement</i> 'последнее слово подсудимого'

Рис. 2. Лексическое наполнение ядерного слота «процесс».

Еще одним ядерным слотом, объединяющим вокруг себя 8 лексических единиц, является ядерный слот «результаты заседания», лексические единицы которого выражают возможные варианты исхода судебного процесса. Стоит отметить, что в структуре данного слота присутствуют обязательные и необязательные элементы. Кроме того, становится очевидным, что лексическая наполняемость данного слота в составе фрейма «судебный процесс/разбирательство» зависит не только от конкретного уголовного дела, но и от специфики судебной практики в отдельно взятой стране. Лексическое наполнение слота «результаты заседания» представлено на рис. 3.

Лексический состав ядерного слота "результаты заседания"		
<i>charges</i> 'обвинения' <i>sentence</i> 'приговор' <i>judgement</i> 'судебное решение'	<i>verdict</i> 'решение присяжных' <i>guilty verdict</i> 'обвинительный приговор' <i>non-guilty verdict</i> 'оправдательный приговор'	<i>sentence with suspended execution</i> 'приговор с отсрочкой' <i>capital punishment</i> 'смертная казнь'

Рис. 3. Лексическое наполнение ядерного слота «результаты заседания».

Проанализировав структуру и лексическую наполняемость фрейма «судебный процесс/разбирательство», можно прийти к выводу, что состав его ядерных слотов, а именно слотов «лица», «процесс» и «результаты заседания», имеет ряд качественных и количественных отличий.

Во-первых, количественно различается лексическая наполняемость каждого ядерного слота в структуре данного фрейма. Так, самым лексически наполненным ядерным слотом является слот «лица», а самым немногочисленным по количеству представленных в нем лексических единиц – ядерный слот «результаты заседания».

Во-вторых, можно говорить и о различиях в облигаторности лексических единиц в составе ядерных слотов, которая определяется, исходя из сущности самого судебного процесса. Так, в структуре ядерного слота «лица» облигаторными являются 9 лексических единиц и сочетаний из 14 имеющихся. В составе же ядерного слота «процесс» обнаруживаем 10 слов и словосочетаний, абсолютно все из которых носят облигаторный характер. Что касается облигаторности лексического наполнения ядерного слота «результаты заседания», то здесь можно говорить о 3 облигаторных элементах из имеющихся 8, а также 4 элементах, которые в зависимости от решения суда, принятого по конкретному уголовному делу, могут быть как облигаторными, так и не облигаторными.

В-третьих, стоит отметить различия лексических элементов, наполняющих ядерные слоты «лица», «процесс» и «результаты заседания», относительно типа их структурных единиц. Если говорить о лексических единицах в составе ядерного слота «лица», то здесь они представлены преимущественно односложными элементами, а именно 10 единиц из 14 являются словами, а не сочетаниями слов.

Относительно типа лексических единиц в составе ядерного слота «процесс» можно сказать следующее: только 3 лексических элемента из 10 представляют собой словосочетания. В свою очередь половина лексических единиц, наполняющих ядерный слот «результаты заседания», а именно 4 лексических элемента из 8 являются словосочетаниями.

Таким образом, фрейм «судебный процесс/разбирательство» представляется нам сложной структурой, состоящей из ряда ядерных и неядерных слотов, представленных как облигаторными, так и необлигаторными лексическими единицами. В его состав в современном английском языке входят 34 лексические единицы, распределенные по соответствующим ядерным слотам данного фрейма. Схематично структура фрейма «судебный процесс/разбирательство» представлена на рис. 4.

Рис. 4. Состав фрейма «судебный процесс/разбирательство».

На основании всего вышеизложенного целесообразно говорить о наличии определенных различий в лексической наполняемости ядерных слотов «лица», «процесс» и «результаты заседания», входящих в состав фрейма «судебный процесс/разбирательство». Эти различия обусловлены как количественными, так и качественными особенностями лексических единиц данных слотов. Тем не менее еще раз стоит подчеркнуть, что заполнение фрейма «судебный процесс/разбирательство» происходит так, как того требует конкретный судебный процесс. Любые пространственные варианты тесно связаны с коммуникативными и поведенческими аспектами ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черкаев, А. В. Юридическая терминология в российском публичном праве: проблемы применения и совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. В. Черкаев. – М., 2004. – 173 л.
2. Минский, М. Фреймы / М. Минский // Фреймы для представления знаний. – М., 1979. – Гл. 1. – С. 6–15.
3. Fillmore, Ch. J. Toward a Frame-based Lexicon : The Semantics of RISK and its Neighbors / Ch. J. Fillmore, B. T. S. Atkins // Frames, Fields and Contrasts : New Essays in Semantic and Lexical Organization / A. Lehrer, E. Kittay. – Hillsdale, 1992. – P. 75–102.
4. Филлмор, Ч. Дж. Основные проблемы лексической семантики / Ч. Дж. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – 1983. – Вып. 12. – С. 74–122.

5. Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. – М. : Проспект, 2011. – 703 с.
6. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. – 3-е изд., доп. и перераб. – М. : ИНФРА-М, 2007. – 858 с.
7. Энциклопедия юриста // Интернет и право [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : http://www.internet-law.ru/dic/enc_law.php. – Дата доступа : 10.11.2014.
8. Большой юридический словарь // Правовед [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа : <http://pravo-slovar.narod.ru/>. – Дата доступа : 22.12.2014.
9. *Gifis, S. H.* Dictionary of Legal Terms / S. H. Gifis. – 6th edition. – USA : Barron's Educational Series, 2010. – 640 p.
10. Black's Law Dictionary / editor in chief : Bryan A. Garner. – 7th edition. – USA : West Group, 1999. – 1738 p.
11. *Collin, P. H.* Dictionary of Law / P. H. Collin. – London : Peter Collin Publishing, 1986. – 328 p.
12. *Hill, G.* Nolo's Plain-English Law Dictionary / G. Hill, K. Hill, Nolo Editors. – 1th edition. – Berkeley : NOLO, 2009. – 477 p.
13. FrameNet // База данных [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа : <https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/>. – Дата доступа : 20.01.2015.

The paper concentrates on the structure and lexical fillability of the frame in juridical terminology on the example of the frame «criminal process/procedure».

НАШИ АВТОРЫ

Акуленко Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания МГЛУ.

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет», директор НИЦ интеракциональной лингвистики и институционально-правовой коммуникации.

Ахраменко Ревекка Антоновна – выпускница Гимназии № 30 г. Минска имени Героя Советского Союза Б. С. Окрестина.

Бобко Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания МГЛУ.

Будникова Елена Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка (английский) МГЛУ.

Василенко Екатерина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского, общего и славянского языкознания Могилёвского государственного университета им. А. А. Кулешова.

Варакса Юрий Игоревич – студент переводческого факультета МГЛУ.

Глинка Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания МГЛУ.

Гэн Цзянь – доцент отделения иностранных языков Юньнаньского университета.

Ивашень Галина Викторовна – магистрант МГЛУ.

Карапетова Елена Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой теории и практики перевода № 1 переводческого факультета МГЛУ.

Колб Екатерина Сергеевна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ.

Крюковская Надежда Петровна – магистрант кафедры английского, общего и славянского языкознания Могилёвского государственного университета им. А. А. Кулешова.

Кустова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет».

Лавровский Александр Львович – учитель английского языка Гимназии № 30 г. Минска имени Героя Советского Союза Б. С. Окрестина.

Леон Ольга Вячеславовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики германских языков Барановичского государственного университета.

Леонтьева Вера Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания МГЛУ.

Лещёва Людмила Модестовна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания МГЛУ.

Лукашанец Елена Глебовна – кандидат филологических наук, профессор кафедры общего языкознания МГЛУ.

Любецкая Анна Витальевна – сотрудник представительства ООН в Республике Беларусь.

Малицкий Юрий Вячеславович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела диалектологии и лингвогеографии Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси.

Мельникова Наталья Игоревна – секретарь-референт/переводчик ООО «Алютех. Воротные системы».

Петракова Юлия Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики немецкого языка МГЛУ.

Плотникова Лариса Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Савко Анна Александровна – старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка Барановичского государственного университета.

Тарасевич Лариса Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания МГЛУ.

Чалова Оксана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины.

Шкреба Олеся Александровна – аспирант кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ. СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ДИСКУРСА

<i>Алферов А. В., Кустова Е. Ю.</i> Мультимедийное дискурсивное пространство французской национальной ассамблеи	4
<i>Бобко Т. В.</i> Специфика оценочных метакоммуникативных комментариев в русско- и белорусскоязычной интернет-коммуникации	12
<i>Мельникова Н. И., Тарасевич Л. А.</i> К вопросу о жанровой специфике англоязычных версий корпоративных сайтов белорусских предприятий	18
<i>Леон О. В.</i> Встречная метакритика в современном политическом дискурсе (на материале англо-, немецко- и русскоязычных интернет-обсуждений	30
<i>Маліцкі Ю. В.</i> Камунікатыўна-прагматычныя магчымасці рэдуплікаваных лексічных адзінак у сучасным беларускім гутарковым маўленні	39
<i>Чалова О. Н.</i> Амбивалентность характеристик устной научной дискуссии ..	46
<i>Василенко Е. Н., Крюковская Н. П.</i> Ежедневное обращение американского президента к нации как жанр политического дискурса	53
<i>Глинка Е. В.</i> Лингвокультурологические устойчивые выражения, их трансформация и прагматическое значение в заголовках медиатекста	66
<i>Савко А. А.</i> Комплимент в американском неформальном общении: гендерная составляющая	73
<i>Варакса Ю. Н.</i> Искусственные языки в магической функции: история и типология	79

ЯЗЫКОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

<i>Лещева Л. М.</i> «Овощи, фрукты, прочие продукты»: история происхождения русских и английских фитонимических названий	90
<i>Лукашанец Е. Г.</i> Двуполюсность как специфическая черта деривационной системы русского арго	102

<i>Будникова Е. И.</i> Значимость компонентов лексического значения в разных типах семантической экспликации (на материале имен существительных английского языка).....	111
<i>Акуленко Е. А., Леонтьева В. В.</i> Лингвистические термины: от научно-познавательной семантики к общеупотребительной.....	119
<i>Каранетова Е. Г.</i> Семантико-синтаксические свойства английских перцептивных глаголов.....	129
<i>Шкреба О. А., Плотникова Л. И.</i> Лексические новообразования в поэтических текстах В. Полозковой.....	136
<i>Гэн Цзянь</i> Семантико-иероглифические гнезда в китайском языке.....	142
<i>Петракова Ю. И.</i> Влияние стилистических факторов на активность лексических единиц во вторичной номинации (на материале наименований частей тела в современном немецком языке).....	148
<i>Любецкая А. В.</i> Типы идиоматичности семантики отыменных глаголов.....	156
<i>Ивашень Г. В.</i> Микроструктура онлайн-словаря сленга (на материале итальянского языка).....	165
<i>Lavrovski A., Akhramenko R.</i> «Family» metaphors in business English.....	174
<i>Колб Е. С.</i> Фреймовая организация юридической терминологии (на примере фрейма «судебный процесс/разбирательство»).....	178
Наши авторы.....	187

Учебное издание

**ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ.
ЯЗЫКОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ**

Сборник научных статей

Выпуск 7

Ответственный за выпуск *З. А. Харитончик*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*

Ст. корректор *С. О. Иванова*

Компьютерная верстка *Т. С. Квасова*

Подписано в печать 28.03.2018. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 11,02. Тираж 120 экз. Заказ 8.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печати изданий от 02.06.2014 г № 11337.

ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.